

Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945.

Люди. События. Факты.

Материалы

*научно-практической конференции,
посвящённой освобождению Брянщины
от немецко-фашистских захватчиков*

Брянск

2020

Департамент образования и науки Брянской области
Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба
Вооружённых Сил МО РФ
Брянская областная научная универсальная библиотека
им. Ф.И. Тютчева
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского
Брянский государственный технический университет

**Брянщина в годы Великой Отечественной
войны 1941-1945.
Люди. События. Факты.**

**Материалы
научно-практической конференции,
посвящённой освобождению Брянщины
от немецко-фашистских захватчиков**

(12 сентября 2013 года)

**Брянск
2020**

УДК 947.085(471.333)

ББК 63.3(2)622-9

Б89

Составитель – Ширяев В.М., начальник управления по науке и профессиональному образованию департамента образования и науки Брянской области

Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945.

Б89 **Люди. События. Факты** : материалы НПК, посвящённой освобождению Брянщины от немецко-фашистских захватчиков : 12 сентября 2013 года / Департамент образования и науки Брянской области и [др.]; Сост.: В.М. Ширяев. – Брянск, 2020. – 175 с.: ил.

В сборник включены материалы научно-практической конференции «Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Люди. События. Факты», а также справочные и архивные материалы по истории Брянского фронта, часть из которых публикуется впервые.

В работе конференции приняли участие ветераны Великой Отечественной войны, представители администрации Брянской области, Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил МО РФ, вузов г. Брянска (БГУ, БГТУ, БГИТА, БГСХА, Брянского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ), Юго-Западного государственного университета (г. Курск), Московского государственного университета управления, Московского областного университета МВД России, Брянского регионального отделения Центрального филиала ОАО «МегаФон», Государственного архива Брянской области, Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева, поисковых отрядов, педагоги и учащиеся общеобразовательных учреждений Брянской области.

Материалы предназначены для учёных, исследователей, преподавателей, студентов, учителей, школьников, а также лиц, интересующихся проблемами истории Великой Отечественной войны на Брянщине.

ББК 63.3(2)622-9

Материалы публикуются в сокращении с сохранением авторского стиля.

Палакян Владимир Борисович,
директор Брянского региональ-
ного отделения Центрального
филиала ОАО «МегаФон»

Дорогие наши ветераны!

Я обращаюсь к тем, кто вынес на своих плечах Великую Победу. К тем, кто прошёл фронтовыми дорогами под свинцовым дождём. К тем, кто не разгибал спины на колхозных полях. К тем, кто днём и ночью стоял за станками заводов.

Дорогие ветераны! День Победы давно стал главным всенародным праздником. Это тот самый праздник «со слезами на глазах», когда в каждой российской семье вспоминают своих близких, не вернувшихся с войны, и чествуют ныне живущих.

Вспомним и мы наш брянский вклад в Победу над врагом. Брянцы были на самых трудных участках войны, сначала сдерживая тяжкий натиск врага, а потом ломая его хребет. Более 200 человек – уроженцев земли Брянской – стали Героями Советского Союза. Более 200 тысяч наших земляков ушли на фронт. Многие из них не вернулись домой. Вечная память павшим!

Благодарю вас, дорогие ветераны, за ваши неутомимые сердца, за вашу активную позицию и пример для подрастающего поколения.

Выражаю уверенность, что вы и впредь будете продолжать отстаивать общечеловеческие ценности, помнить о тех идеалах, за которые боролись вы и ваши побратимы в годы Великой Отечественной войны и послевоенного строительства.

Низкий поклон вам, поколение военных лет.

Спасибо за Победу!

Оборотов Владимир Николаевич,
директор департамента образования
и науки Брянской области,
Заслуженный учитель Российской
Федерации

***Уважаемые гости и участники конференции,
дорогие ветераны!***

Доброй традицией стало проведение конференции в преддверии 17 сентября – Дня освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков. В этом году мы отмечаем 70-летие.

Это знаменательная дата – ещё один повод взглянуть на историю.

Россия приняла главную тяжесть удара неприятельских фашистских сил. Великая Отечественная война явила удивительную высоту человеческого духа, скрепила братское единство самых разных народов в борьбе за свободу и самобытность. Сейчас прилагаются огромные усилия, чтобы развенчать величайшие достижения нашей страны в смертоносной схватке со страшным врагом. Но это не удастся сделать до тех пор, пока мы сами сохраняем твёрдое убеждение в том, что именно мужеством и героизмом нашего народа и была одержана победа.

Ход времени неумолим. Сегодня в активную жизнь вступает поколение, для которого война – это давно прошедшее время. Но и у давно прошедшего времени есть живая связь с нынешним поколением. Этой связью являетесь вы, ветераны. На этом фронте идёт сегодня ваша борьба. И нет более важной задачи, как выиграть битву, не менее серьёзную, чем та, что была семьдесят лет назад, – битву за души наших молодых людей.

Департамент образования и науки последовательно проводит политику, направленную на воспитание у современной молодёжи чувства патриотизма.

В учебный план включён региональный компонент – курс «История Брянского края». Специально для него разработаны, изданы и направлены в школы региона учебники. В 9 классе в

программу включён раздел, посвящённый событиям Великой Отечественной войны на территории Брянщины. В наших школах активно работают школьные музеи. Огромная работа проводится Брянским областным дворцом детского и юношеского творчества имени Ю.А. Гагарина. Большое внимание уделяется проблеме воспитания нравственности и патриотизма в воспитательной работе в учреждениях СПО и ВПО. Проводятся конкурсы, олимпиады, конференции, реализуются социальные проекты и другие мероприятия.

Уважаемые участники конференции! Исследовательская и поисковая работа позволяет лучше представить, как в самые трудные времена выполняли свой долг ветераны, каковы истоки их мужества, стойкости и героизма. Много значит тот факт, что в единой связке работают представители всех поколений, присутствующих сейчас в зале.

Дорогие ветераны! Сегодня вы являетесь образцом ответственности за настоящее и будущее России, идеалом терпения. В лихолетье вы в наивысшей степени проявили самые глубокие нравственные качества нашего народа: самоотверженность, мужество, твёрдую веру в победу. Помнили о долге перед Отчиной. И выполнили его, жертвуя своею молодостью, здоровьем и жизнью. Ваша мудрость, опыт и безразличное отношение к делу служат образцом для нас.

Желаю Вам сохранять доброе здоровье, силы, способность передавать свои мысли, свой опыт другим, а всем участникам конференции – плодотворной работы!

Выступления

Фланговый удар Брянского фронта в 1943 г. К 70-летию освобождения Брянска

Изонов Виктор Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института
(военной истории) Военной академии
Генерального Штаба Вооружённых сил
Российской Федерации (г. Москва)

Брянская наступательная операция (17 августа – 3 октября 1943 г.), достаточно подробно освещена в литературе [1]. Как отмечал командующий Брянским фронтом генерал армии М.М. Попов, по своему характеру и результатам она не принадлежит к числу выдающихся операций Великой Отечественной войны [2]. Действительно, она являлась одной из обычных фронтовых операций, которых немало было проведено советскими войсками. Брянский фронт, в тесном взаимодействии с Западным (командующий – генерал-полковник В.Д. Соколовский) и Центральным (командующий – генерал армии К.К. Рокоссовский) фронтами закончил ликвидацию Орловского выступа. И всё же Брянская наступательная операция занимает важное место в летне-осенней кампании 1943 г. с точки зрения военного искусства.

В Брянской наступательной операции наибольший интерес представляют: перегруппировка сил и средств фронта на новое направление в результате неуспеха на ранее избранных направлениях, а также методы внезапного для противника создания новой группировки и его преследование. На том, как решались эти вопросы командованием и штабом фронта, мне и хотелось бы остановиться более подробно.

При завершении Орловской наступательной операции 1943 г. Брянский фронт подошёл к немецкому оборонительному рубежу «Хаген». Ему приходилось действовать в лесах и болотах, преодолевать многочисленные с заболоченными поймами реки, правые берега которых были укреплены противником. Обста-

новка осложнялась и тем, что в тылу Брянского фронта было мало дорог, а в ходе наступления войска оторвались от своих баз почти на 200 км. В то же время, враг, используя Брянский железнодорожный узел, имел возможность легко маневрировать силами вдоль фронта и в глубину через Рославль и Гомель. Кроме того, в районе Брянска располагался значительный аэродромный узел противника.

Как видим, добиться успеха путём лобовых атак было практически невозможно. Поэтому командование Брянского фронта (командующий – генерал-полковник, с 27 августа генерал армии М.М. Попов, член Военного совета – генерал-лейтенант Л.З. Мехлис, начальник штаба – генерал-лейтенант Л.М. Сандалов) планировало решить задачи фронта на флангах брянской группировки противника.

Первоначально считалось, что в сложившихся условиях будет более правильным наступать на обоих крыльях фронта сильными фланговыми группировками войск по сходящимся направлениям. Соображения об операции Брянского фронта, разработанные к исходу 16 августа, предусматривали действие на двух основных направлениях: на правом крыле фронта в направлении Дятьково, Шамордино должны были наступать главные силы 50-й (командующий – генерал-лейтенант И.В. Болдин), 3-й (командующий – генерал-лейтенант А.В. Горбатов) и 11-й (командующий – генерал-лейтенант И.И. Федюнинский) армий, поддержанные всей авиацией фронта; а на южном крыле, из района Ревны на Орменку должны были прорывать оборону 11-я гвардейская (командующий – генерал-лейтенант И.Х. Баграмян) и 63-я (командующий – генерал-лейтенант В.Я. Колпакчи) армии [3] (см. Приложения. Рис. 1). Войскам Брянского фронта противостояла 9-я полевая армия (командующий – генерал-полковник В. Модель).

Соотношение сил войск Брянского фронта и противника показано в таблице 1.

Но реализовать этот план не удалось. С 17 по 26 августа войска фронта развернули наступление на обоих флангах. К сожалению, противнику удалось раскрыть намерения советского командования и усилить обороняющиеся здесь войска [4]. Вскоре стало ясно, что сил и средств фронта для одновременного ведения операции с решительной целью на двух участках недостаточно. Так, численность стрелковых дивизий фронта составляла

от 4300 до 8800 человек [5]. В танковых полках на 19 августа в 50-й армии было: от 6 (4 Т-34, 2 Т-70) в 233-м танком полку до 30 (25 Т-34, 5 Т-70) в 189-м танковом полку [6].

Таблица 1

**Соотношение сил войск Брянского фронта и противника
на 12 августа 1943 г. [7, 8]**

Наименование	Количество											
	С д п д	т к п д	тб р	сб р	Тп	К к	сап дшо	А п	ору- дий	мино- мётов	тан- ков	само- лётов
Брянский фронт	3 6	1	2	2	12	1	7	55	432 0	522 5	<u>547</u> 72	798
Противник	1 3	1			5		6	15	994	500	<u>280</u> 120	106 0
Соотношение	3 : 1 1	1 : 1	2:0	2: 0	2,5: 1	1 : 0	4:3	4: 1	4:1	10:1	<u>2:1</u> 3:5	5:7

27 августа Военный совет фронта доложил Ставке Верховного Главнокомандования, что считает целесообразным главные усилия сосредоточить на правом крыле фронта и только на одном направлении. Генерал армии М.М. Попов вспоминал: «Фланговый удар позволял лишить противника сильных сторон его обороны, уже налаженной по лесам и рекам, и вывести основные силы фронта в тыл противника. Развивая удар в глубину, мы могли разорвать железнодорожную связь и нарушить взаимодействие группы армий “Центр”» [9].

На правом фланге удар должна была наносить 50-я, её поддерживать 3-я армии, с использованием всей авиации и имевшихся боеприпасов [10]. На левом же фланге в целях содействия наступлению войск Центрального фронта на черниговском направлении предполагалось ограничиться только наступлением 63-й армии и частью сил 11-й гвардейской и 4-й танковой (командующий – генерал-лейтенант танковых войск В.М. Баданов) армий.

Осуществление этого замысла потребовало большой перегруппировки сил и средств фронта. 50-я армия со средствами усиления за четверо суток к утру 3 сентября переместилась на 80-

100 км к северу. Войска совершали марш по 6 маршрутам, и протяжённость ночного перехода составляла: для пехоты – 25-30 км, для танковых частей и артиллерии на механической тяге – 35-50 км. При этом, «длина колонны артиллерийского корпуса составляла 150 и кавалерийского корпуса с боевыми обозами – 110 километров» [11].

Скрытно провести перегруппировку не удалось (при движении войск, особенно автомашин, по песчано-подзолистуому грунту в дни перегруппировки, когда стояла исключительно сухая погода, создавались огромные облака пыли, которые до утра не успевали осесть), и противник принял меры к усилению обороны в районе южнее и юго-западнее Кирова [12].

Развернув полным ходом подготовку операции командование фронта непрерывно изучало обстановку и проводило интенсивную разведку, направленную на выявление характера обороны, группировки и задач противника в полосе фронта, и главным образом к югу и юго-востоку от Кирова. Особое внимание обращалось на проведение разведки боем на широком фронте, которая осуществлялась 3, 4 и 5 сентября. Например, 4 сентября в полосе намеченного прорыва пять усиленных стрелковых батальонов от 64-й, 212-й, 110-й, 238-й и 413-й стрелковых дивизий начали разведку боем. Результаты боя, как и показания пленных, имели большое значение. Оказалось, что оборона противника глубиной 15 км состояла из двух полос и имела сильно развитую систему полевых сооружений. Несколько линий траншей были прикрыты проволочными заграждениями, а противопехотные и противотанковые минные поля занимали свыше 60% всей линии фронта [13].

Стало ясно, что прорыв вражеской обороны на этом участке может дорого обойтись войскам 50-й армии. Командование фронта стало искать новое решение, которое обеспечило бы успех с меньшей затратой сил.

Такое решение было найдено. Усиливая свою оборону южнее и юго-западнее Кирова, противник снял наиболее боеспособные части из района севернее города. Именно там и наметило теперь нанести главный удар командование Брянского фронта. Оно решило использовать выгодное оперативное положение 10-й армии (командующий – генерал-лейтенант В.С. Попов) Западного фронта, которая нависла над вражеской

группировкой, обороняющейся к северу от Брянска. Командующий Западным фронтом генерал-полковник В.Д. Соколовский согласился с тем, чтобы войска Брянского фронта действовали в полосе 10-й армии. 5 сентября состоялся доклад генерала армии М.М. Попова И.В. Сталину о новых соображениях. Ставка ВГК утвердила этот план. На подготовку к операции оставалось всего 40 часов. За это время следовало уточнить решение, совершить перегруппировку сил и средств, поставить задачи войскам, организовать взаимодействие и провести другие подготовительные мероприятия.

С наступлением темноты 5 сентября началась новая перегруппировка войск, на этот раз в полосу действий 10-й армии Западного фронта. Состав сил и средств фронта, назначенных для флангового удара из района Дубровки и порядок их перегруппировки имел свои особенности. Подбирались такие соединения и части, которые могли бы совершить марш в новый район немедленно, были в состоянии самостоятельно вести боевые действия на значительную глубину, развивать достигнутый успех и обладали бы достаточной маневренностью, огневой и ударной мощью. Такие стрелковые дивизии нашлись в 50-й армии, ещё не введённые в первый эшелон в районе Кирова. Кроме того, в состав фланговой группировки вошли 2-й гвардейский кавалерийский корпус, 29-я гвардейская танковая бригада и отдельные танковые полки. Для артиллерийского обеспечения операции командование фронта привлекло в качестве основных сил гвардейские минометы. В полосу наступления 50-й армии было переброшено семь гвардейских миномётных полков. Из 10-й армии привлекались пять полков ствольной артиллерии.

Весьма поучителен комплекс мероприятий, осуществлённых с тем, чтобы ввести врага в заблуждение относительно замысла советского командования. Меньше чем за двое суток 50-я армия, соблюдая все меры маскировки, совершила вторую перегруппировку. О новом плане знали только члены Военного совета фронта и армий и весьма ограниченный круг лиц руководящего состава. Распоряжения отдавались только лично или по телефону «ВЧ». В отдельных случаях приказы писались от руки и вручались исполнителю через особо доверенных офицеров связи. Продолжалась демонстрация подготовки наступления на кировском направлении. Так, в ночь перед наступлением по опорным пунктам противника, расположенным на кировском

направлении, был проведён удар двумя авиационными дивизиями ночных бомбардировщиков По-2 [14]. Тайна подготовки наступления была соблюдена. Проведённая без одновременного сосредоточения сил перегруппировка войск прошла незаметно для противника, и наступление войск Брянского фронта оказалось для него неожиданным. Для большей внезапности было решено отказаться от длительной артиллерийской подготовки, заменив её коротким мощным огневым налётом и ударом бомбардировочной авиации по живой силе и военной технике противника. Например, 7 сентября из 314 самолётов вылетов истребительной авиации 268 пришлось на сопровождение бомбардировочной и штурмовой авиации [15].

Достижение внезапности удара явилось показателем хорошей работы командного и всего личного состава советских войск и штабов, принимавших участие в подготовке и организации операции. Напряжённую, чёткую работу проводил штаб фронта, во главе с генерал-лейтенантом Л.М. Сандаловым.

Генерал армии М.М. Попов задачу командующему 50-й армией поставил устно: с утра 7 сентября главными силами прорвать оборону противника в районе Дубровки и, наступая в южном направлении, во взаимодействии с 3-й армией уничтожить Кировскую вражескую группировку, не допуская их отхода за Десну [16]. Одновременно, используя успех намеченного к вводу в прорыв в полосе наступления армии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, захватить плацдарм на правом берегу Десны [17]. Важную роль в операции выполняла 15-я воздушная армия (командующий – генерал-лейтенант авиации Н.Ф. Науменко). Её усилия направлялись главным образом в полосу наступления 50-й армии (см. Приложения. Рис. 2).

Соотношение сил войск Брянского фронта и противника, плотностей и плотности на 1 км фронта показано в таблицах 2-4.

7 сентября в 11 часов на вражеские позиции севернее Кирова обрушились сотни и тысячи авиационных бомб, реактивных и артиллерийских снарядов. 20 минут продолжался огневой налёт. Действия артиллерии направлялись и контролировались лично командующим артиллерией Брянского фронта генерал-лейтенантом артиллерии Н.В. Гавриленко. На глубину 2-3 км противник был надёжно подавлен или уничтожен.

Затем в распоряжение врага ворвались танки и пехота 50-й армии. Усиление стрелковых дивизий отдельными танко-

выми полками и танковой бригадой обеспечивало им достаточную пробивную силу. Внезапность удара решила исход боя. Советские войска не встретили организованного сопротивления, и вскоре оборона противника на этом направлении была прорвана.

Для развития успеха вечером 7 сентября в прорыв вошёл 2-й гвардейский кавалерийский корпус (командир – генерал-майор В.В. Крюков) и 29-я гвардейская танковая бригада. Корпус и бригада, преследуя врага, прорвались в его тыл, неожиданно переправились 11 сентября через Десну. Корпус захватил двумя дивизиями плацдарм на её правом берегу на участке Ревовичи, Голубея, а одной дивизией овладел рубежом Жуковка, Гришина Слобода фронтом на юго-восток [18]. Не имея перед собой серьёзного противника можно было бы организовать преследование. Но развить успеха конники не смогли, так как стрелковые дивизии отстали, а подошедшие части противника оказали сопротивление, отсекали пехоту, поставив тем самым в тяжёлое положение 2-й гвардейский кавалерийский корпус и 29-ю гвардейскую танковую бригаду [19].

Таблица 2

**Соотношение сил войск Брянского фронта и противника
на 7 сентября 1943 г. [20, 21]**

Наименование	Количество										
	сд пд	мк пд	тб р	Т п	к к	са п дш о	А п	ору- дий	мино- мёт- тов	тан- ков	само лётов
Брянский фронт	42	1	2	14	1	11	58	4469	4598	<u>296</u> 58	821
Противник	12			4		6					
Соотношение	3:1	1:0	2:0	4:1	1:0	2:3					

Таблица 3

Таблица плотностей на 7 сентября 1943 г. [22]

	На одну сд (пд) приходится км					
	50 А	3 А	11 А	11 гв. А	63 А	в сред. по фронту
Брянский фронт	4,4 км	4,5 км	10,3 км	4,8 км	5,3 км	5,7 км
Противник	30 км	18 км	18 км	20 км	15 км	20 км

Таблица 4

Плотность на 1 км фронта на 7 сентября 1943 г. [23]

Брянский фронт	Орудий	$\frac{14}{22,4}$	$\frac{13,6}{16}$	$\frac{9,6}{12,3}$	$\frac{13,8}{15}$	$\frac{16,3}{16,7}$	$\frac{18,5}{19}$
	Танков	3	0,4	0,3	1	0,8	$\frac{1,2}{0,2}$
Противник	Орудий						
	Танков						

Четыре дня до подхода общевойсковых соединений корпус удерживал плацдарм на Десне. Враг делал всё, чтобы окружить и уничтожить конников. До восьми раз в день немецкая пехота при поддержке танков и авиации атаковала кавалеристов, но каждый раз откатывалась назад, оставляя на поле боя много убитых. За смелые и решительные действия при форсировании Десны 2-й гвардейский кавалерийский корпус был награждён орденом Красного Знамени. 20-я Краснознаменная ордена Ленина кавалерийская дивизия (командир – генерал-майора П.Т. Курсаков) этого корпуса, особо отличившаяся в боях, была преобразована в 17-ю гвардейскую Краснознаменную ордена Ленина кавалерийскую дивизию [24].

Развитие флангового удара севернее Кирова резко изменило обстановку в районе Брянска. Захват и удержание плацдарма на правом берегу Десны советскими кавалеристами, угроза выхода в тыл брянской группировки противника основ-

ных сил фронта заставили командование 9-й полевой армии начать отвод своих войск.

15 сентября главные силы 50-й армии соединились с частями 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, а к исходу дня вышли к Десне на всём фронте – от реки Снопоть до станции Олсуфьево, удерживая плацдармы на правом берегу реки в районах Звягино, Владимировка, Рековичи, Голубея. 308-я (командир – полковник Я.Я. Фогель) и 380-я (полковник А.Ф. Кустов) стрелковые дивизии 41-го стрелкового корпуса 3-й армии вышли на реку Десна [25].

Успеху советских войск на этом направлении способствовала активная борьба брянских партизан, действовавших в знаменитом партизанском крае – в Брянских лесах. Ни карательные экспедиции гитлеровцев, ни жестокая блокада партизанского края не могли сломить народных мстителей, заставить их отказаться от борьбы против оккупантов. Партизаны непрерывно усиливали свои удары по врагу. Одно лишь упоминание о Брянских лесах приводило в ужас немецких солдат и офицеров. Партизанский край являлся своеобразным бастионом советской власти за линией фронта.

Были и другие эпизоды напряжённых боевых действий флангового удара, которые, несомненно, заслуживают специального рассмотрения. В целом успех действий 50-й армии был несомненным и по своему значению выходил за рамки армейской операции. Каковы же результаты флангового удара Брянского фронта?

1. Его оперативное влияние быстро сказалось на боевых действиях Брянского фронта. Угроза выхода советских войск в тыл брянской группировки противника вынудили германское командование отвести свои дивизии под прикрытием дымовых завес перед фронтом 50-й, 3-й и 11-й армий [26]. В результате преследуя противника, войска 11-й армии за 11 и 12 сентября с боями преодолели всю полосу брянских лесов и вышли с востока на подступы к Брянску и Бежице. После четырёхдневной подготовки, утром 17 сентября, 323-я (командир – полковник С.Ф. Украинец) и 197-я (командир – подполковник Ф.Ф. Абашев) стрелковые дивизии, взаимодействуя с 217-й (командир – полковник Н.П. Массонов) стрелковой дивизией 11-й гвардейской армии форсировали реки Болву, Десну, сломали сопротивление противника и с боем овладели Брянском и Бежи-

цей [27]. Вечером этого дня в Москве был дан артиллерийский салют: 12 залпов из 124 орудий. Приказом Верховного Главнокомандующего были присвоены почётные наименования «Брянских» – 197-й, 323-й стрелковым дивизиям, 3-й гвардейской истребительной авиационной дивизии, 277-му инженерному батальону, 140-му инженерно-сапёрному батальону; «Бежицких» – 4, 273-й стрелковым дивизиям, 313-й ночной ближнебомбардировочной авиационной дивизии, 310-му и 74-му гвардейским миномётным полкам. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1943 г. генерал-лейтенант И.В. Болдин был удостоен ордена Суворова 1-й степени.

2. Брянский фронт перешёл на преследование противника во всей полосе наступления, организовав на главном направлении конно-механизированную группу в составе 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, танковой бригады и специальных частей [28]. Действиями группы руководил генерал-лейтенант М.И. Казаков. Авиация фронта бомбила отходившие вражеские колонны, наносила удары по переправам на Десне. Однако Оперативное управление Генерального штаба Красной Армии отмечало «слабую деятельность разведорганов, отсутствие данных о стыках между частями и соединениями противника, следствием чего преследование производилось равномерно по всему фронту. Не было решительных действий наступающих войск с целью окружения и уничтожения противника по частям. Фактически темп преследования лимитировался темпом отхода противника» [29].

Поэтому были только разгромлены 339-я, 110-я, 134-я, 707-я, 95-я, 299-я пехотные дивизии противника, а не уничтожены [30].

3. Значительные выгоды дал фланговый удар и соседям. Соединения 10-й армии Западного фронта получили возможность быстро продвигаться. Они на отдельных участках форсировали реку Снопоть и наступали в западном направлении, а некоторыми соединениями к 15 сентября вышли к Десне и начали форсировать её.

Войска группы армий «Центр» оказались скованными не только Западным и Калининским фронтами, но и наступлением Брянского фронта. Это содействовало успешному развитию операции Центрального фронта [31].

4. Преследование привело к освобождению всего Брянского промышленного района и части территории Белорусской ССР. Оно завершилось в начале октября 1943 г. на рубеже реки Сож [32].

Таким образом, манёвр и удар 50-й армии – это пример гибкого и творческого подхода командования фронта и армии к решению задачи по разгрому противника, которое проявилось, прежде всего, в настойчивых поисках наиболее выгодного направления удара с целью нанесения решительного поражения брянской группировке противника при возможно меньших издержках. При этом командование проявило известную смелость в принятии решений, сознательно пошло на определённый риск. Результаты операции свидетельствуют о том, что время и усилия, затраченные на поиск лучшего варианта решения боевой задачи, окупились успехами, достигнутыми войсками армии и фронта в целом.

Успешное наступление 50-й армии оказало положительное влияние на наступательную операцию Брянского фронта в целом. Действия войск этой армии поучительны смелой группировкой сил вдоль линии фронта, умелым использованием успеха, достигнутого соседним фронтом, для нанесения удара по противнику в новом направлении. Её удар по уязвимому месту в обороне противника обусловил возможность перехода к активным наступательным действиям войск фронта в широкой полосе к северу и югу от Брянска.

Источники

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т. 3. – М., 1961. – С. 368-371; *Попов, М.М.* Фланговый удар Брянского фронта (Воспоминания) // Военно-исторический журнал. – 1959. – № 10. – С. 19-33; *Федюнинский, И.И.* Поднятые по тревоге. – М., 1961. – С. 157-162; *Болдин, И.В.* Страницы жизни. – М., 1961. – С. 207-222; *Малыничков, С.* Манёвр войск Брянского фронта // Военно-исторический журнал. – 1969. – № 10. – С. 27-40; *Сандалов, Л.М.* На московском направлении. – М., 1970. – С. 358-361; *Плотников, Ю.В.* Организация и проведение преследования в Брянской наступательной операции // Военно-исторический журнал. – 1970. – № 9 – С. 19; *Горбатов, А.В.* Годы и войны.

- М., 1980. – С. 225-231; Третья армия. История. Люди. Подвиги. – М., 1995. – С. 127-129; Военная энциклопедия. В 8 т. – М., 1997. – Т. 1. – С. 598-599 и др.
2. *Попов, М.М.* Фланговый удар Брянского фронта (Воспоминания) // Военно-исторический журнал. 1959. – № 10. – С. 19.
 3. Центральный архив Министерство обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 405. Оп. 17461. Д. 2. Л. 2.
 4. ЦАМО. Ф. 405. Оп. 17461. Д. 2. Л. 4.
 5. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 994. Д. 19. Л. 176.
 6. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 994. Д. 19. Л. 174.
 7. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 994. Д. 19. Л. 172.
 8. Числитель – танки, знаменатель – самоходные артиллерийские установки, штурмовые орудия.
 9. Там же. С. 21-22.
 10. *Горбатов, А.В.* Годы и войны. – М., 1980. – С. 226.
 11. *Болдин, И.В.* Страницы жизни. – М., 1961. – С. 211.
 12. ЦАМО. Ф. 405. Оп. 10389. Д. 13. Л. 14.
 13. *Болдин, И.В.* Страницы жизни. – М., 1961. – С. 212.
 14. *Малыничков, С.* Маневр и удар 50-й армии под Брянском // Военно-исторический журнал. – 1969. – № 10. – С. 33.
 15. ЦАМО. Ф. 366. Оп. 25003. Д. 4. Л. 355.
 16. ЦАМО. Ф. 405. Оп. 10389. Д. 13. Л. 89.
 17. *Болдин, И.В.* Страницы жизни. – М., 1961. – С. 213.
 18. ЦАМО. Ф. 405. Оп. 17461. Д. 2. Л. 162.
 19. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 994. Д. 24. Л. 151.
 20. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 994. Д. 19. Л. 187.
 21. Числитель – танки, знаменатель – самоходные артиллерийские установки, штурмовые орудия.
 22. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 994. Д. 19. Л. 187.
 23. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 994. Д. 19. Л. 187.
 24. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т. 3. – М., 1961. – С. 369.
 25. Третья армия. История. Люди. Подвиги. – М., 1995. – С. 128.
 26. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 994. Д. 24. Л. 133.
 27. *Федюнинский, И.И.* Поднятые по тревоге. – М., 1961. – С. 158-159.
 28. *Плотников, Ю.* Организация и проведение преследования в Брянской наступательной операции // Военно-исторический журнал. – 1970. – №9. – С. 19-27.
 29. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 994. Д. 24. Л. 151.

30. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 994. Д. 24. Л. 131.
31. *Рокоссовский, К.К.* Солдатский долг. – М., 2000. – С. 285-289.
32. *Болдин, И.В.* Страницы жизни. – М., 1961. – С. 129.

Брянский узел Московско-Киевской железной дороги в начальный период Великой Отечественной войны

Манжосов Александр Николаевич,
кандидат исторических наук, член-корреспондент Академии военно-исторических наук (г. Курск);

Золотухин Алексей Юрьевич,
аспирант кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск)

Решающим шагом в приведении железных дорог к условиям военного времени явился перевод движения поездов на особый «воинский» график. Он был утверждён приказом НКПС № С-254/Ц от 23 июня 1941 г. «О введении в действие воинского графика 1941 г. лит. «А» и обеспечении воинских перевозок». Он вводился с 18 часов 24 июня 1941 г. взамен существовавшего в распоряжении начальников дорог воинского графика 1938 года. В нём были учтены и отражены все изменения, произошедшие в увеличении пропускной способности всей сети дорог после разработки прежнего графика. Сущность нового графика состояла в быстрейшем продвижении воинских эшелонов и особенно грузов, связанных с мобилизационными перевозками. График вводился сразу на 44 железных дорогах страны, таких как Московско-Киевская, Ярославская, Ленинская, им. Ф.Э. Дзержинского, Западная; Калининская, Московско-Донбасская и другие [1].

В новом графике предусматривалось первоочередное продвижение воинских эшелонов и транспортов, максимальное использование пропускной способности линий, обеспечение

чёткой работы станций. В отличие от графика мирного времени воинский был параллельным, то есть времена хода по перегонам и стоянки на станциях по техническим нуждам были приняты для всех поездов одинаковыми. Он исключал обгон одних поездов другими.

Это позволило предусмотреть в графике максимальное количество поездов. Весовые нормы воинских эшелонов и транспортов были унифицированы (до 900 тонн), размеры пассажирского движения, как дальнего, так и пригородного, были сокращены до минимума.

При этом учитывались возможности первоочередного продвижения особо важных воинских эшелонов. Оперативно-эксплуатационному управлению, его структурам на железных дорогах было приказано связаться с начальниками дорог, лично предупредить их о введении нового воинского графика. Начальникам дорог было предложено срочно осуществлять все мероприятия, предусмотренные военно-мобилизационным планом: приведение в готовность всех сооружений по обслуживанию воинских эшелонов: кипятильников, водоразборных колонок, ларьков, изоляционно-пропускных и военно-продовольственных пунктов, постоянных и разборных воинских платформ, на которые осуществлялась погрузка и выгрузка войск и боевой техники.

Бывший народный комиссар путей сообщения Л.М. Каганович в своих воспоминаниях отмечал, что «железнодорожники сделали всё необходимое и возможное для того, чтобы обеспечить погрузкой и перевозками мобилизацию и стратегическое развертывание главных сил Красной Армии».

Приказом Народного Комиссара путей сообщения СССР №С-257/Ц от 24 июня 1941 г. «с целью ликвидации разрушений и быстрого восстановления движения и эксплуатации фронтowych участков» организовывалось 8 военно-эксплуатационных отделений (ВЭО), 13 головных восстановительных отделов (ГВОТ), 14 головных восстановительных поездов (горемов), 11 ремонтных поездов по восстановлению связи (связьремов), 11 поездов по восстановлению средств водоснабжения (водремов), 14 восстановительных поездов по ремонту подвижного состава (подремов), 12 головных баз восстановительного имущества (голбаз). Так, на Московско-Киевской, Ленинской и Западной

дорогах были сформированы горсмы №№ 1, 5, 18, 51; водремы № 9 и 12; подремы № 1, 5, 11, 12, 18, 19 [2].

Так, подрем-5 (начальник – И.Х. Ретивых) был сформирован 28 июня 1941 года на станции Калуга Московско-Киевской дороги. Его коллектив принял боевое крещение уже 20 июля 1941 года в Брянске, где в ходе бомбёжки пришлось восстанавливать и ремонтировать подвижной состав. С сентября 1941 года подрем-5 участвовал в эвакуации оборудования паровозного депо Брянск-II. В августе 1941 года в коллективе подрема-5 было убито шесть и ранено пять человек. Были разбиты вагоны, электростанция, сгорел вещевой склад. Несмотря на это, бойцы подрема-5 справлялись с поставленными задачами.

Руководство НКПС пыталось оперативно ликвидировать трудности, возникавшие на дорогах при продвижении воинских эшелонов и народнохозяйственных грузов. Это хорошо иллюстрирует приказ Наркома путей сообщения СССР Л.М. Кагановича №278 от 8 июля 1941 г. «О работе Московско-Киевской ж.д.» [3]. В нём отмечалось, что Московско-Киевская дорога, особенно станции Брянск и Сухиничи, задерживают пропуск поездов, не обеспечивают нормативов по приёму и сдаче воинских эшелонов. До 12 июля 1941 г. начальнику дороги Н.Г. Васильеву поручалось увеличить пропуск поездов на всех участках дороги, в том числе: Орёл-Брянск – до 40. Сухиничи-Занозная – до 22, Хутор Михайловский-Навля – до 25, Брянск-Жуковка – до 25 поездов в сутки.

В этом приказе НКПС намечались срочные меры по улучшению работы дороги. Предлагалось производить безостановочный пропуск поездов через Брянск и Сухиничи, организовать одностороннее движение на участке Конотоп-Хутор Михайловский-Навля, освободить станцию Брянск от имевшихся вагонов с грузами, отправляя по 10 поездов через Сухиничи на Москву. По совместному плану, утверждённому начальником перевозки войск на Московско-Киевской дороге, на станциях Ельня, Спас-Деменск, Сухиничи, Фаянсовая, Брянск, Карачев, Жиздра, Думиничи проводилась выгрузка до 50 воинских эшелонов в сутки (3000 вагонов).

Первые месяцы войны потребовали от железнодорожников приспособиться и к работе в условиях тяжёлых бомбёжек. Ведь магистрали Центра, Северо-Западного и Южного направ-

лений подвергались ожесточенным налётам вражеских самолётов. Пользуясь временным превосходством в воздухе, вражеские самолёты действовали на широком фронте от Белого до Черного моря и на глубину от 500 до 600 километров.

В отдельные месяцы 1941 г. в сфере действия авиации противника одновременно входили 22 железных дороги, в том числе, Дзержинская, Московско-Киевская, Московско-Донбасская, Западная.

Завершая рассмотрение процесса перевода железных дорог на условия эксплуатации военного времени, следует отметить, что благодаря мерам, принятым военно-политическим руководством страны и НКПС (введение воинского графика движения поездов 23 июня 1941 г.; командирование на объекты железнодорожного транспорта руководящего состава НКПС и управлений дорог; создания спецформирований НКПС, специальных ремонтных подразделений), работники Дзержинской, Московско-Киевской и Московско-Донбасской железных дорог смогли, в основном, решить поставленные перед ними сложные задачи. В результате, только в первые дни августа 1941 года, несмотря на крайне тяжелые условия, сложившиеся на транспорте, коллективы этих железных дорог успешно справились с доставкой к местам назначения личного состава 12 стрелковых дивизий РККА. Большинство из них перебрасывались через Брянский железнодорожный узел.

Источники

1. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 3969. Л. 35; Оп. 49 с. Д. 1081. Л. 5.
2. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 49 с. Д. 1081. Л. 34-37. 39-41.
3. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 49 с. Д. 1081. Л. 148-149.

**Брянский фронт третьего формирования
(28.03 – 10.10 1943 г.) в Орловской
стратегической наступательной операции
«Кутузов» (12 июля – 18 августа 1943 г.)**

Гавренков Александр Александрович,
аспирант кафедры отечественной истории
и права Брянского государственного
университета им. ак. И.Г. Петровского
(г. Брянск)

12 июля 1943 г., когда на Прохоровском направлении развернулось встречное танковое сражение, войска левого крыла Западного фронта, Брянский и Центральный фронты перешли в наступление, положившее начало Орловской стратегической наступательной операции (кодовое наименование «Кутузов»).

Операция проводилась в целях разгрома орловской группировки противника и ликвидации Орловского выступа, где оборонялись 2-я танковая и 9-я армии группы армий «Центр». Они насчитывали 37 дивизий, в том числе 8 танковых и 2 моторизованные, до 600 тыс. человек, более 7 тыс. орудий и миномётов, около 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 1,1 тыс. боевых самолётов [1]. Войска левого крыла Западного фронта, Брянского и Центрального фронтов имели 1286 тыс. человек, более 21 тыс. орудий и миномётов, 2400 танков и САУ и более 3 тыс. боевых самолётов. Из бронетанковых и механизированных войск к операции привлекались 2-я танковая армия, 7 танковых корпусов (1-й гвардейский, 1-й, 5-й, 9-й, 19-й, 20-й и 25-й), 7 отдельных танковых бригад, 27 отдельных танковых и 15 самоходно-артиллерийских полков. Превосходство над противником составляло в живой силе в 2 раза, в артиллерии и миномётах – в 3, в танках – более чем в 2, а в авиации – почти в 3 раза.

Замыслом операции «Кутузов» предусматривалось четырьмя ударами по сходящимся направлениям на Орёл расчленив группировку противника и разгромить её по частям. При

этом 50-я и 11-я гвардейская армии Западного фронта должны были прорвать оборону немцев юго-западнее Козельска, совместно с 61-й армией (командующий генерал-полковник П.А. Белов) Брянского фронта окружить и уничтожить его группировку в районе Волхова. В последующем намечалось развивать наступление на Хотынец, не допустить отхода противника из района Орла на запад и во взаимодействии с войсками Брянского и Центрального фронтов уничтожить его. С воздуха действия ударной группировки поддерживали соединения 1-й воздушной армии.

3-я и 63-я армии (командующие генерал-лейтенанты А.В. Горбатов и В.Я. Колпакчи) Брянского фронта наносили удар из района Новосилия на Орёл, охватывая противника с севера и юга. Авиационную поддержку осуществляли соединения 15-й воздушной армии.

Войска Центрального фронта должны были перейти в контрнаступление утром 15 июля. Им предстояло наступать в общем направлении на Кромы и далее на северо-запад для охвата Орла с юга, чтобы во взаимодействии с войсками Западного и Брянского фронтов разгромить орловскую группировку противника. В соответствии с решением командующего фронтом генерала армии К.К. Рокоссовского войскам 48-й, 13-й, 70-й и 2-й танковой армий предписывалось к исходу 17 июля выйти главными силами на рубеж: Нагорный, Преображенское, Шамшин, Новополево, Рождествено, Каменка (12 км северо-западнее станции Малоархангельск), Весёлый Посёлок, Лебедиха, Воронеж, Морозиха, Катомки. В дальнейшем намечалось развивать наступление в общем направлении на Старое Горохово, Философово, Плоское, Нестерово [2].

Противник, стремясь остановить наступление войск левого крыла Западного фронта и армий Брянского фронта севернее и восточнее Орла, начал спешно перебрасывать сюда 2-ю, 9-ю, 18-ю и 20-ю танковые дивизии 9-й армии, а также семь дивизий, в том числе три танковые, с других участков советско-германского фронта [3].

Наступление Брянского фронта развивалось менее успешно, чем Западного, в первый день общевойсковые соединения вклинились в оборону противника всего лишь на 5-6 км [4]. Поэтому в полосах наступления 61-й и 63-й армий в сражении были введены подвижные соединения.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования были приняты меры по усилению войск Брянского фронта, в состав которого по директиве № 39585 Генштаба Красной армии с 24 часов 13 июля передавалась в полном составе 3-я гвардейская танковая армия (командующий генерал-лейтенант П.С. Рыбалко) с включением в неё 2-го механизированного корпуса [5]. К 18 июля она насчитывала 475 танков Т-34 и 224 – Т-70, 32 СУ-122, 96 орудий и 364 миномёта [6]. Войска имели 2-3 боекомплекта боеприпасов, за исключением противотанковых ружей (1,1 боекомплекта), 37-мм и 85-мм снарядов к зенитным орудиям (1,7 и 1,3 боекомплекта соответственно), а также 2,5-3 заправки ГСМ [7] и более 6 суточач продовольствия.

К исходу 15 июля соединения и части 3-й гвардейской танковой армии сосредоточились в районе Новосила на восточном берегу р. Зуша, у слияния рек Зуша и Неручь [8]. 2-й механизированный корпус в это время находился в полосе Западного фронта к северо-западу от Калуги, в 450 км от назначенного армии района сосредоточения. Его прибытие ожидалось 16-17 июля. Начавшиеся за несколько дней до переброски армии сильные дожди затрудняли проведение марша. В результате в ходе 70-километрового марша из-за технических неисправностей вышли из строя 19 танков и 3 САУ. В течение двух дней войска армии приводили в порядок материальную часть, а состав производил рекогносцировку возможных направлений действий армии.

К этому времени события в полосе наступления Брянского фронта развивались следующим образом. 20-й танковый корпус генерала И.Г. Лазарева во взаимодействии с соединениями 61-й армии 18 июля завершил прорыв обороны противника, продвинулся на глубину до 20 км и создал угрозу обхода Волхова с юго-востока. Части 1-го гвардейского танкового корпуса генерала М.Ф. Панова углубились в оборону немцев на 22 км. Нарастивая удар, войска 3-й и 63-й армий подошли к реке Олешня, где встретили упорное сопротивление противника и были вынуждены перейти к обороне.

В боях с частями фронта с 12 по 15 июля противник понёс большие потери. Было убито 15300 солдат и офицеров; захвачено 79 орудий, 82 миномёта, 99 станковых пулемётов, 50 автоматов, 175 винтовок, взято в плен 1226 солдат и офицеров [9].

Первоначально задача 3-й гвардейской танковой армии состояла в том, чтобы войти в сражение 18 июля после прорыва общевойсковыми армиями обороны противника по западному берегу Олешни и развить наступление в обход Орла с севера и запада. Но утром 18 июля по указанию Ставки ВГК задача была уточнена. Армии приказывалось наступать на Становой Колодезь и далее на Кромы, то есть в обход Орла с юга.

Ввод армии в прорыв обеспечивался огнём артиллерии 3-й и 63-й армий и действиями авиации 15-й воздушной армии [10]. Войскам 3-й гвардейской танковой армии противостояли 36-я моторизованная, 8-я и 262-я пехотная дивизии [11].

По решению командующего 3-й гвардейской танковой армией ввод её в прорыв намечалось осуществить двумя эшелонами, имея впереди танковых корпусов передовые отряды по одной танковой бригаде. 12-й танковый корпус генерал-майора М.И. Зиньковича предусматривалось ввести в прорыв на участке Арсеньево, Кубяково с задачей наступать в направлении Сычи, Бычки, Лаутино, Становой Колодезь (севернее). К исходу дня 19 июля ему предстояло овладеть районом Пугачёвка, Становой Колодезь, Ильинский, а передовыми отрядами захватить аэродромы противника в районе Грачёвки и переправы через р. Рыбница в районе Любаново. 15-й танковый корпус генерал-майора Ф.Н. Рудкина вводился в прорыв на участке Алексеевка, Заброды для наступления в направлении Бортное, Козинка, Новая Деревня, Хотетово. К исходу дня 19 июля ему предписывалось овладеть районом Кулешовка, Оловянноиково, Хотетово, а передовыми отрядами захватить переправы через р. Рыбница у Голохвастова, а также станцию Еропкино.

Во второй эшелон армии был выделен 2-й механизированный корпус с зенитным артиллерийским полком и 136-м понтонным батальоном. Ему приказывалось к исходу дня 19 июля выйти в район Домнино, Верхние Ожимки, Неплюево, обеспечивая армию от ударов противника с юга. Передовой отряд корпуса должен был захватить и удерживать Новопетровку. В резерве командарма находилась 91-я отдельная танковая бригада [12].

Ввод первого эшелона 3-й гвардейской танковой армии был осуществлён в 10 часов 40 минут 19 июля при поддержке основных сил 15-й воздушной армии. К исходу дня соединения 3-й гвардейской танковой армии совместно с частями 25-го

стрелкового корпуса и 308-й стрелковой дивизией углубились в оборону противника на 8-12 км [13]. В ходе боевых действий армия понесла большие потери. Так, в 15-м танковом корпусе из 202 танков остались всего 74 боевые машины [14].

В два часа ночи 20 июля Ставка ВГК своей директивой № 30152 поставила войскам 3-й гвардейской танковой армии новую задачу. Ей предстояло с утра нанести удар в направлении Протасово, Отрада, к исходу дня перерезать шоссейную и железную дорогу Мценск-Орёл и, развивая наступление на Мценск с юга, совместно с 3-й армией Брянского фронта завершить 21 июля уничтожение мценской группировки противника и освободить г. Мценск. После выполнения этой задачи 3-ю гвардейскую танковую армию приказывалось повернуть на юг с целью перерезать железную дорогу Моховое-Орёл и содействовать 63-й армии в выходе на р. Ока. В дальнейшем 3-я танковая армия должна была перерезать железную дорогу Орёл-Курск и при благоприятных условиях овладеть г. Орёл. В том случае, если овладение Орлом не будет соответствовать обстановке, армии надлежит двигаться дальше на запад в направлении на Кромы [15].

После получения новой задачи командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал П.С. Рыбалко, чтобы быстрее перейти в наступление на новом направлении, решил ввести немедленно в сражение второй эшелон – 2-й механизированный корпус, а затем перегруппировать основные силы армии. Войска армии, совершив марш в новый район, северо-восточнее Станового Колодезя, завязали затяжные бои с врагом. Преодолев его сопротивление, 2-й механизированный и 15-й танковый корпуса вечером 20 июля вышли главными силами к шоссе Мценск-Орёл, по которому сплошной вереницей передвигались машины, артиллерия, обозы [16]. Танкисты разгромили несколько колонн противника, вышли к Оке, форсировали её в районе Отрады и захватили плацдарм. В результате 3-я гвардейская танковая армия, продвинувшись на 25 км, обеспечила успешные действия войск Брянского фронта по разгрому мценской группировки противника и овладению 20 июля соединениями 3-й армии Мценском [17].

В 3 часа ночи 21 июля командующий Брянским фронтом генерал-полковник М.М. Попов поставил перед 3-й гвардейской танковой армией новую задачу: «Сделать резкий поворот в юго-

западном направлении и, наступая на Сухарево, Золотарево, Становой Колодезь, овладеть районом Большая и Малая Куликовка, Ивановка, Хотетово, Становой Колодезь. В дальнейшем иметь в виду действия или в северо-западном направлении на Нарышкино, или в юго-западном направлении на Кромы» [18].

Генерал П.С. Рыбалко принял решение развернуть на новое направление наступления 12-й танковый корпус и свой резерв – 91-ю отдельную бригаду. Частям 12-го танкового корпуса было приказано к утру 22 июля развернуться на рубеже Становое, Сухарево и наступать в направлении Гремячий, станция Становой Колодезь. 91-й отдельной танковой бригаде предстояло к исходу дня 22 июля занять район Становой Колодезь. 15-му танковому корпусу предписывалось передать занимаемые участки частям 63-й армии и сосредоточиться в районе Ермолаево для дальнейшего наступления на Малую Куликовку, Становой Колодезь. Во второй эшелон 3-й гвардейской танковой армии выводился 2-й механизированный корпус [19]. В 7 часов утра 21 июля 12-й танковый корпус и 91-я отдельная танковая бригада перешли в наступление. В четыре часа дня части 12-го танкового корпуса с боями вышли к р. Оптушка, где были встречены организованным артиллерийским и миномётным огнём противника. Преодолев его сопротивление, 12-й танковый корпус захватил две переправы в районе Золотарёва. 91-я отдельная танковая бригада, пройдя с боями около 10 км, подошла к Собакино, встретив здесь сильное огневое противодействие немцев [20]. Только к полудню 22 июля она сломала сопротивление противника и овладела переправой через Оку. В связи с запаздыванием выхода стрелковых частей 63-й армии на рубеж р. Ока передача им занимаемых 15-м танковым и 2-м механизированным корпусами участков задерживались. Соединения 15-го танкового корпуса вынуждены были отразить несколько контратак противника и в половине шестого вечера 22 июля вступили в бой с противником на западном берегу р. Оптушка. Для наращивания силы удара в сражении был введён 2-й механизированный корпус. Его 18-я механизированная бригада сумела форсировать р. Оптушка [21].

23 июля войска 3-й гвардейской танковой армии прорвали оборонительную позицию противника на р. Оптушка и начали его преследование. Однако из-за сильного сопротивления немцев и недостатка артиллерии они в течение трёх дней

сумели продвинуться всего от 5 до 15 км, не выполнив поставленную задачу [22]. Это вынудило командующего Брянским фронтом в ночь на 24 июля перегруппировать армию к югу. Она должна была силами 12-го танкового корпуса наступать в направлении на Хотетово, Становой Колодезь, к исходу дня 25 июля овладеть рубежом Хотетово, Становой Колодезь, Михайловка, Пилатовка, а передовым отрядом захватить аэродром в районе Грачёвка.

2-й механизированный корпус должен был наступать в направлении Еропкино, Хотетово, Становой Колодезь и к исходу дня 25 июля занять рубеж на р. Стишь. Во второй эшелон армии был выделен 15-й танковый корпус.

В два часа дня 25 июля соединения 3-й гвардейской танковой армии возобновили наступление. Из-за того что стрелковые соединения 63-й армии не сумели прорвать оборону противника, частям 12-го танкового и 2-го механизированного корпусов пришлось принимать участие в её преодолении. К исходу дня 26 июля они вышли на рубеж Дурново, Долгое, Еропкино, Хотетово. Это позволило активизировать действия войск 3-й и 63-й армий, которые вышли к рекам Ока и Оптуха, где находился передний край тыловой полосы обороны противника, прикрывавшей подступы к Орлу с востока [23].

Успешные действия войск 3-й гвардейской танковой армии были по достоинству оценены Наркомом обороны СССР. 26 июля приказом № 0404 за проявленные доблесть и храбрость личного состава 12-й и 15-й танковые и 2-й механизированный корпуса были преобразованы, соответственно, в 6-й гвардейский танковый, 7-й гвардейский танковый и 7-й гвардейский механизированный корпуса [24].

Генерал К.К. Рокоссовский тем временем продолжал попытки выйти в район Кромы. С этой целью войска Центрального фронта с утра 25 июля возобновили наступление. На этот раз соединения 70-й армии, преодолев сопротивление противника, стали успешно продвигаться в общем направлении на Чувардино [25]. На следующий день командующий фронтом принимает решение ввести в прорыв 2-ю танковую армию с задачей выйти к исходу 26 июля в район Красная Роща, Гнездилово, Чувардино. По решению Ставки ВГК в распоряжение генерала Рокоссовского с 24 часов 26 июля из Брянского фронта передавалась 3-я гвардейская танковая армия, которую требовалось использо-

вать на правом крыле Центрального фронта во взаимодействии с войсками 48-й армии [26].

Генерал Рокоссовский в ночь на 27 июля приказал войскам 3-й гвардейской танковой армии выйти из боя и к полудню сосредоточиться в районе Алёновка, Ольгино, Борисоглебское. Однако выполнить этот приказ к установленному времени не удалось, так как сдача участков фронта стрелковым дивизиям 63-й армии затянулась до 6 часов вечера 27 июля. Кроме того, марш затруднялся выпавшими сильными дождями, размывшими лишённые твёрдого покрытия дороги. Поэтому войска 3-й гвардейской танковой армии (357 танков) сосредоточились в указанном районе лишь к 6 часам утра 28 июля [27].

И. Сталин, наблюдавший за развитием событий на орловском направлении, был недоволен действиями генерала К.К. Рокоссовского. Около трёх часов ночи 1 августа он направил ему директиву № 30158, в которой говорилось: «За последнее время в связи с наступлением войск Брянского и левого крыла Западного фронтов противник значительно ослабил свою группировку, действующую перед Центральным фронтом, сняв с этого участка пять танковых дивизий, две мотодивизии и до двух-трёх пехотных дивизий. В то же время Центральный фронт значительно усилился танками, получив в свой состав 3 ТА Рыбалко. Всё это привело к улучшению положения войск фронта и создало благоприятные условия для решительных наступательных действий. Однако эти условия до сего времени командованием фронта использованы недостаточно» [28].

И. Сталин потребовал незамедлительно подготовить и нанести решительный удар силами 70-й и 2-й танковых армий в общем направлении Чувардино – Красная Роща – Апальково. Одновременно 13-й армии предписывалось прорвать оборону противника западнее Короськово, подготовив условия для ввода в прорыв 3-й гвардейской танковой армии. Ей предстояло к 4-5 августа закончить сосредоточение в районе южнее Короськова с задачей развить успех 13-й армии и ударом в общем направлении на Кромы свернуть оборону противника по западному берегу р. Ока и содействовать тем самым продвижению 48-й армии. В дальнейшем приказывалось действовать силами 2-й и 3-й гвардейской танковых армий в обход Орла с запада, содействуя Брянскому фронту в разгроме орловской группировки противника и овладении г. Орёл.

На Брянском фронте события развивались следующим образом. 29 июля войска 61-й армии овладели крупным узлом обороны немцев г. Болхов [29].

Войска 3-й и 63-й армий Брянского фронта освободили 5 августа Орёл. В боях за город участвовали также 17-я гвардейская танковая бригада (командир – полковник Б.В. Шульгин), 34-й отдельный гвардейский танковый полк прорыва (командир – подполковник А.П. Остапенко) и 231-й отдельный танковый полк (командир – подполковник Ф.М. Ковалёв) [30].

По приказу И. Сталина, находившегося в действующей армии, в Москве был дан первый артиллерийский салют в честь освобождения советскими войсками городов Белгород и Орёл [31].

Ставка ВГК, стремясь закрепить достигнутый успех, приказала 6 августа командующему Брянским фронтом сосредоточить главные усилия на быстрейшем овладении Хотынцом и Карачевом. Командующему Центральным фронтом предписывалось «использовать 2-ю и 3-ю танковые армии для удара в направлении Шаблыкино с задачей во взаимодействии с правым крылом Брянского фронта, наступающим на Карачев, уничтожить противника, отходящего от Орла на запад» [32].

6 августа в наступление перешла 11-я гвардейская армия. Одновременно в направлении Высокое наступал 1-й танковый корпус, из района Пешково на Меловое продвигались главные силы 4-й танковой армии, обходя Хотынец с востока, а на Бунино – 25 танковый корпус. Они совместными усилиями разгромили хотынецкую группировку противника и освободили Хотынец [33]. После этого 1-й танковый корпус нанёс удар на Карачев, а 4-я танковая армия – несколько южнее, и 15 августа был освобождён г. Карачев [34].

К 18 августа войска Брянского, Западного и Центрального фронтов вышли к передовым позициям созданного заблаговременно немецкого оборонительного рубежа «Хаген» и были остановлены на линии восточнее Людиново, в 25 км восточнее Брянска, западнее Дмитровска-Орловского [35]. На этом завершилась операция «Кутузов», в ходе которой войска трёх фронтов продвинулись до 150 км, ликвидировав Орловский плацдарм противника.

Вместе с тем при проведении операции были допущены существенные недостатки. При подготовке операции Ставка

ВГК проявила поспешность в определении сроков её начала. В результате войска перешли в наступление, не завершив полностью его подготовку, не была создана более сильная группировка на левом крыле Западного фронта. Войскам Брянского фронта пришлось преодолевать долговременную глубоко эшелонированную оборону немцев фронтальным ударом. Танковые армии и корпуса использовались для последовательного прорыва нескольких оборонительных рубежей противника, что резко снижало их возможности по развитию наступления в оперативной глубине. Фронтальная авиация не смогла полностью решить задачи по изоляции района боевых действий от подхода оперативных резервов противника.

В результате план стремительного удара не удался, операция приняла затяжной характер. Противник, по существу, медленно выдавливался из Орловского выступа, что позволило ему перегруппировать войска и организованно отвести их из района Орла. Всё это обусловило низкие темпы наступления (4 км в сутки) и значительные потери советских войск: безвозвратные – 112529, а санитарные – 317361 человек [36]. 3-я гвардейская танковая армия потеряла 60,3 % танков Т-34 и 72,9 % танков Т-70 [37].

Источники

1. Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы . 27 марта – 23 августа. 1943 г. Т. 15 (4-4). – М.: ТЕРРА, 1997. – С. 9.
2. Там же. С. 166-167.
3. Центральный архив Министерство обороны РФ. (ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12462. Д. 790. Л.Л. 32-34.
4. Там же. Ф. 16. Оп. 1073 сс. Д. 5. Л.Л. 265-266.
5. Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 г. Т. 23 (12-3). – С. 206.
6. Шеин, Д.В. Танковая гвардия в бою / Д.В. Шеин. – С. 152, 154.
7. ГСМ - горюче-смазочные материалы.
8. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1073 сс. Д. 5. Л.Л. 300-302.
9. Там же. Л.303.
10. Шеин, Д.В. Танковая гвардия в бою / Д.В. Шеин. – С. 151.

11. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 794. Л.Л. 8-11.
12. Шеин, Д.В. Танковая гвардия в бою / Д.В. Шеин. – С. 152.
13. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1073 сс. Д. 5. Л.Л. 336-337.
14. Дайнес, В.О. Советские танковые армии в бою / В.О. Дайнес. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – С. 366.
15. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 г. Т. 16 (5 - 3). – С. 180.
16. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1073 сс. Д. 5. Л.Л. 347-348.
17. Там же. Л. 349.
18. Шеин, Д.В. Танковая гвардия в бою / Д.В. Шеин. – С. 159-160.
19. Дайнес, В.О. Советские танковые армии в бою / В.О. Дайнес. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – С. 368.
20. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 793. Л. 169-170.
21. Там же. Ф. 16. Оп. 1073 сс. Д. 5. Л. 363-364.
22. Там же, Л. 371-372.
23. Там же, Л. 398-399.
24. Дайнес, В.О. Советские танковые армии в бою / В.О. Дайнес. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – С. 369.
25. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1073 сс. Д. 5. Л. 99-400.
26. Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы. 27 марта - 23 августа. 1943 г. Т. 15 (4-4). С. 65.
27. Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Д.В. Шеин. – С. 172.
28. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 г. Т. 16 (5 - 3). – С. 185-186.
29. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1073 сс. Д. 5. Л. 423-424.
30. Правда. – 1943. – 5 августа.
31. Красная Звезда. – 1943. – 6 августа.
32. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 г. Т. 16 (5-3). – С. 186.
33. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1073 сс. Д. 6. Л.Л. 58-59.
34. Правда. – 1943. – 16 августа.
35. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 792. Л. 53-58.
36. Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы: 1943 г. Т. 23(12 - 3). – С. 257.
37. Там же. С. 258.

Материально-техническое снабжение партизанских формирований Центрального Черноземья в 1942-1943 гг.

Коровин Владимир Викторович,
доктор исторических наук, профессор
кафедры конституционного права
Юго-Западного государственного
университета, действительный член
Академии военно-исторических наук
(г. Курск)

В результате создания Центрального и фронтовых штабов партизанского движения снабжение партизан оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами стало централизованным. В период с 20 июня 1942 г. по 15 марта 1944 г. ЦШПД отправил в тыл противника 59960 винтовок и карабинов, 34320 автоматов, 4210 ручных пулемётов, 2556 противотанковых ружей, 2184 миномёта, 22 орудия, 539570 ручных гранат, большое количество боеприпасов и других военных средств [1].

После обсуждения проблем материально-технического снабжения партизан на совещании, проведённом в Москве Ставкой ВГК и ЦШПД с командованием крупных партизанских формирований, 4 сентября 1942 г. ГКО принял постановление № 2237, которым утверждалась дополнительная смета расходов по партизанскому движению на 1942 год в сумме 57700 рублей. Для организации доставки вооружения и боеприпасов в районы действия партизан за ЦШПД закреплялась специальная авиаэскадрилья в составе 3 самолётов типа «Дуглас», 9 – «Р-5», 20 – «У-2». Главное артиллерийское управление РККА в сентябре 1942 г. обязали передать в распоряжение ЦШПД: 8000 ППШ, 10000 винтовок и карабинов, 1000 ручных пулемётов, 2000 пистолетов, 5000 приборов «Брамит», 1000 50-мм миномётов, 1000 ПТР, 400 82-мм миномётов. Главное Управление связи РККА передавало партизанам 250 радиостанций типа «Север». Наркомат электропромышленности должен был выделить 200 радио-

станций РПО-1, 50 раций типа РПИМ, 500 комплектов радиоламп для радиостанции «Север» [2].

В соответствии с постановлением ГКО от 4 сентября 1942 г. Центральный штаб партизанского движения разработал план переброски вооружения, боеприпасов, техники и имущества в партизанские отряды на сентябрь 1942 года. В зону Брянских лесов, где дислоцировалась часть отрядов из Курской области, планировалось переправить 57 тонн груза для украинских партизан под командованием С.А. Ковпака и А.Н. Сабурова, 310 тонн – для группы отрядов Д.В. Емлютина [3]. Первые рейсы на аэродром Смилиж (90 км юго-западнее Брянска) совершали самолеты 101-го АПДД под командованием Героя Советского Союза подполковника В.С. Гризодубовой [4].

13 сентября 1942 г. начал действовать аэродром Первой Курской партизанской бригады на территории Михайловского района, что позволяло принимать грузы с вооружением и боеприпасами и транспортировать раненых на Большую землю. С целью обеспечения безопасности авиационной связи БШПД еженедельно разрабатывалась таблица условных посадочных огней. Аэродром курских партизан значился в документах оперативного отдела штаба как посадочная площадка № 30 [5].

При встрече самолётов постоянно горели два сигнальных приводящих костра на расстоянии 20 м друг от друга. В случае появления самолёта в районе посадки, с его борта давался установленный на каждую дату сигнал – ракета определённого цвета. При опознании своего самолёта на аэродроме дополнительно разжигались 2 костра, расположенные в линию на расстоянии 20 и 100 м друг от друга. Ещё один костер разжигался левее или правее от основной линии, в соответствии со схемой расположения на эту дату.

Если в небе появлялся вражеский самолёт, дополнительные костры не выкладывались, давалась красная ракета. Когда угроза миновала, давался сигнал белой ракетой и разводились дополнительные костры. К рассвету посадочная площадка освобождалась от следов горения и маскировалась под цвет местности. Установленные коды действовали с 18.00 до 5.00 следующего дня.

Осенью 1942 г. в распоряжении БШПД находились 1 самолёт Р-5 с дальностью полёта 500 км и 2 самолёта У-2, рассчитанные на 200 км перелёта. В период с 24 сентября по 14 но-

ября 1942 г. из 316 запланированных самолётовылетов по Брянскому фронту было выполнено только 297. 19 рейсов не удалось совершить из-за плохих метеорологических условий и отсутствия установленных сигналов. В следующие полтора месяца количество запланированных рейсов для нужд БШПД резко сокращалось. Из 30 самолётовылетов 24 предназначались для отрядов Д.В. Емлютина, и только 3 – для Первой Курской партизанской бригады. Согласно установленной очередности, самолёты, имевшиеся в распоряжении ЦШПД, прежде всего совершали рейсы к белорусским и украинским партизанам. Авиационная доставка необходимого военного имущества для Первой Курской партизанской бригады планировалась рейсами 42, 43 и 71-й очереди [6]. Указанное обстоятельство не позволило своевременно получать материально-техническую помощь из центра.

Заявки на отпуск вооружения и боеприпасов для партизан Центрального Черноземья неоднократно направлялись Брянским и Воронежским фронтовыми штабами в ЦШПД. Так, согласно заявке от 4 октября 1942 г. для обеспечения партизанских отрядов Курской области требовалось: 125 тыс. патронов к отечественным винтовкам и 25 тыс. – к немецким; 1000 кг тола; 300 магнитных мин; 1000 мин замедленного действия; 2000 гранат РГД; 500 противотанковых гранат. Представительство ЦШПД на Воронежском фронте в заявке от 14 октября 1942 г. просило выделить для вооружения партизанских отрядов, направляемых в тыл противника: 250 винтовок «Маузер», 13 тыс. патронов к ним; 21300 патронов к ПППШ, 2000 магнитных мин, 50 карабинов и 27600 патронов к ним; 1000 гранат РГД; 300 противотанковых гранат; другое армейское снаряжение (компасы, часы, плащ-палатки) [7].

19 октября 1942 г. Государственным Комитетом Обороны было принято специальное постановление № 2430 «Об обеспечении Красной Армии и партизанских отрядов минами специального назначения» [8]. 14 ноября 1942 г. заместитель Народного комиссара государственного контроля В.Ф. Попов докладывал Главнокомандующему партизанским движением Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову о ходе реализации данного постановления. Только в октябре 1942 г. поставка поездных мин системы И.Г. Старинова составила 5900 шт., в результате план был перевыполнен на 14%. Кроме этого было изготовлено 30 тыс. электродетонаторов, 200 тонн толовых шашек, 20

тыс. авиационных гранат, 3010 рычажных мин. В то же время мины замедленного действия, ампульные и автомобильные мины были поставлены не в полном объёме из-за несвоевременной выдачи технической документации и необеспеченности заводоизготовителей комплектующими материалами [9].

Изготовление взрывчатых веществ и взрывной техники для совершения диверсий в тылу противника, как следует из документов, требовало привлечения значительных ресурсов. Десятки ведомств участвовали в реализации постановления ГКО об обеспечении минами специального назначения.

Сводные сведения о потребностях партизанских отрядов Центрального Черноземья в вооружении, боеприпасах, обмундировании и другом военном имуществе на зимний период 1942-1943 гг. были собраны в материально-техническом отделе ЦШПД и приведены в таблице 1 [10].

Таблица 1

№ п.п.	Наименование военного имущества	Количественные показатели	
		Курская область	Воронежская область
1.	Винтовки русские	50	100
2.	Пистолеты	100	25
3.	Автоматы ППШ	150	100
4.	ПТР	10	10
5.	Миномёты 50-мм	5	-
6.	Миномёты 82-мм	5	-
7.	Патроны винтовочные	30000	25000
8.	Патроны к «Брамит»	5000	600
9.	Патроны к «Наган»	6000	1500
10.	Патроны к ППШ	80000	20000
11.	Патроны к ПТР	1000	1000
12.	Мины 50-мм	500	-
13.	Мины 82-мм	500	-
14.	Гранаты РГД	1500	200
15.	Гранаты Ф-1	1500	250
16.	Противотанковые гранаты	500	100
17.	Ракеты	500	200
18.	Ракетницы	20	10

19.	Финские ножи	700	200
20.	Компасы	150	50
21.	Бинокли	30	10
22.	Карманные фонари	250	100
23.	Батареи КБС	500	200
24.	Приборы «Брамит»	50	50
25.	Авиабомбы малые	100	100
26.	Тол	2000	500
27.	Капсюли-детонаторы	1000	200
28.	Бикфордов шнур	500	100
29.	Комплекты зимней одежды	250	200
30.	Комплекты нательной одежды	-	200
31.	Радиостанции «Север»	15	5
32.	Питание к радиостанциям	60	20
33.	Медицинские аптечки	15	1

Усилия по снабжению партизан вооружением и другим имуществом, предпринимаемые центральным руководством, не могли удовлетворить потребности возмужавшего день ото дня народного сопротивления оккупантам. Командование партизанских соединений вынуждено было регулярно обращаться с просьбами о помощи в снабжении оружием и боеприпасами к вышестоящему руководству – начиная от армейского командования и до Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина.

О том, что снабжение курских партизан вооружением со стороны Брянского штаба и ЦШПД было организовано неудовлетворительно, свидетельствуют руководители соединений. 26 декабря 1942 г. командир Второй Курской партизанской бригады О.Г. Казанков докладывал командиру объединенных партизанских бригад подполковнику Д.В. Емлютину: «Личный состав бригады 1500 чел., из них невооружённых – 500 чел. Имеющийся 1 полковой миномёт зарыт за неимением мин... Восстановленную 76-мм пушку зарыли из-за отсутствия снарядов. Боеприпасов в отряде 41 тыс. шт., что составляет по 50-60 на ручные и станковые пулемёты, по 15-20 патронов на винтовки. За декабрь месяц в проводимых операциях захвачено 80 трофейных винтовок, но для того, чтобы в дальнейшем пополнять бри-

гаду вооружением, необходимо участие в боевых операциях, которые не могу проводить по причине отсутствия боеприпасов» [11].

Из штаба объединенных бригад в декабре 1942 г. было получено 13 тыс. патронов, но это количество не смогло снабдить самой минимальной потребности партизан в вооружении. Бригада была подготовлена для выхода в рейд в район г. Льгов, с задачей парализации железнодорожных узлов на перегоне Льгов-Ворожба и подрыва мостов, но рейд пришлось отложить из-за отсутствия боеприпасов. Для проведения рейда требовалось не менее 150 тыс. патронов, 500 кг тола, 150 английских мин.

О.Г. Казанков сообщал, что на совещании секретарей РК ВКП(б) и председателей райисполкомов выявлено негативное настроение по отношению к штабу объединенных бригад, выразившееся в следующем: «а) при поездке капитана Козлова в Москву, тов. Пономаренко был подписан наряд на отпуск вооружения, боеприпасов и обмундирования для партизан Курской области, из всего занарядированного бригада получила лишь 30 автоматов; б) бригады Брянских лесов располагают огромным количеством лишних винтовок, например, только в бригаде им. Ворошилова таких около 400 штук. По вашему распоряжению комбриг Покровский должен был выделить 35 винтовок, но они так и не получены; в) прибывающие группы по заготовке продуктов питания привозят большое количество боеприпасов, следовательно, бригады Орловской области снабжены лучше, чем мы. Кроме того, партизаны вверенной бригады покупают винтовки за хлеб у партизан бригады «За власть Советов». Личным составом бригады им. Дзержинского оказана большая помощь бригадам Орловской области в заготовке продуктов. В декабре отправлено в Брянский лес 90 тонн хлеба, и эта помощь продолжает оказываться, но и мы рассчитываем на помощь вооружением. В четырех районах Курской области в результате разъяснительной работы народ подготовлен к вступлению в партизанские отряды, но приступить к организации и оформлению новых отрядов невозможно, т.к. народ нечем вооружать, таким образом, происходит искусственное торможение роста партизанского движения в области» [12].

Не лучше обстояло дело со снабжением боеприпасами Первой Курской партизанской бригады. В сентябре 1942 г. из

Москвы было получено 600 тыс. патронов для винтовок, 15 тыс. – для ППШ и 1 тыс. гранат, что позволило активизировать боевую деятельность отрядов. В дальнейшем, по мнению И.К. Панченко, «оружие и боеприпасы почему-то пролетали через наш аэродром, не снижаясь, летели дальше к Емлютину». Штаб бригады почти ежедневно получал радиogramмы, сообщавшие о направлении самолёта с вооружением и необходимости организовать его приём. Для охраны аэродрома была выделена рота бойцов (250 чел.), которая практически каждую ночь с 9 час. вечера до 6 час. утра дежурила на посадочной площадке в ожидании груза из Москвы. Это положение сохранялось до 12 января 1943 г., пока партизаны 1-й бригады не получили долгожданное вооружение: 12 автоматов, 3 противотанковых ружья и 2,5 тыс. гранат [13].

Подобная ситуация со снабжением курских партизан вооружением и боеприпасами складывалась, на наш взгляд, по причине преобладания местнических интересов у руководства ЦШПД и БШПД. Если генерал П.К. Пономаренко стремился в первую очередь оказать материально-техническую поддержку белорусским партизанам, то руководство БШПД, возглавляемое секретарём Орловского обкома ВКП(б) А.П. Матвеевым, поддерживало имевшимися в его распоряжении резервами военного имущества партизанские отряды Орловской области (зона Брянских лесов).

Руководители партизанских соединений, выступившие на X пленуме Курского обкома ВКП(б), состоявшемся в апреле 1943 г., признали неудовлетворительным снабжение партизан вооружением. Участвовавший в работе пленума начальник ЦШПД генерал-лейтенант П.К. Пономаренко высказал чёткую установку Центра по вопросу о материально-техническом обеспечении партизан: «Источником снабжения наших партизан вооружением должно быть немецкое интендантство, а поэтому партизаны должны были обращаться к ним» [14]. Правда, когда Центральный штаб определял, что «отряд вот-вот должен встать в чрезвычайно критическое состояние, мы выбрасывали туда крупную партию патронов. Кроме того, ЦШПД курским партизанам было выделено 500 автоматов, 1000 винтовок и 100 пулемётов», – не согласившись с критикой в адрес Центрального штаба, отметил П.К. Пономаренко.

Противоречивая позиция органов централизованного управления партизанским движением по вопросу обеспечения боевой деятельности в тылу противника средствами борьбы, на наш взгляд, стала основным фактором, сдерживавшим развитие сопротивления оккупантам на северо-западе Центрального Черноземья, где осенью 1942 – зимой 1943 гг. сложились благоприятные условия для его активизации. Материально-техническое оснащение партизанских отрядов Воронежской области, принявших участие в её освобождении совместно с частями Красной Армии, оказалось более пригодным для выполнения поставленных боевых задач.

Примечания

1. История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – М., 2001. – С. 42.
2. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 54. Л. 154-154-об.
3. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1252. Л. 7.
4. Там же. Л. 14.
5. Там же. Л. 18-18-об.
6. Там же. Л. 51-56.
7. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1257. Л. 14, 44.
8. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 65. Л. 16-19.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 41. Д. 1254. Л. 98-99.
10. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1252. Л. 36, 38-40.
11. ГАБО. Ф. П-1650. Оп. 1. Д. 251. Л. 10.
12. Там же.
13. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 155-156.
14. Там же. Л. 174.

Ленинградские заметки военкора Л.Г. Кокотова, моего отца

Кокотов Борис Липманович
(г. Берлин, Германия)

Мой отец, Кокотов Липман Гиршевич (Леонид Григорьевич), родился 16 июля 1903 года на станции Унеча Полесской железной дороги Черниговской губернии в семье меламеда (учителя еврейского языка). Он учился в Гродненском высшем начальном училище, в гимназии в Стародубе, в школе второй ступени в Унече, в Институте народного хозяйства в Москве, в Московском и Ленинградском университетах. Но официального диплома так и не получил. Однако был человеком высокообразованным – самообразование. Через десятки лет, когда моя сестра Ина стала учить французский язык в школе, он ей помогал. Я, уже окончив энергетический техникум, в беседах с ним чувствовал, что он что-то в энергетике понимает лучше меня.

С нами, детьми, он занимался очень много. Я никогда не был в музеях Ленинграда ни с одной официальной экскурсией. В детстве нас всюду водил папа. Я и сейчас помню, как он рассказывал о картинах, скульптурах в Эрмитаже, Русском музее...

Судьба Липмана Кокотова делала подчас такие зигзаги, что трудно даже и представить. В годы Гражданской войны он служил в ВОХРе, затем был бойцом отряда по борьбе с бандитизмом и дезертирством. В период учёбы в Москве и Ленинграде работал в разных местах, добывая деньги на хлеб насущный. В 1928 году вступил в партию и стал журналистом. Работал в газете «Ленинградская правда», в газете Октябрьской железной дороги.

Когда стали вербовать кадры для вновь образованного Красноярского края, Кокотова пригласили на работу заместителем редактора краевой газеты «Красноярский рабочий». Здесь отец попал в жернова сталинских репрессий. Вместе с двумя

десятками других известных горожан он был арестован по обвинению в организации Красноярского запасного подпольного центра (тогда в борьбе с «врагами народа» «раскрыли» очередной «заговор» – Московский подпольный центр. Ну, и по стране – запасные). Это был первый и главный пункт обвинения. Всего этих пунктов было 11. Из 25 человек только двое не подписали никаких показаний. Один из них – мой отец Липман Кокотов. Два года его продержали в тюрьме, требуя признать себя виновным и оговорить товарищей. Безуспешно, он ничего не подписал. Остальным выдержать оказалось не по силам, и они ушли в лагерь, из которых, как правило, уже никто живым не возвращался. А два человека оставались в тюрьме. После ареста Ежова стали пересматривать дела о «врагах народа», и некоторым повезло. Отца выпустили из тюрьмы, он вернулся в Ленинград. Здесь произошло его первое знакомство со мной, родившемся в его отсутствие, когда жена Люба в 1938 году вернулась в Ленинград.

Потом был ещё 1948 год. Незаконное увольнение с работы в связи с так называемым «ленинградским делом» и начавшейся борьбой с космополитизмом. Известному, уже немалодому журналисту, участнику войны пришлось идти на производство, в цех, в ученики, учиться на помощника мастера... Отвернулись многие. Поддерживала только семья.

Семью папа очень любил, гордился успехами нашей мамы, которая с ребёнком на руках получила высшее образование, и очень ревниво относился к достижениям или их отсутствию у своих детей.

Супруги Кокотовы прожили вместе 62 года. Когда жены не стало 18 октября 1987 года, отец совсем потерялся, и оставшиеся ему три года уже просто ждал смерти, хотя был чрезвычайно жизнелюбив и в эти годы. И боролся за жизнь, и ждал конца. Он умер 27 апреля 1990 года.

Отец оставил рукописную книгу воспоминаний для детей, внуков и правнуков. Военные страницы воспоминаний моего отца вызывают большой интерес, и, как мне представляется, могут быть весьма полезны для исследователей истории Ленинградской битвы.

Итак, ленинградские заметки военкора Л.Г. Кокотова.

Ленинградское ополчение

«Идут горестные вести. Немцы наступают. Сегодня пал один город, завтра – второй. И, наконец, самое страшное – враг на пороге твоего города. В Ленинграде формируется добровольная Армия Народного ополчения. Конечно, для меня в первые же дни был решён вопрос: я сторонним наблюдателем в войне не буду!

И когда я объявил моей жене Любаньке, что записался добровольцем, то не услышал никакого возражения. Я понимал, как ей тяжело со мной расставаться. Ведь совсем недавно она пережила одиночество из-за моего дикого, ничем неоправданного ареста, мы ещё не оправались от старой беды. Но что может сравниться с постигшей страну бедой?

Не знаю почему, но момент записи мне особенно запомнился. Произошло это в помещении Института железнодорожной связи на Петроградской стороне. Длинные очереди. Терпеливо ждут. Кого только здесь не было: и пожилые люди, и зелёная молодежь, женщины, рабочие, служащие, учёные. Лица строгие, сосредоточенные. У меня одно ощущение – поднялся народ, и я с ним. Имя, отчество, фамилия, адрес, служил ли в армии, воинское звание. И никаких документов. У меня их, по крайней мере, не спрашивали.

И вот я в военной форме, в непривычных тяжёлых кирзовых сапогах, которые я натянул на неумело заправленные портянки. Стою в строю, ноги, как в огне. Началась скоропалительная военная подготовка. Учимся по учебной винтовке, бросаем деревянные болванки, именуемые гранатами, откапываем окопы. И всё это какое-то ненастоящее. Ненастоящее оружие, ненастоящие гранаты. Мы ещё тогда не знали, что просто настоящего ничего не было. Винтовки были получены в момент отправки на фронт, и то не всем они достались.

Но что было настоящим, это готовность людей умереть, готовность жертвовать собой для защиты Отечества. Армия Народного ополчения была сформирована в короткие сроки. Смело скажу, что в неё вошли лучшие люди, цвет нашего города. Каждый район сформировал свою дивизию. Крупные предприятия сформировали свои полки, дивизии».

В газете «На защиту Ленинграда»

«При политотделе Армии была организована газета, которую называли «На защиту Ленинграда». Меня отозвали из полка и зачислили в штат газеты.

Газета эта была весьма своеобразна. В ней кроме редактора не было ни одного военного человека, ни один журналист не имел опыта работы в военной газете. Все мы были сугубо гражданские люди, но, как теперь говорят, наша адаптация в новых условиях прошла довольно безболезненно...

В общем, в редакции господствовал дух товарищества, доброжелательства. Все работали много, сновали, как челноки, между редакцией и фронтом. Ведь фронт-то скоро оказался у самого порога дома.

Мои первые редакционные задания были в пределах города. При первых налётах на город появились ракетчики, которые наводили вражеские самолёты на цель. Мне пришлось беседовать с людьми или ловившими ракетчиков, или видевшими сигналы. Безусловно, какое-то количество вражеских лазутчиков орудовало в городе. Но это вызвало своеобразный психоз – люди видели ракетчиков и сигнализацию там, где не было ни ракетчиков, ни сигналов. Какой резон был сигнализировать с какого-нибудь пустыря или глухого двора, где какого-нибудь значительного объекта не было ни в ближнем, ни в дальнем окружении? Но людей можно было понять, это была преувеличенная, но естественная настороженность...

Первое время мне поручали также обходить госпитали, беседовать с ранеными и записывать боевые эпизоды. И опять помню я свой первый поход в госпиталь, развернувшийся в больнице им. Мечникова. Не знаю, почему я оказался не у главного входа, а у задних корпусов, там, где вблизи проходит железнодорожная ветка. Больничный корпус был битком набит. Палаты заполнены ранеными, они лежали в вестибюле, в коридорах. Стоны, искажённые страданием лица. Болью и страданием был насыщен сам воздух. От жалости сжималось сердце. Страшно! Не могу дышать. Я ушёл, так ни с кем не побеседовав. Ещё долго в ушах звучали стоны, а перед глазами стояли страдающие измученные лица. За свою долгую газетную практику это был первый случай, когда задание мною не было выполнено.

Впечатление, произведённое первым посещением госпиталя, может только сравниться с тем, когда я на поле боя увидел

впервые убитых. Как-то не вмещалось в сознании – как это могло случиться? Вот я только видел человека живым, улыбающимся, разговаривающим – и вдруг неподвижный труп, который волочат по подзамерзшей, присыпанной первым снежком земле.

Потом ко всему этому я привык. Нет, не привык. Привыкнуть к этому невозможно. Но острота чувств отупела, нервы были зажаты в клещи. Вероятно, это была защитная реакция человеческой психики. Иначе всё это нельзя было бы перенести...».

Боевое крещение

«А немцы нажимали, фронт всё ближе и ближе. Чтобы попасть на передовую линию, далеко ездить не надо было. Из каждой такой поездки возвращался с разбитым сердцем. Я видел подлинную самоотверженность людей. Но, увы, к сожалению, эта самоотверженность чаще всего обращалась в самопожертвование. У фашистов была и выучка, и техника, а у нас, у народоополченцев, – ни того, ни другого. Только в воле к победе, в готовности лечь костями, а врага не пропустить, была наша сила.

Памятен один эпизод, приведший меня в отчаяние. Меня вместе с Майским (бывшим собкором «Известий») направили за Красное Село. Здесь, у деревни Русско-Высоцкое, в лесу, были замаскированы артиллерийские позиции, частью которых командовал бывший участник Челюскинской эпопеи (к сожалению, не могу вспомнить его фамилию). Батареи обслуживались ополченцами завода им. Марти, как тогда назывался Адмиралтейский завод, и Института железнодорожного транспорта. Народ подобрался боевой, проходивший раньше службу в артиллерийских частях. Несколько дней фашисты атаковали наши позиции. Атаки повторялись непрерывно. Наши артиллеристы били прямой наводкой. С большими потерями откатывались фашисты назад. Я помню, как командир отчаянно ругался:

– Где же наша пехота, почему же она нас не поддерживает?!

Так продолжалось до тех пор, пока фашисты не засекли все наши орудия. Наши огневые точки одна за другой выходили из строя. Немцы повели наступление. В лесу не было и метра, не простреливаемого немцами, – разрывы снарядов, пулемётный огонь. Ясно стало, что долго наших позиций не удержать. Командир приказал мне и Майскому любым путем выбраться и

доложить в штабе Красносельского укрепрайона о положении дел.

Выбраться, но как? Головы не поднять. Мы ползли, ползли долго, до изнеможения. Оборванные, грязные мы добрались-таки до КП.

Возвращаемся в Ленинград. Горько, тревожно на душе. Приближаемся к городу. О, ужас! Всё небо над Ленинградом покрыто чёрным дымом. Дым зловеще клубился, извивался, покрывая всё большее пространство. Казалось, что весь город горит. Потом мы узнали, что горели Бадаевские склады, огонь уничтожал продовольственные запасы города...

Теперь, когда я думаю о ленинградских ополченцах, то не могу не восхищаться их воинским подвигом. Это они сдержали первый натиск врага на наш город, они своими телами преградили ему путь. Их подвиг тем более велик, что это же не были регулярные, обученные воинские части. Это были сугубо гражданские люди, рабочие, инженеры, учителя, учёные, зелёная молодежь и пожилые люди. Они были плохо вооружены и неумелы. Перед ним стоял лютый грозный враг, но они не дрогнули.

Помню в один из дней, когда наши ополченческие подразделения терпели особенно большие потери, меня назначили дежурным по штабу Армии. Штаб располагался тогда в Маринском дворце. Я сидел в вестибюле штаба. Чередой приходили один за другим ополченцы разбитых частей. Ленинградцы, у которых были в городе свои семьи, свои квартиры, не шли к себе домой, а прямо с позиций приходили в штаб. Они, не остывшие от боя, снова отдавали себя в распоряжение командования. Здесь же, во дворе штаба, формировали новые части и с ходу отправляли на фронт.

Я горд, что был вместе с ними в эти трудные для Ленинграда, для Родины дни. Я горжусь памятным знаком, на котором начертано – «Ленинградское ополчение».

Армия, героическая армия ополченцев, выполнила свой долг перед Родиной, перед городом Ленина. Остатки Армии влились в регулярные части. Вместе со штабом, была упразднена и газета. Всех сотрудников откомандировали в армейские газеты регулярных частей. Большинство перебрались в 53-ю Армию».

Работа в Ленинградском отделении ТАСС

«В моей судьбе был прочерчен очередной зигзаг. Случилось так, что в высших инстанциях было решено военизировать ленинградское отделение ТАСС. Начальником этого отделения Политотдел Ленинградского фронта назначил редактора ополченческой газеты полковника Коновалова, а начальником группы военных корреспондентов – старшего политрука Кокотова.

Это было время, когда население города начало основательно голодать. Штат сотрудников ТАСС состоял из лиц гражданских и военных. Мы, военные, имели продовольственные аттестаты, получали больше хлеба, пользовались военными столовыми. Я, например, одно время кормился в столовой Дома офицеров. В худшем положении оказались гражданские сотрудники...

Люди умирали. Смерть наступала их как бы мгновенно. Так мгновенно умер фоторепортёр, если память не изменяет мне, фамилия его была Хаютин. Он работал до последней минуты, до последнего мгновения. Он вернулся с задания, присел и умер.

Голод донял и меня. Я всячески боролся с ним. Свой 300-граммовый паёк хлеба я делил строго на три части и съедал его в 3 раза – утром, днём и вечером. Подкрепляла нас «дуранда» (жмых). Твёрдые, как камень, пласты (доски) жмыха доставал для нас ловкий, жуликоватый зам. начальника ТАССа Арсентьев. На эти «доски» набрасывались голодные сотрудники и грызли их сухими, ломая зубы. Я терпеливо ждал, пока они разварятся или просто разогреются на печурке, тогда «дуранда» становилась более удобоваримой. В промёрзшей комнате я ежедневно раздевался до пояса и умывался ледяной водой. Несколько раз мне удалось вымыться под горячим душем на электростанции на Фонтанке, где брат нашего сотрудника Зельманова был главным инженером. Это мытьё превращалось в подлинный праздник.

Всё же вскоре у меня распухли ноги и ослабло зрение. Ноги были такие, точно под кожу вложили вату. Ступать было тяжело и противно. Донимали бомбёжки и обстрелы...

Работать пришлось очень много. Материал, поступавший от военных корреспондентов с фронтов, от корреспондентов по городу, надо было обработать. Мы составляли бюллетени, которые рассылали городским, военным газетам, ежедневно

передавали материал в Москву для печати страны и Информбюро – для заграницы. Кроме того, Политотдел фронта почему-то взвалил на нас выпуск листовок, брошюр, в частности с выступлениями Сталина. А в редакции нас работало только два человека: я – по военной части, и другой редактор, Шур – по гражданской.

Район, где помещался ТАСС, почему-то стал предметом особого внимания немецкой авиации и артиллерии. Нас бомбили, обстреливали. Бомбы и снаряды попадали в соседние дома. У нас не осталось ни одного целого стекла. Нас переселили в подвал. Здесь мы работали, здесь и жили. Кстати, работали мы при коптилках. Света не было...».

Трагические будни блокадного Ленинграда

«А смерть косила беспощадно. Ей было легко справляться с голодными обессилившими людьми. «Мумии», завернутые в старые одеяла, в простыни, нагруженные на саночки, которые тащили на себе не люди, а живые тени. Вот-вот тень упадет и ляжет рядом с мертвецом. Эта обычная будничная уличная картина тех дней.

Но то, что я видел на сборном пункте, куда свозили мёртвых, никогда не забудешь. У моей знакомой умерла тётушка, и она попросила меня помочь её отвезти на сборный пункт. Это была ранняя весна. Как отвезти труп? В старье на чердаке я нашёл детскую коляску с плетёной корзиной (такие детские коляски были в старину). Пришлось снять корзину, приладить гладильную доску, к которой привязал труп, и через весь Невский отправились в Александро-Невскую лавру. В одной из церквей был тот пункт, куда свозили покойников.

Если я скажу, что то, что я увидел, было страшно, это вовсе не выразит то чувство, которое охватило меня, когда я вошёл в церковь. Мертвецы лежали штабелями, между которыми были узкие проходы. Сколько насильно прерванных человеческих жизней, сколько прерванных человеческих счастливых судеб! Сколько горя их смерть принесла! Вернутся воины с фронта, вернутся дети из эвакуации. Они будут искать своих родителей, жён, отцов, матерей, братьев, сестёр и не найдут. Не найдут даже их могил. Ведь они будут похоронены безымянными в бесконечных траншеях, вырытых в замерзшей, многострадальной ленинградской земле.

Я внёс труп в церковь. Меня заставили забросить его наверх штабеля. Для того, чтобы справиться с этим нелёгким делом, мне пришлось упираться коленями, ступнями ног в тех, кто совсем недавно был живыми людьми, которых любили и которые любили, которые думали, творили. А теперь...

Нет, это не забыть и не простить творивших это зло! Трудно было ленинградцам. Они страдали, но они показали величие духа...

В ТАССе мы каждый день получали корреспонденции о трудовых подвигах людей. Да и сами корреспонденты совершали подвиг. Разве не подвиг совершал Баннов, пешком добравшийся от завода «Большевик», чтобы сдать корреспонденцию, или Питерский, проделывавший свои вояжи от Кировского завода. Питерский отморозил ноги и в результате гангрены умер. Они несли свои корреспонденции, мы их передавали на всю страну, на весь мир, говоря: знайте, голодающий, холодающий Ленинград жив, он трудится, борется, не сдаётся врагу!».

На Волховском фронте

«Редакторская работа занимала много времени и требовала большого труда. Но всё же, время от времени, я выезжал на фронт, тем более что он был здесь же, сразу за ленинградскими заставами.

В середине зимы мне стало совсем худо. Ноги меня плохо держали, временами я вовсе терял зрение. Было решено переправить меня через Ладогу на Волховский фронт. Вместе со мной отправились военкоры Аркадий Виноградов и Павел Лукницкий. Лукницкий, изрядно изголодавшийся, по приезде в штаб армии, которой командовал Федюнинский, так набросился на еду, что пришлось его отправить в госпиталь. Меня с Аркадием предупредили о том, чтобы после ленинградского голодания не очень усердствовали с едой. Сдерживаться было трудно, пришлось держать себя в руках. Но, уходя из штабной столовой, я всё-таки набивал карманы хлебом. Как вкусен был хлеб!

Через несколько дней мы начали входить в курс боевых операций. Не собираюсь здесь рассказывать о них. Единственно скажу, что бои здесь велись тяжёлые, в труднейших условиях, с большими потерями. До сих пор перед глазами стоит высокая железнодорожная насыпь у станции Погосты. Сотни и сотни наших людей полегли у этой насыпи. Мне пришлось быть здесь во время одной атаки, когда наша часть собиралась одолеть эту

неприступную насыпь. С наступлением темноты в часть прибыло подкрепление, если память мне не изменяет, около трёхсот человек. На рассвете их кинули в атаку. Немногие из них вернулись из боя. Миномётный огонь немцев был настолько плотный, что прямое попадание мин было случаем нередким.

Об одном из таких случаев была напечатана моя корреспонденция в центральных газетах. Мина попала в нашего бойца, но не разорвалась, а застряла, зажатая бицепсом у стабилизатора, кость была раздроблена. С большим трудом удалось эвакуировать с поля боя раненого. Врач, рискуя жизнью, надрезал мышцу и извлёк мину, вынес её в безопасное место, где она и взорвалась. Раненый был спасён.

На Волховский фронт я стал выезжать часто. Через Ладогу, по «Дороге жизни», я перебирался и по зимнику, и на пароходах, неоднократно выезжал на передовые позиции. Смерть была рядом. Тогда я об этом не думал. Я был солдат, а солдату о смерти думать нельзя было...».

В партизанской столице Хвойной

«Я снова иду по «Дороге жизни». На сей раз не по льду и не по воде, а по воздуху. Опасность была не меньшая. Ведь небо постоянно бороздили фашистские стервятники. Но погода нам благоприятствовала, летели мы в сплошном молоке, видимость была ничтожная, следовательно, и опасность наткнуться на немца меньшая.

Собственно говоря, почему меня везут в Хвойную, было мне не совсем понятно. Ведь в военное время нельзя было задавать лишних вопросов.

Вот я в Хвойной – маленьком городишке Новгородской области. Кругом лес, а в лесу недалеко от города, землянки. Здесь основная база Штаба партизанского движения Ленинградской области. Здесь своеобразный перевалочный пункт. Отсюда направляются люди в немецкий тыл, сюда из тыла перебрасывают раненых. В Хвойной госпиталь, в котором их лечат. Отсюда партизанская эскадрилья перебрасывает боеприпасы, вооружение, продовольствие. Здесь штаб».

Газета «Ленинградский партизан»

«Среди разных служб большое место занимает партизанское издательство. Издательская деятельность состоит в выпуске двух газет: «Ленинградский партизан» – для партизанских бригад, действующих в немецком тылу, и «За Родину» – для

населения оккупированных районов. Была и ещё одна область деятельности издательства – выпуск листовок. Газеты и листовки перебрасывались на самолётах...

Каждая из двух газет должна была иметь редактора. Газету «За Родину» редактировал И. Виноградов, а место редактора «Ленинградского партизана» было вакантно. Вот его и назначили для меня. Мне сразу это предложение пришлось не по вкусу. Сидеть в Хвойной, в землянке и писать о партизанах, для партизан, не видя ни партизан, ни партизанской войны, явно мне не улыбалось...

Хотя я редакторства не принял и, кажется, подпись под газетой не ставил, но вся работа в ней легла на мои плечи. Не скажу, что работа меня не увлекла. Работы было много, и часто она захватывала меня. Особенно меня захватывало написание листовок. Я писал, прямо скажу, кровью сердца своего. И сам материал, который брался в основу листовки, и сознание, что говоришь непосредственно с теми, кто стоит лицом к лицу с врагом, не могли не волновать меня...».

В тылу врага. Третья Ленинградская партизанская бригада

«Наконец я получил командировку в Третью партизанскую бригаду. Эта бригада была особенная. Она действовала не на территории Ленинградской области, а в Псковской. Командовал ею, в отличие от других, профессиональный военный Герман – ленинградец. Окончил военное общевойсковое училище, учился в Академии Генерального штаба. Не знаю точно, как он попал в немецкий тыл, но так или иначе, именно Герман был организатором первой небольшой боевой группы. Сперва в ней было несколько десятков человек. За короткое время она выросла в бригаду, насчитывающую более 2000 бойцов. Сам Герман стал на Псковщине человеком-легендой.

О его героизме складывали легенды. Популярность его была огромна, можно смело сказать, что по всей оккупированной Псковской области не было ни взрослого, ни ребенка, кто не знал бы Германа. Подавляющее число партизан Третьей бригады были местные жители – псковитяне. Среди партизан были и старики, и зелёная молодежь. Я был свидетелем, когда матери приводили своих сыновней, мальчиков 14-16 лет, и упрашивали взять их в отряд.

– Лучше пусть они будут с вами, чем их угонят в неметчину, в неволю, – со слезами говорили матери.

Бригада Германа наводила на немцев страх. В этом я убедился с первых же часов моего появления в бригаде. Вот картина партизанской жизни, которая меня поразила в первые дни пребывания в бригаде.

Ночь. Темнота непроницаема. Рядом с тобой стоят люди, но ты их не видишь. Слышно только напряжённое дыхание. Вдруг там где-то вдали, сверху раздался шум приближающихся самолётов. Вспыхнули условные костры. Один за другим садятся У-2. Быстро идёт выгрузка. Одновременно тяжёлые «Дугласы» сбрасывают груз на парашютах.

А где же немцы? Они здесь, рядом, в 2-3 километрах, а то и ближе. Кругом начинается переполох. Из окружающих деревьев, где имеются немецкие гарнизоны, взвиваются в небо осветительные ракеты – одна, другая, третья. На аэродроме становится светло. Слышна беспорядочная стрельба. Партизаны не спешат, они спокойно делают своё дело. Партизаны хорошо знают, что немцы не посмеют приблизиться к нашему расположению.

Немцы, конечно, беспокоили нашу бригаду. Но в каждом случае они для этого собирали вдвое-втрое большую силу, чем располагали партизаны...

Бригада жила беспокойной, напряжённой жизнью. Командование направляло боевые группы для диверсионной работы на железной дороге и для налётов на гарнизоны, снаряжало своих людей в дальнюю разведку.

Герман придерживался особой тактики. Бригада не пряталась в лесу, не имела лесных баз. Её боевые успехи и, в известной мере, безопасность были в её подвижности. Бригада была всё время в движении, всё время в походе. Мы появлялись неожиданно для врага, то в одном районе, то в другом. Для немцев с их методичностью мы были неуловимы. Но от партизан эта тактика требовала выносливости, умения преодолевать быстрые скрытные переходы, часто под самым носом у врага. Переходы совершались обязательно ночью, часто по азимуту, минуя дороги, населённые пункты. Почему-то запомнился один переход.

Осень. Нудный осенний дождь. Промок до костей, в сапогах хлопает вода. Мы идём партизанской колонной. Это зна-

чит вереницей, один за другим, один за другим. Дорога идёт по какой-то лесной тропинке, а может быть, и без всякой тропинки. Идёшь час, второй, третий. Автомат, сумка, пистолет, ящик типографского шрифта висят на мне гирей, тянут к земле. А здесь ещё сон, мучительный сон, которого не побороть. Спишь. Спишь и продолжаешь идти. Идёшь во сне, потому что надо идти. Надо! Осознанные чувства необходимости могут творить чудеса, они делают из обыкновенного человека героя, богатыря.

Наш народ столкнулся с необычным врагом. Вероятно, история ещё не знала такого звероподобного врага, каким были фашисты. Зверство, лютость, беспощадность фашистов не имели меры. Немцы вызвали к себе в нашем народе чувство лютой ненависти. Чувство это было правомерным, справедливым.

Но в бригаде мы имели случай убедиться, что немец и фашист далеко не одно и то же. Не один поход я проделал рядом с партизаном – немцем Шмидтом. Этот молодой человек, перешедший к нам чуть ли не в первые месяцы войны, был убеждённый антифашист. У него в бригаде были разнообразные обязанности. Шмидт переводил наши листовки, сводки Информбюро на немецкий язык, сам их перепечатывал на машинке с немецким шрифтом и сам распространял в немецких гарнизонах. Часто он исчезал. Где ты был? Молчок. Мы догадывались, что он выполнял задание разведки. Товарищ он был очень хороший и был влюблен в Ньюру, наборщицу нашей партизанской газеты.

Но это Шмидт. Человек с твёрдыми убеждениями. Но у нас было ещё два немца. Этих захватили в плен наши партизаны. Если мне память не изменяет, их оставили в бригаде по просьбе Шмидта. Они участвовали в боях с немцами вместе с нами, один из них был ранен. Партизанский врач Гилев говорил мне, что этот немец ухаживал за нашими тяжелоранеными, так, как ни одна сестра не будет ухаживать. Кстати, все три немца пришли в Ленинград в колонне нашей бригады. Потом они были помещены в специальный лагерь пленных антифашистов.

Попутно хочется рассказать и о таком эпизоде. Как-то начальник особого отдела бригады позвал меня к себе в избу.

– Хочешь, я тебя познакомлю с «красавцами», которых захватили на рассвете?

– Давай, показывай!

Оказывается, наша засада рано утром обстреляла и захватила в плен группу кавказцев. Немцы формировали из пленных кавказцев воинские подразделения, подобно власовским.

Из подпола был извлечен кавказец в немецкой форме. Едва услышал его первые слова, что он был директором МТС, значит, членом партии, как мною завладел неукротимый слепой гнев. Я совладать с собой не сумел. Сжатый кулак со всей доступной мне силой врезался в его ненавистную мне морду.

Кавказец плакал. Конечно, не от боли. Он, всхлипывая, гортанно кричал:

– Убей меня, товарищ!

Отпустили кавказцев. Дали слово, что весь отряд к партизанам приведут. Рассказывали, что по возвращении в свою часть они повели работу по переходу к нашим, но немцы унюхали об этом и расстреляли их.

В бригаде я сблизился с начальником политотдела Вознесенским. Это был мягкий, добродушный человек. С ним рядом было всегда как-то очень спокойно, тепло. Хотя в бригаде, как представитель газеты штаба партизанского движения, я пользовался полной автономией и был независим, Вознесенский сразу включил меня в свою орбиту.

В моей обязанности было проведение бесед с местным населением. Бывало, как появимся в каком-нибудь населённом пункте, сразу собираю жителей. Более внимательных, более заинтересованных слушателей у меня никогда не было. Они не слушали, а буквально поглощали каждое слово. Конечно, тема бесед была одна – война. Я сообщал им о положении дел на фронте, о блокаде Ленинграда, о трудовых подвигах советских людей. Особенно интересовала их судьба Ленинграда.

Бывало, меня снаряжали в соседние деревни. В этом случае мы отправлялись группой. Постоянным моим сопровождающим был порученец Венька, весёлый, остроумный парнишка, влюблённый в ту же Нюру, что и немец Шмидт, о котором я писал выше. Не всегда такие экспедиции кончались благополучно. Были случаи, когда приходилось спешно ретироваться, так как в деревне появлялись немцы. Неоднократно нам приходилось отстреливаться. Однажды спасли нас густые, высокие поросли камыша у реки, через которую нам удалось перебраться.

Второй моей обязанностью было помогать в выпуске бригадной газеты. Это был печатный орган, имевший постоянного редактора и свою типографию. Газета была размером тетрадной странички. Нюра набирала текст с рукописи и верстала полосы. Затем их тискали на крошечном тискальном станочке. Каждый экземпляр нужно было два раза пропустить через станок – с одной стороны и другой. Выпустить такой номер не представляло большого труда, но таскать в бесконечных походах ящик со шрифтом, тискальный станок, запас бумаги, краску было нелегко.

Наша бригада для немцев была, как бельмо на глазу. Они постоянно преследовали нас. Небольшие бои с тем или иным полком бригады завязывались почти ежедневно. Немцы действовали, как правило, по одному и тому же шаблону. Ранним утром над расположением бригады появлялся в небе немецкий разведчик, так называемая «рама». Это был удивительный самолёт. Он шёл так медленно, что казалось, будто он висит неподвижно над головой. Повисит над одной деревней, где расположились наши партизаны, потом этот воздушный соглядатай двинется к другой деревне и там повисит, потом к третьей.

Через несколько часов уже можно наверняка ждать арт-обстрела. Конечно, партизаны молчат, у нас нечем ответить. Тяжёлого оружия у нас нет. Другое дело, когда завяжется ближний бой, вот тогда наши «скобцане» покажут себя. Смелый, боевой народ. Потерь в таких боях у нас было не так много.

Тяжело мне было видеть наших раненых. Врачебная помощь у нас была слабая. Один хирург. Отличный хирург, но один. Госпиталя не было. Да какой мог быть госпиталь, когда мы всё время в походе. Были случаи, когда мы вынуждены были уходить в поход с ранеными сразу после перенесённой тяжёлой операции, когда для них так важен был покой. Мне пришлось видеть, как хирург оперировал партизана в тяжелейшем состоянии, ему пришлось произвести резекцию ребер, чтобы удалить осколок из лёгкого. Операцию проводили на дворе, под открытым небом. В тот же день, вернее ночью, мы двинулись в дальний поход. Всю дорогу раненого несли на носилках.

Но какой огромный запас сил у человека! Через несколько дней раненого удалось эвакуировать самолётом в Хвойную, где я его через несколько месяцев встретил выздоровевшим.

Воинский труд партизан требовал не только огромной затраты физических сил, но и нервных. В регулярных частях после тяжких боёв, после огромных потерь всё же бывали передышки. Часть отводили на переформирование, на пополнение. У партизан не было второй линии, они всегда были во вражеском окружении, у них не было тыла, фронт всюду. Это вызывало постоянное нервное напряжение.

Для меня, как журналиста, были особенно интересны люди. В регулярных частях, как мне тогда казалось, не было такого разнообразия в типаже. Шинель и устав как бы нивелировали людей. Другое дело партизаны. Это был народ во всём своём многообразии, взявший оружие в руки. Я уже писал, что в бригаде были и старики, и юноши – почти дети, женщины. Близость партизан или, вернее, кровная связь с народом у нас была особенно заметна, потому что это были местные люди. Партизаны часто посещали свои дома, свои семьи, а члены семей были нередкими гостями у своих отцов, братьев, сынов в отрядах.

Когда мы приходили в деревню, староста тут же указывал, кто должен зарезать овцу, свинью, а то и корову, чтобы накормить партизан. Всё, что было взято у колхозников, оформлялось расписками.

Несколько слов о старостах. Немцы неизменно требовали, чтобы в каждой деревне был староста. Старосту немцы наделяли некой административной властью. Но быть представителем немецкой власти было позором. Никто не хотел быть старостой. Но немцы требовали. Образовался некий институт временных старост, устанавливали очередность – одну неделю старостой считался один, а вторую – другой. Такие старосты служили нам, партизанам, а не немцам. Правда, это имело место не в самом начале оккупации, когда немцы ещё могли найти какое-то число настоящих предателей, служивших им верой и правдой.

Последний год войны, когда судьба фашистских захватчиков была предрешена, стала разваливаться так называемая власовская армия. Все, кто попал в эту армию (а это главным образом военнопленные) под влиянием страха, пыток, голода, стали отпадать. Эти люди понимали, что им придётся держать ответ перед Родиной, они поняли, что обязаны искупить свою вину перед ней. В нашу бригаду власовцы начали приходить

целыми группами, из них формировали новые отряды, которые, не щадя жизни, дрались с фашистскими захватчиками».

Партизанский комбриг Александр Герман

«Мои воспоминания о партизанском отрезке моей жизни подходят к концу, а я ещё не рассказал о человеке, который меня восхищал и оставил глубокий след в моей душе, о командире бригады Александре Викторовиче Германе. Этого человека я по-настоящему полюбил. С первых же дней моего пребывания в бригаде мы близко сошлись. Я уже не помню, как произошла наша первая встреча, но помню очень хорошо, что не было почти ни одного дня, чтобы мы не встретились. В дни же затишья мы вели длительные беседы. Это были беседы на различные темы. Здесь разговоры о войне, о литературе, о будущей судьбе страны и народов мира.

Запомнился один разговор. Помню, что я очень горячился, волновался, а Герман сохранял полное спокойствие, говорил он, как всегда, тихим ровным голосом.

А речь шла о немцах. Признаться, для меня немец был равен фашисту, а фашист немцу. Раны, нанесённые немецкими фашистами нашему народу, нашей Родине, ещё зияли, боль была непереносимая. Зверства немцев были для меня не отвлечённым понятием. Я их видел. Отсюда моя горячая ненависть к немцам. Я утверждал, что после войны, после нашей победы, всю неметчину надо поднять на воздух, в порошок стереть.

Герман, слегка улыбаясь:

– Ну, зачем же так жестоко? И Шмидта Вы тоже хотите в порошок стереть?

– Но шмидты – одиночки, а немцы, породившие Гитлера, фашизм, должны исчезнуть с лица земли, – горячусь я.

– Но, Леонид Григорьевич, вспомните Карла Маркса, Энгельса, наконец, Гёте, Гейне, а Вы мне сами говорили, что Гейне ваш любимый писатель. Их тоже дал немецкий народ.

Я продолжаю горячиться:

– Знаете, Гитлера и фашизм всё равно им простить нельзя!

– Помняте мое слово, – тем же спокойным голосом продолжает Герман, – кончится война, фашизм будет уничтожен, а Германия, её народ останется. Немецкую культуру уничтожить нельзя, и это было бы преступно.

Я и тогда хорошо понимал, что Герман прав. Но во мне ещё бушевала ненависть к фашистам, ещё звучали в ушах пока-

зания немецких пленных, наглая самоуверенность и презрительное отношение к нашему народу. Это у пленных! Я видел отобранные у них фотографии, где они снимались рядом с растерзанными ими нашими людьми. Ведь эти фотографии они посылали своим семьям, а там гордились своими сыновьями, мужьями – палачами.

Но Герман, этот славный воин, мог стать выше этих проходящих эмоций. Так же, как он мог переступить через свои симпатии к немцам, к немецкой культуре (ведь в его жилах текла немецкая кровь) и вести беспощадную войну с немецкими фашистами.

Александр Викторович был общим любимцем и партизан, и населения Псковщины. Трудно мне сказать, чем он завоевал эту любовь. Он был обаятелен. Улыбка была покоряющей. Герман не был ни многословным, тем более – ни велеречивым. Я не помню случая, чтобы он на кого-нибудь кричал. Приказания он отдавал спокойно, лаконично.

Мне пришлось видеть его на штабном совещании за несколько часов до его гибели. Это было в самые тяжёлые для бригады дни. Немцы решили ликвидировать партизанскую бригаду. Для этого они собрали мощный кулак из двух полков СС и местных гарнизонов.

Всего в карательной экспедиции, предпринятой немцами, участвовало около 10000 человек. Около недели экспедиция преследовала бригаду. И всю неделю, проделывая многокилометровые переходы, нам удавалось ускользать от преследователей. Немцам всё же удалось окружить бригаду плотным кольцом. Бой был неизбежен. Надо было прорывать кольцо. Вечером и состоялось совещание штаба, решавшее вопрос, в каком направлении пробиваться бригаде. Герман был болен, чувствовал он себя плохо, он полулежал. Самым дотошным образом он допрашивал начальника разведки Панчесного, где сосредоточены главные силы карателей, где, по мнению начальника разведки, будет легче пробиться.

Герман слушал и Панчесного, и начальника штаба Крылова и, наконец, обычным спокойным тоном, указав место на карте, произнес:

– Будем прорываться здесь.

Это «здесь» было у деревни Житницы. Место это избрано потому, что, по данным разведки, здесь были у противника

небольшие силы. С наступлением темноты наша партизанская колонна потянулась в сторону Житниц. Подход к деревне оказался крайне невыгодным для нас. Мы оказались втянутыми на узкую дорогу, пролегающую между двумя возвышенностями. Фашисты повели шквальный огонь. Партизаны залегли. Штурмовой отряд не мог пробиться. Тем временем немцы усилили обстрел бригады.

Я лежал на земле, и мне казалось, что никакая сила меня не заставит подняться. Но это первые минуты страха, когда инстинкт самосохранения берёт верх над сознанием, над чувством долга. И вот я уже поднимаю голову. Светло, как днём, немцы навесили десятки осветительных ракет, трассирующие пули летят, как пчёлки, и кажется, что каждая летит к тебе, в тебя. На фоне освещённого неба возвышается фигура Германа. Он стоит бесстрашный. Мне он показался вдвое выросшим. Мне стало стыдно своего страха. Я поднялся с земли.

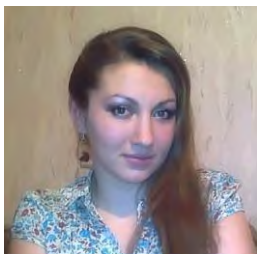
Судьбу бригады решали минуты. Прижатых к земле людей было бы просто уничтожить. Герман принимает решение возглавить штабной отряд, повести его на прорыв. Я был со штабным отрядом. Мы ворвались в горящую деревню. Вслед за отрядом прорвалась вся бригада.

Бригада была спасена, но дорого за это заплатила. Мы потеряли около двухсот человек и своего командира Александра Викторовича Германа.

Вскоре после этого боя мне пришлось лететь в наш советский тыл. Мне поручили доставить в штаб партизанского движения фуражку Германа, пробитую пулей. Я потом видел эту дорогу для каждого партизана, для каждого знающего Германа реликвию в партизанском отделе Музея защиты Ленинграда. Был такой музей, к сожалению, его ликвидировали. Где эта фуражка сейчас? Не знаю.

О последних днях жизни Германа, о бое, в котором он погиб, я подробно писал в газете «Ленинградский партизан». Материал занимал 5-6 газетных страниц и печатался в нескольких номерах...»

Смерть на войне обычна и сурова...»
(История жизни и смерти рядового солдата
Великой Отечественной войны
Ивана Андреевича Трофимова)

Ефремова Татьяна,
(п. Дубровка, Брянская обл.)

Руководитель
Жукова Татьяна Григорьевна,
учитель истории МБОУ Дубровская №1
СОШ им. генерал-майора Никитина И.С.
(п. Дубровка, Брянская обл.)

Прошло уже почти 70 лет с того дня, когда закончилась Великая Отечественная война. Она сломала и унесла миллионы судеб и жизней. Она украла у людей их юность, одев подростков в шинели и отправив на фронт. И только их слезами, потом и кровью была достигнута Великая Победа.

В России, наверное, нет такой семьи, которой война не коснулась бы своим чёрным крылом. Не стала исключением и моя семья. Список членов нашей семьи, погибших в годы войны, составляет более десятка человек.

Хочу рассказать об одном из тех, кто положил свою жизнь на алтарь Победы. Это мой двоюродный дедушка (брат моей бабушки) Герой Советского Союза Иван Андреевич Трофимов. Иван Трофимов – это гордость нашей семьи, нашей школы и нашего района.

Деревня Немерь Дубровского района Орловской (ныне Брянской) области, где жила семья Трофимовых, была построена вдоль речки по имени Немерь (Немерка). В русской истории многие города, посёлки и деревни получали имена тех рек, на берегах которых их возвели строители.

Точная дата основания деревни пока неизвестна. Предполагается, что возникла она в начале 50-х гг. XIX века. В первую очередь строилась помещичья усадьба, прачечная, скотный двор, кузница. Был заложен парк, вырыт колодец.

Первым помещиком был Левин, а потому та сторона деревни, которая примыкала к барской усадьбе, называлась

Левинской. Противоположная сторона деревни (за речкой) называлась Акинтьевской – по имени землевладельца Акиньева. Здесь и жили Трофимовы.

Семья Трофимовых была большой, многодетной, разветвлённой. Работали на земле от зари до зари все трудоспособные члены семьи, но в зажиточные так и не выбились, жили бедно. Иногда нанимались батрачить к барину, ходили на работу в толстовскую сельскохозяйственную общину, которую организовал на своих землях генерал-лейтенант А.С. Беневский и его сын Иван Аркадьевич, единомышленник Л.Н. Толстого. Деревенские жители уважали работающих, незлобных, отзывчивых на чужое горе Трофимовых.

После 1917 года земли перешли в собственность Немерской общины. В 1928 году началась подготовка к коллективизации. Через год в Немери были организованы первые ТОЗы, а к 1939 году уже все селяне вошли в колхоз, который назывался «Всемирная революция».

Председателем колхоза крестьяне выбрали уважаемого селянина Андрея Захаровича Трофимова (1906-1942), отца Ивана Трофимова. А его мать, Мария Семёновна (урождённая Зайцева) (1902-1990), работала в колхозе по наряду (пахала, жала, косила), привилегий никаких не имела. Андрей Захарович вообще был очень строг к членам своей семьи: работать должны были лучше всех, личным примером показывая, как надо трудиться на общее благо. В семье Трофимовых росло девять детей, мал мала меньше, большинство из них умерли в детском возрасте, до взрослой жизни дожили только Иван (герой моего рассказа) и Зоя (моя бабушка).

А вот к односельчанам Трофимов был хотя и строг, но справедлив. Достаточно вспомнить, что в лихие времена раскулачивания из колхоза «Всемирная революция» был подвергнут выселению лишь один зажиточный крестьянин по имени Захар, да и то за то, что подпольно крестил деревенских младенцев. Дом раскулаченного заняла не семья председателя, как это нередко было в других колхозах, а туда перевели сельсовет.

Стараниями председателя колхоза А.З. Трофимова и рядовых работников колхоз рос и богател. Были сформированы четыре полеводческие бригады, работала ферма, были пасека, сад, кузница. Оплата труда осуществлялась в натуральном виде, деньги не выдавались. Излишки сельхозпродукции колхозники

продавали на базаре и на вырученные деньги покупали промышленные товары. В 1939 году была построена добротная колхозная баня. Начали строить сельский клуб. Кино из Дубровки привозили раз в два месяца. Ранней весной 1941 года мастера-любители установили радиоприемник-«тарелку» у колхозной конторы. При сельсовете имелся граммофон.

Председатель установил строгий запрет на изготовление и продажу самогона. Но по итогам года после уборки урожая и полного расчёта с государством и колхозниками устраивался коллективный праздник. Пели песни, плясали, веселились. И здесь, как и в работе, первым зачинщиком был председатель Андрей Захарович Трофимов.

Будущий Герой Советского Союза Иван Андреевич Трофимов родился 19 сентября 1924 года. Рос живым, любознательным, озорным мальчишкой. С раннего детства был знаком с нелёгким крестьянским трудом, много работал, помогая и в колхозе, и дома. Очень уважал отца, авторитет которого был для мальчика непререкаем, любил мать, почитал старших, помогал маленьким, был очень послушным. Так его воспитали в семье. По старым русским народным обычаям.

«К грамоте, учению Ваня тянулся с раннего детства, – вспоминает моя бабушка Зоя Андреевна Коваленкова (урождённая Трофимова), ссылаясь на рассказы своей матери Марии Семёновны, – но отец (он научился читать, считать и писать во время службы в царской армии) был всегда занят на работе, а мать сама не была обучена грамоте. Так что дома ему никто помочь не мог.

В деревне тогда была четырёхклассная школа, размещённая в большом деревянном доме бывшего помещика, куда ходили все дети Трофимовых. Ваня учился только на «отлично», любил читать, помогал в учёбе своим товарищам, братьям и сёстрам.

В 1938 году в Немери построили новую семилетнюю школу на территории бывшего барского сада. Кирпичный фундамент выложили дубровские рабочие, а все плотницкие и столярные работы выполнили наши немерские мужики-мастера. Отец (как председатель колхоза) строго следил за качеством и скоростью работы. Школа получилась светлая и просторная. Она работала в одну смену».

По окончании Немерской семилетки Иван Трофимов продолжил образование в Дубровской средней школе (ныне МБОУ Дубровская СОШ №1 им. генерал-майора Никитина И.С. п. Дубровка Брянской области), где успел проучиться только два года. Дубровская школа стала средней в 1937 году (до этого времени тоже была семилетней), её директором тогда был талантливый учитель химии и самодеятельный художник Василий Михайлович Тюлягин.

По воспоминаниям одноклассников, Иван Трофимов был хорошим учеником, добрым, отзывчивым человеком, активным пионером и комсомольцем, которого искренне любили товарищи и учителя. У него было много друзей.

Летом 1941 года, как обычно, Иван Трофимов работал в родном колхозе. Но вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну прервало мирный труд людей.

По воспоминаниям старожил деревни Немерь, весть о начале войны принесли на покос после полудня. Люди встревожились, побежали в деревню, но прояснить ничего не удалось.

Дубровский военкомат начал призыв на службу. Многие немерцы ушли на фронт, большинство из них назад не вернулось. Колхоз отрядил женщин-погонщиц для эвакуации колхозного скота в тыл. Остальные колхозники по очереди направлялись к Десне на строительство оборонительных рубежей. Вместе со всеми ходил рыть окопы и Иван Трофимов.

В один из дней по деревне в пешем строю ускоренным маршем прошли на помощь оборонявшемуся Смоленску стрелковые полки. По прошествии 10-15 дней уже в обратном направлении артиллерийские тягачи «Ворошиловцы» тащили полевые пушки крупного калибра. Несколько дней через деревню неорганизованными небольшими группами отступала наша пехота. Через два дня после ухода последних советских бойцов появилась немецкая военная разведка на мотоциклах, а затем со стороны деревни Фёдоровка в Немерь без боя вошла немецкая механизированная колонна. Это было 9 августа 1941 года.

На следующий день была назначена оккупационная администрация, Немерь стала волостным центром. Постоянного гарнизона немцев в Немери не было. Фашисты периодически навевались сюда из Дубровки и Сечи в основном с целью пограбить и собрать дань. Немцы и их пособники постепенно конфисковывали у крестьян скотину и птицу, была разграблена

колхозная пасека. Трофимовым, как и некоторым другим немерцам, удалось спрятать немножко солонины и зерна, закопав это в яму в саду. Это помогло им выжить в первую оккупационную зиму.

Иногда временно в домах крестьян квартировали идущие на фронт немецкие подразделения. Были сформированы полиция и жандармерия. Полицейский гарнизон в Немери состоял из 20 человек. Глубокой осенью 1942 года в деревне квартировал батальон власовцев. Они несли полевую караульную службу, грабили и пьянствовали.

До конца 1941 года люди работали сообща в колхозе, потом колхоз ликвидировали, и крестьяне стали вести единоличное мелкое хозяйство. Председатель колхоза Андрей Захарович Трофимов не выдержал всего происходящего и умер от сердечного приступа в 1942 году. Семья осталась без кормильца. Все тяготы выживания в условиях оккупации легли на плечи единственного мужчины в доме – юного Ивана Трофимова.

Время от времени в деревне появлялись выходившие из окружения красноармейцы. Кого-то оставляли у себя под видом родственников жители деревни, других подкармливали и переправляли к партизанам. В числе тех, кто был привлечён к этому ответственному делу, оказался и Иван Трофимов. Он умел хранить тайну, был смекалист и храбр.

Трижды партизаны нападали на полицейский гарнизон Немери, уводили немецкий скот. Местное население активно помогало партизанам: собирали и передавали разведданные, были связными, пекли хлеб для партизан, валяли валенки. Кое-кто уходил в лес, становясь бойцами Рогнединской или Первой Клетнянской партизанских бригад, которые базировались в Дубровском районе. Были, конечно, и те, кто пошёл на службу к оккупантам.

«При налёте советских самолётов на Сещинский аэродром фашистов, – вспоминает моя бабушка З.А. Коваленкова, – мы прятались в окопы и ямы, вырытые у дома в первые дни войны. А налёты были почти еженедельно, в основном в ночное время. Иван помогал всем укрыться и только потом прятался сам. По деревне иногда бродили поляки, работавшие у немцев на аэродроме, и выменивали соль на продукты питания и самогон».

После тяжёлых двухдневных кровопролитных боёв с большими потерями Немерь была освобождена бойцами 324-й стрелковой дивизии 50-й армии Брянского фронта 19 сентября 1943 года. Фашисты при отступлении сожгли две конюшни, скотный двор, несколько амбаров, два гумна, баню и хату.

После освобождения Немери местные жители помогали собирать и хоронить советских воинов, погибших в боях. Но не все останки бойцов тогда были преданы земле. 22 июня 2002 года ещё 22 бойца, павших при освобождении Немери, Липовки и Карловки, были торжественно захоронены на мемориале воинской Славы в Дубровке.

Иван Трофимов был призван в армию 20 сентября 1943 года, на следующий день после освобождения деревни. Военная специальность моего деда была очень важной – пулемётчик. Он был наводчиком станкового пулемёта. Это одна из самых опасных профессий на фронте.

Наводчик станкового пулемёта 93-го стрелкового Краснознамённого полка 76-й стрелковой Ельненско-Варшавской Краснознамённой ордена Суворова дивизии 47-й Армии Первого Белорусского фронта (с 26 марта 1945 года) Иван Трофимов принимал участие в самой кровопролитной битве, завершившей Вторую мировую войну в Европе, – Берлинской наступательной операции (16 апреля – 8 мая 1945 г.), во взятии логова фашистской Германии – Берлина.

Основная роль в предстоящей операции отводилась Первому Белорусскому фронту (командующий – Маршал Советского Союза Г.К. Жуков). Фронт наносил три удара: главный – по кратчайшему направлению с кюстринского плацдарма непосредственно на Берлин и два вспомогательных – севернее и южнее Берлина. На направлении главного удара наступали пять общевойсковых (3-я, 47-я, 3-я и 5-я ударные, 8-я гвардейская) и две танковые армии (1-я и 2-я гвардейские).

В письме матери И.А. Трофимова Марии Семёновне бывший командир 76-й стрелковой дивизии 47-й армии Первого Белорусского фронта генерал-лейтенант запаса Андрей Никитич Гервасиев сообщает о том, как сражался с врагом её сын: «Ваш сын 19 апреля 1945 года в районе Зеебург первым переправился через водный рубеж и своим станковым пулемётом обеспечил переправу части».

В наградном листе на присвоение звания Героя Советского Союза И.А. Трофимову читаем: «Противник с целью окружить и уничтожить переправившиеся подразделения несколько раз атаковал их, но пулемётчик тов. Трофимов метким огнём отражал натиск врага. В этом бою он уничтожил 4-х гитлеровцев и пленил 5-х, а остальных обратил в бегство, чем способствовал успеху общего наступления».

Спустя несколько дней, 27 апреля 1945 года, обеспечивая продвижение вперёд к населённому пункту Гатов наших частей и подразделений, Иван Трофимов уничтожил семерых гитлеровцев, подавил огонь двух пулемётных точек противника, отразил две контратаки.

...Фронтовые письма, обжигающие свидетельства боли и мужества, свидетельства жизни во всех её проявлениях. Они шли не в конвертах, на них не было марок. Они были сложены треугольничками. В этих письмах надежда и мечта, любовь к матери, жене, детям, к родному краю, Отечеству.

Несколько лет назад моя бабушка приняла непростое для себя решение: она передала на вечное хранение в Дубровский краеведческий музей единственное сохранившееся в семье письмо Ивана Трофимова с фронта. Это было последнее письмо солдата, написанное им тётё Елене Семёновне Зайцевой за 17 дней до своей гибели:

«11.04.45. Здравствуй, Лена! Лена, в первых строках моего письма я спешу передать свой чистый сердечный горячий фронтовой привет и пожелать тебе самых наилучших пожеланий в твоей дальнейшей молодой жизни и работе. Во-вторых, сообщаю, что пока жив и здоров. Нахожусь недалеко от Берлина, на германской территории на реке Одер.

Знаешь, Лена, скучно потому, что не получаю писем и не знаю, какие у вас новости. А так климатические условия хорошие, стоит тёплая солнечная погода, вербы цветут, берёзы уже скоро покроются листвой. Всё живет и оживает, как всегда.

Лена, сама знаешь что скоро, 15 апреля, будет в Сан-Франциско конференция, и обязанность бойцов Красной Армии водрузить Знамя Победы над Берлином.

Ещё прошу, Лена, передай привет от меня мамаше моей, Марусе и Зое, а также своим родным. Напиши, где дядя Коля и что он пишет в своих письмах, как его здоровье.

Вот, Лена пока всё. До свидания. Шлю свой горячий фронтовой привет.

С приветом Ваня Трофимов».

На обороте письма адрес: «Брянская обл., ст. Дубровка, Салынская НСШ. Зайцевой Елене Семёновне». И штамп: «Проверено военной цензурой 12.04.45». Далее штамп полевой почты: «13.4.54. 37602 ч.».

Живые, подлинные слова, пришедшие к нам из тех далёких «сороковых, роковых», сегодня звучат с ещё большей силой.

Конец апреля 1945 года. Бои идут в пригородах Берлина. Шпандау. «28 апреля в бою под Берлином (за город Шпандау), – пишет матери Ивана Трофимова командир дивизии А.Н. Гервасиев, – Ваш сын подбил два бронетранспортёра, уничтожил двух офицеров, пленил 15 немцев. Геройски дрался в центре города и, оказавшись в окружении немцев, уничтожил своим огнём 7 фашистов, до последнего патрона дрался и геройски погиб смертью храбрых, но живым не сдался».

В наградном листе уточняются обстоятельства последнего боя Героя: «При овладении центром города Шпандау тов. Трофимов со своим пулемётом скрытно подобрался к пулемётной точке противника, мешающей продвижению наших подразделений, гранатой «Фауст» уничтожил её расчёт, захватил пулемёт. В этом же бою тов. Трофимов, будучи обнаруженным на огневой позиции, был окружён группой автоматчиков противника и геройски погиб на боевом посту, уничтожив огнём своего пулемёта гитлеровцев.

За стойкость, мужество, отвагу и дерзость в бою за овладение пригородными районами Берлина павший смертью героев за честь и независимость нашей Родины красноармеец Трофимов Иван Андреевич достоин присвоения звания Герой Советского Союза посмертно».

Наградной лист подписан командиром 93-го стрелкового Краснознамённого полка подполковником Махровым 1 мая 1945 года. Своё согласие на присвоения звания Героя моему деду дали командир 76-й стрелковой Ельненско-Варшавской Краснознамённой ордена Суворова дивизии полковник Гервасиев, командир 125-го стрелкового корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант Андреев, командующий войсками 47-й армии Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант Пер-

хорович и член Военного совета 47-й армии генерал-майор Королёв.

Моя бабушка бережно хранит последний, самый дорогой для неё документ о родном брате – Почётную Грамоту Героя Советского Союза на имя Трофимова Ивана Андреевича. В ней записано: «За Ваш героический подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 31 мая 1945 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза (посмертно). Москва, Кремль, 23 мая 1946 года № 10623.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.Шверник.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Горкин».

Мать И.А. Трофимова Мария Семёновна и его жена Мария Степановна (урождённая Гапонова) (Трофимов женился перед уходом на фронт, надеясь на то, что оставит потомство, которое продолжит род Трофимовых, но не случилось. После гибели мужа М.С. Трофимова вскоре вновь вышла замуж. Жила в Жуковке, в Белых Берегах. Умерла несколько лет назад.) получили похорожки на сына и мужа.

Долгое время мать Героя не верила в его смерть и сомневалась, что её сыну могли присвоить звание Героя посмертно. Она 12 июня 1945 года написала письмо в наградной отдел: «Я, Трофимова Мария Семёновна, прошу рассмотреть настоящее мое заявление и удовлетворить мою просьбу. Просьба моя состоит в следующем: мой сын Трофимов Иван Андреевич взят в армию в 1943 году и 26 апреля 1945 года погиб под Берлином, на что я получила документ за 24 мая в Дубровском райвоенкомате. Получила также письмо и благодарность Сталина, а второго июня в газете был помещён Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза. В этом списке, которым присвоено звание Героя Советского Союза, я нашла такие же инициалы, как и у моего сына, т.е. Трофимов Иван Андреевич. Так вот теперь сомнительно, это мой сын, или есть другой Трофимов Иван Андреевич, или, может быть, ему мёртвому присвоили звание Героя Советского Союза. Так вот моя просьба и заключается в том, чтобы Вы мне сообщили

точный адрес этого красноармейца Трофимова Ивана Андреевича...».

Далее написано другими чернилами: «Посмертно звание Героя Советского Союза Трофимову Ивану Андреевичу, 1925 года рождения (путаница с годом рождения, видимо, произошла при призыве на фронт. Истинная дата рождения Трофимова И.А. – 19.09.1924), б-п, рус., к-ц, пулемётчик, 93 сп 76 сд. Указ от 31.05.45. Погиб 28.04.45 г. 1 БФ. Брянская область, Дубровский район, дер. Немерь. 26.09.45. Подпись».

Память о моём дедушке Герое Советского Союза Иване Андреевиче Трофимове, рядовом бойце, солдате Великой Отечественной войны жива не только в нашей семье, но и на его малой родине. В центре деревни Немерь стоит памятник жителям деревни, погибшим в годы войны. Золотыми буквами на нём выбито и имя Ивана Андреевича Трофимова. Таким же золотым тиснением сияет имя Героя на мемориале Славы в районном центре Дубровка.

На здании Дубровской средней школы №1, где учился Иван Трофимов, 5 мая 2005 года открыта мемориальная доска. На ней написаны имена четырёх Героев Советского Союза – воспитанников школы, в том числе и имя моего деда Ивана Андреевича Трофимова. Имя Героя внесено в Книгу Памяти школы.

В III томе Книги Памяти Брянской области есть запись о героической гибели И.А. Трофимова: «Трофимов Иван Андреевич, рядовой, 1925 г.р., д. Немерь, русский. Призван Дубровским РВК, 93 сп 76 сд 47А. Погиб в бою 28.04.1945. Похоронен в г. Берлине. Награждён: орденом Ленина. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 (посмертно)». Названо его имя и в XI (дополнительном) томе Книги Памяти. А в XII заключительном томе Книги Памяти помещён краткий биографический очерк. Его краткая биография имеется также в академическом двухтомнике «Герои Советского Союза». Очерк о Герое Советского Союза И.А. Трофимове имеется в книге «Золотые звезды Брянщины», не раз о подвиге Ивана Трофимова писала дубровская районная газета «Знамя труда».

А недавно я нашла имя моего деда и документ о его гибели в Интернете на сайте Министерства обороны РФ

<http://www.obd-memorial.ru>, в обобщённом компьютерном банке данных, содержащем информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны: «Трофимов Иван Андреевич, 1924 г.р., Брянская обл., ст. Дубровка. Призван 20.09.1943 Дубровским РВК. 76 сд. Красноармеец. Убит 26.04.1945. ЦАМО, ф. 58, оп. 18003, д. 801». (Выяснить путаницу с датой гибели Трофимова: в одних источниках – 26 апреля 1945 года, в других – 28 апреля 1945 года, не удалось). На другом сайте Министерства обороны РФ «Подвиг народа» выложен наградной лист И.А. Трофимова на присвоение ему звания Героя Советского Союза.

Примечания

Статья написана по материалам семейного архива Трофимовых-Зайцевых-Коваленковых-Ефремовых.

Личный фонд К.Ф. Фирсанова в Государственном Архиве Самарской области

Кукатов Андрей Владимирович,

историк, краевед
(г. Брянск)

Одним из перспективных источников, важных для разработки различных тем, в том числе истории партизанского движения на Брянщине, являются фонды личных архивов участников событий. Одними из самых информированных людей по вопросу создания, начала деятельности и функционирования партизанских отрядов и подполья на территории нашего региона были работники Управления НКВД по Орловской области. Начальником этого Управления был капитан госбезопасности Кондратий Филиппович Фирсанов. Кроме того, Кондратий Филиппович стал первым начальником УНКВД-УМВД по Брянской области с июля 1944 г. по 31 мая 1949 г. [1] После то-

го, как генерал-майор Фирсанов в феврале 1954 года был снят с должности министра внутренних дел Башкирской АССР «за допущенные серьезные ошибки в руководстве органами МВД республики», он был назначен заместителем начальника Кунеевского ИТЛ, который находился в Куйбышевской области. С того времени жизнь Фирсанова была связана с этим регионом. Ещё два года он находился на службе, работая заместителем начальника УИТК УМВД Куйбышевской области. А с 1960 года Кондратий Филиппович Фирсанов был уволен в запас. Проживал в городе Куйбышеве. Прожил до 1993 года и скончался в 90 лет уже в городе Самаре, которой было возвращено историческое название за два года до смерти Кондратия Филипповича Фирсанова.

Ещё в 1977 году им были переданы в Государственный архив Куйбышевской области материалы личного архива, которые сегодня составляют 242 единицы хранения фонда Р-5016 Центрального Государственного Архива Самарской области (ЦГАСО). Большинство материалов, хранящихся в этом фонде, имеют отношение к истории Брянской области и, безусловно, заслуживают внимания брянских исследователей.

Узнав через Интернет о том, что в Самаре хранится такой фонд, автору, занимавшемуся в тот момент времени темой нелегальных организаций, действовавших во время оккупации в городах Брянске и Орджоникидзеграде, показалось уместным и полезным ознакомиться с вышеозначенным фондом. Хотелось бы в положительном смысле отметить интернет-сайт ЦГАСО, который позволил не только ознакомиться с содержанием фонда, но и отправить заявку на работу в архиве, получить положительное заключение и – самое главное – удалённо осуществить заказ интересующих дел. Таким образом, к приезду в Самару заказанные дела уже дожидались исследователя в читальном зале. Конечно, хотелось бы отметить и работников архива, которые своей оперативностью и благожелательностью помогли продуктивно провести работу в читальном зале Самарского архива.

Ознакомившись, практически полностью, с фондом Р-5016, представляется возможным дать его краткий обзор. Прежде всего, хотелось бы отметить, что биографии работников НКВД зачастую охватывают лишь их военный и послевоенный

период. Материалы фонда включают в себя автобиографию Фирсанова, а также его трудовой список.

Из этих документов мы узнаём, что трудовую деятельность Кондратий Филиппович Фирсанов начал в крестьянском хозяйстве отца, а в 1920 году поступил на работу монтером телефонно-телеграфной линии в Скопинском узле связи. В 1922 году он уехал в Ярцево Смоленской губернии и работал там чернорабочим на строительстве Первомайского железнодорожного посёлка. С 1924 по 1926 гг. проходил службу в рядах РККА. А, демобилизовавшись, вернулся домой и устроился на работу в Скопинский уездный финансовый отдел (УФО) на должность налогового агента по 18 участку. Затем в течение 4-х лет молодой сотрудник получал повышения, последовательно став помощником налогового инспектора, налоговым инспектором, заведующим Спасским РайФО, а затем заведующим Епифанским РайФО Московской области [2]. Таким образом, к 1937 году страна знала скромного 35-летнего финансиста райфинотдела Фирсанова. Его последующий взлёт, причём в сфере, которой он до этого совершенно не касался, безусловно, характерен для судеб периода Большого террора, когда целые пласты руководителей шли под нож, а им на смену приходили люди из кадрового резерва второго и даже третьего уровня.

В бумагах Фирсанова никак не отражены его переживания этого периода, но можно себе их представить, если узнать, что с мая 1937 года он становится вторым секретарём Епифанского райкома партии, а с октября 1937 года – первым секретарём этого же райкома ВКП(б). Но ещё более ошеломительным выглядит следующий скачок в карьере Фирсанова: в декабре 1938 года он направляется на курсы руководящих работников при Центральной школе НКВД СССР, а уже 17 января 1939 года получает звание капитана госбезопасности и назначается начальником УНКВД по Орловской области. Кондратий Филиппович сменил на этом посту Пинхуса Шоломовича Симановского, одного из основных исполнителей и организаторов массовых репрессий на территории Орловской области, арестованного 13 января, то есть за 4 дня до назначения Фирсанова. На этой должности Кондратий Филиппович оставался в течение чуть более двух лет. Затем в феврале 1941 года было произведено известное разделение наркомата внутренних дел на два наркомата: НКВД и НКГБ. После этого разделения Фирсанов

стал исполнять обязанности начальника УНКГБ по Орловской области (обязанности начальника УНКВД в это время выполнял Сапронов Николай Фёдорович). Однако после начала войны, уже в июле 1941 года, произошло слияние наркоматов, и начальником нового объединенного УНКВД по Орловской области вновь стал Кондратий Филиппович Фирсанов.

Конечно, начальный период войны – время, которое до сих пор таит в себе достаточное количество так называемых «белых» пятен. В документах фонда Р-5016 мы можем найти достаточно много интересных подробностей этого периода. Особенный интерес представляют документы по поводу создания на Брянщине истребительных батальонов.

Как известно, уже 23 июня 1941 года Орловский обком ВКП(б) рассылает секретарям горкомов и райкомов партии директивное письмо №861-с, в котором предписывает «немедленно развернуть обучение населения по противовоздушной и химической обороне. Создать в каждом колхозе, совхозе, МТС, предприятии, учреждении, школе, учебном заведении и жилых домах городов группы самозащиты, посты ПВХО, санитарные посты и посты службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), установив круглосуточное дежурство... для получения немедленной информации о происшествиях и появлении самолётов противника... Организовать в каждом населённом пункте из числа коммунистов, комсомольцев и беспартийных боевые дружины по борьбе с воздушными и парашютными десантами, уничтожая их на месте» [3]. А 25 июня 1941 года секретарь Орловского обкома Бойцов и командующий ОрВО Тюрин обратились в Москву с просьбой «распространить действие Постановления Совнаркома от 24 июня о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника на Орловскую и Курскую области» [4]. Эта просьба была удовлетворена, и на территории Орловской области началось формирование истребительных батальонов.

Мы знаем, что практическую работу по созданию истребительных батальонов вели органы НКВД, поэтому уместно вспомнить, что начальником Брянского горотдела НКВД был Суровягин Василий Иванович, а начальником Орджоникидзградского горотдела решением Бюро Орловского обкома ВКП(б) 3 июля 1941 года был назначен Бородавкин Владимир Иванович [5]. Согласно же книги брянских чекистов «Всегда на

боевом посту» начальником Орджоникидзеградского горотдела был В.А. Костин [6].

Как мы выяснили, работа по созданию и функционированию истребительных батальонов велась органами НКВД на основании Постановления СНК СССР от 24 июня 1941 года. Начальник управления НКВД по Орловской области Фирсанов К.Ф. в своих мемуарах писал о том, что «при Орловском управлении НКВД был создан штаб по формированию истребительных батальонов и руководству ими. Во главе штаба стали майоры Н.М. Масанов и М.А. Забельский. В короткий срок при активном содействии райкомов и горкомов ВКП(б) было создано 75 истребительных батальонов» [7]. В архивном же документе Фирсанов добавляет, что командирами истребительных батальонов назначались «сотрудники НКВД, комиссарами – партийные работники...» [8].

В их числе были и истребительные батальоны Брянска и Орджоникидзеграда. К сожалению, деятельность городских истребительных батальонов освещается по большей части в документах, которые хранятся в архиве Управления ФСБ по Брянской области, и доступа к ним на сегодняшний день у исследователей нет. Поэтому даже в вопросе установления личностей командиров батальонов на сегодняшний день существуют противоречия.

В книге «На боевом посту», одним из соавторов которой являлся руководитель областного управления КГБ М.О. Тарджиманов, указывается, что «командирами брянских батальонов были назначены: городского – заместитель начальника горотдела НКВД младший лейтенант госбезопасности Филипп Алексеевич Садовников..., командиром Бежицкого батальона стал заместитель начальника горотдела НКВД В.И. Бородавкин» [9]. С учетом того, что, как правило, руководителями истребительных батальонов назначались заместители начальников отделов НКВД по связям с милицией, данные назначения, скорее всего, и состоялись вскоре после 25 июня 1941 года.

Однако современный московский исследователь В.Н. Кучер указывает в своей работе, специально посвященной бежицким партизанам, что первым командиром Орджоникидзеградского истребительного батальона был В.А. Костин, «сотрудник городского отдела НКВД, вскоре получивший новое назначение, а комиссаром был Лемешев, который через месяц

был смещён с должности за несанкционированное применение оружия. Вот тогда-то и появились в истребительном батальоне А.И. Виноградов, а ещё раньше комиссаром был назначен П.А. Рыжков» [10].

Выше мы отмечали, что 3 июля 1941 года решением Бюро Орловского обкома ВКП(б) Бородавкин Владимир Иванович был назначен начальником Орджоникидзеградского горотдела НКВД. Таким образом, если он к тому времени занимал должность командира истребительного батальона (который, конечно, ещё не был сформирован к тому времени), то в связи с новым назначением он должен был быть освобождён от обязанностей командира батальона и на его место должен был быть назначен новый сотрудник. Возможно, им и стал В.А. Костин, упоминаемый Кучером, а после этого могло состояться назначение Костина начальником горотдела (о котором мы писали выше), а затем уже командиром батальона стал А.И. Виноградов.

Дополним, что в 1975 году бывший начальник Управления НКВД по Орловской области Фирсанов обратился в ИЦ при УВД Орловского облисполкома с просьбой уточнить персоналии лиц, назначенных начальниками истребительных батальонов. Ответ старшего архивариуса Л.Д. Трофимовой позволяет нам узнать точную дату приказа о создании истребительных батальонов в Орловской области – 27 июня 1941 года. То есть, просьба секретаря Орловского обкома Бойцова и командующего ОрВО Тюрина от 25 июня 1941 года о распространении постановления от 24 июня на Орловскую область была удовлетворена в кратчайшие сроки. Наконец, в ответе Трофимовой указываются два начальника истребительных батальонов по городу Орджоникидзеграду: ст. лейтенант милиции Бородавкин Владимир Иванович (зам. начальника горотдела) и лейтенант милиции Кошелев Пётр Григорьевич (политрук горотдела) [11]. Кроме того, нам известен фрагмент протокола заседания Бюро Орджоникидзеградского горкома ВКП(б) от 27.06.1941 года, где предписывалось «Всю работу по организации батальонов закончить к 29 июня 1941 года. Командиром батальонов назначить тов. Бородавкина» [12].

По брянскому истребительному батальону также нет однозначной информации по вопросу о том, кто его возглавлял. Ответ Трофимовой Фирсанову подтверждает уже процитированные сведения авторов книги «На боевом посту» в части того,

что командиром Брянского городского истребительного батальона был младший лейтенант госбезопасности Садовников Филипп Алексеевич (заместитель начальника Брянского горотдела НКВД). Но кроме него командиром батальона по городу Брянску указан лейтенант госбезопасности Трамбицкий Степан Агапеевич... (начальник Брянского райотделения НКВД) [13], а в книге Тарджиманова и соавторов он назван командиром брянского сельского истребительного батальона [14]. Ошибка архивариуса Трофимовой? Может быть. Ведь по должности Трамбицкий, вроде бы, должен был занять должность именно в районе, а не в городе. Но именно лейтенант госбезопасности Трамбицкий 10 июля 1941 года подписал документ о выдаче «секретарю Брянского горкома ВКП(б) Кравцову Д.Е. револьвера системы «наган» во временное пользование» [15]. Плюс к тому в ответе Трофимовой отдельно называется и командир Брянского сельского истребительного батальона – Жуков Фёдор Емельянович... (политрук Брянского горотдела НКВД) [16].

Свидетельства очевидцев, мемуары также не вносят ясности в этот вопрос. Боец Брянского истребительного батальона с конца августа 1941 года Виктор Аверьянов уверен, что командиром его истребительного батальона в августе-октябре 1941 года был Хазанович и не вспоминает командира по фамилии Садовников: «Командиром нашего истребительного батальона был Хазанович. Он был гражданский, но с орденом Красного Знамени... Никакого Садовникова я не помню, такого не было» [17]. Очевидно, что в руководстве батальонами происходили изменения и окончательно установить факты по данному вопросу можно только после изучения архивных документов из фондов архива Брянского областного Управления ФСБ.

Другим интересным моментом начального периода войны является создание и функционирование Орловской «школы пожарников» – как конспиративно называлась школа диверсантов и её Белобережского филиала. Фрагмент воспоминаний Фирсанова о создании этой школы и о назначении на должность директора Ивана Никифоровича Ларичева получился очень ярким: «Ларичева вызвали к секретарю Орловского обкома ВКП(б) тов. Бойцову. Шёл к начальству привычно: в партийном аппарате проработал не год и не два...

– Как Вы смотрите, Иван Никифорович, если пошлём

Вас начальником школы пожарников?

Всего мог ожидать опытный партийный работник, но только не такого предложения. Даже рот открыл от изумления.

– Учебную часть поручим Георгию Михайловичу Брянцеву. Вы его, надеюсь, знаете?

Удивление Ларичева сменилось озабоченностью: это что же за школа, где учить станет сотрудник госбезопасности.

– Оперативную часть отдадим Дмитрию Иосифовичу Белякову. Не так ли, товарищ Фирсанов? – обратился секретарь обкома ко мне.

Теперь уже Ларичев понимал, что "школа пожарников" – название-шифровка...» [18].

Отдельный очерк посвящает Фирсанов привлечению военнослужащих венгерской армии в партизанские отряды [19]. Тема участия венгерских войск в антипартизанских операциях на территории Брянской области является слабо освещённой в современной историографии. Единственными работами, которые научно рассматривают данный вопрос, являются работы венгерского историка Кристиана Унгвари, базирующиеся на венгерских и немецких архивных материалах. Однако хотелось бы ввести в научный оборот по данной тематике ещё и сведения из советских архивов. Исследования, которые сравнивали бы данные из разных архивов, могли бы быть очень интересными. В этой связи деятельность героев очерка Фирсанова Ласло Неваи и Пала Фельдеша представляет несомненный интерес.

Часть фонда составляют письма военного времени, полученные Фирсановым от своих подчинённых, действовавших в немецком тылу. Эти письма могут послужить дополнительным источником по истории партизанского движения на Брянщине. Например, крайне интересно письмо сотрудника Орловского УКВД Месропова о его деятельности в тылу врага. Из этого отчёта мы можем узнать об оценке изнутри результатов июньской антипартизанской операции противника «Vogelsang» («Птичье пение»), которую Месропов называет «трагедией в Дятьковском районе». В письме можно ощутить трудности перехода из северного массива в южный, который были вынуждены совершить партизаны для того, чтобы оторваться от противника: «Мы сделали более 200 км по болотам, лесным трощобам и т.д... Бойцы, которые были со мной (5 чел. из отряда тов. Ромашина),

испугавшись трудностей, дезертировали, оставив меня с небольшой группой людей» [20].

Значительную часть фонда составляет переписка Кондратия Филипповича Фирсанова с издательствами по поводу, как издания собственной книги, так и сочинений других авторов. Достаточно часто Фирсанов брался за перо, будучи не согласен с трактовкой тех или иных эпизодов. Так, в письме директору Политиздата Тропкину содержались критические замечания Фирсанова на очерк Мартынова М.М. «Это было в Орле». Думается, что с данными замечаниями крайне интересно было бы ознакомиться как орловским краеведам, так и всем исследователям, занимающимся проблематикой функционирования городского подполья в годы войны.

Автор очерка Мартынов перечислил ряд сотрудников местного орловского самоуправления: Шалимов А.А. – бургомистр Орла, Ставицкий П.Л. – главный полицмейстер Орла, Головки В.И. – главный полицмейстер (после Ставицкого), Мячин П.К. – начальник полиции Орловского уезда, Языков Д.М. – заместитель начальника русской тайной сыскальной полиции г. Орла... и указал, что «...собраны данные... которые свидетельствуют о том, что они являлись советскими патриотами-подпольщиками».

Фирсанов не согласился с таким выводом: «Кем, когда, где собраны данные, что они являлись патриотами-подпольщиками, автор умалчивает, кто вынес заключение о признании их подпольщиками, автор держит в секрете... Перед войной и в годы ВОВ я работал начальником управления НКГБ-НКВД по Орловской области... являлся членом бюро Орловского обкома ВКП(б), практически занимался вопросами организации партизанского и подпольного движения в Орловской области в её довоенных границах, и утверждаю, что как в период оккупации г. Орла, так и после его освобождения, каких-либо материалов, в какой-то степени подтверждавших, что эти лица были советскими патриотами-подпольщиками, не было собрано. В г. Орле действовало несколько патриотических групп и организаций, и ни с одной из них никто из этой пятерки лиц не имел никаких связей. Наоборот, имеется немало фактов примеров, подтверждающих, что вся эта пятерка лиц, добросовестно служили немцам в ущерб советскому народу» [21]. Фирсанов при-

водит ряд конкретных эпизодов, рассматривает ситуацию с убийством Языкова и резюмирует: «Мне представляется, что составитель сборника «Герои подполья» В.Е. Быстров и редактор Е.Н. Политов с лёгкостью подошли к вопросу опубликования в столь важном сборнике алиби Мартынова группе лиц, занимавших высокие посты в органах оккупационной власти и карательных органах» [22].

В материалах этого же дела содержится мнение Фирсанова о знаменитом деле «Ревкома» – подпольной организации в Орле, которую и сегодня одни считают реально действовавшей подпольной организацией советских патриотов, а другие – ловушкой спецслужб противника, предназначенной для выявления и уничтожения советских патриотов. Фирсанов – безусловный сторонник второй точки зрения, и его точка зрения выражена так: «Падкий на открытия подпольщиков Мартынов эту фашистскую ловушку «Ревком» и представил читателям как настоящую массовую подпольную организацию с централизованным руководством города Орла, отметив лишь, что Ревком провалил сибирский кулак, втёршийся в доверие Ревкома. Такое представление в печати фашистской ловушки как настоящей подпольной организации считаю неправильным и недопустимым...» [23].

Часть материалов фонда касается деятельности Фирсанова на посту начальника УНКВД-УМВД по Брянской области с июля 1944 года по 31 мая 1949 года. Особенно интересными представляются фрагменты, касающиеся борьбы с так называемой «Зеленой армией» Роздымахи и братьев Козиных. Сегодня одни исследователи считают это движение повстанческим, другие – чисто криминальным. Фирсанов, конечно, придерживается второй точки зрения, однако, описывает противника так: «Собралось до сотни полицейских, бандитов и власовского отребья, изменников Родины» [24]. Называет Фирсанов имена лидеров этих отрядов: Войтенков, Дударек, Землянко, Насырин, Казан и другие [25].

Часть переписки Фирсанова касается того, что его собственную роль в создании партизанского и подпольного движения на Брянщине ставили под сомнение, несмотря на то, что сам пост, который он занимал в тот период времени, предопределял его деятельность в этом направлении. Тем не менее, в 1979 году

Кондратий Филиппович вынужден писать вот такое письмо первому секретарю Орловского обкома КПСС Мешкову Ф.С.: «...Но вот прошли годы и отдельные работники Орловского обкома партии решили зачеркнуть эту мою активную работу. Вопреки неоспоримым фактам и здравому смыслу отрицают моё участие в организации партизанского движения. Так, заместитель зав. отделом агитации и пропаганды обкома т. Фефелов, вопреки общеизвестной истине... в апреле 1977 года написал: "К.Ф. Фирсанов не мог написать о партизанском движении на основе своего личного опыта, т.к. он не был ни участником этого движения, ни тем более одним из его организаторов"» [26].

Представляет интерес стенограмма беседы научного сотрудника Комиссии по истории ВОВ капитана Белецкого П.И. с Фирсановым К.Ф. [27]. В данной беседе вновь затрагиваются различные моменты, как начального периода войны, так и последующих событий.

В фонде содержится неопубликованная книга Фирсанова, которая посвящена деятельности Орловского УНКВД во время войны.

Интересны фотоматериалы, содержащиеся в фонде. Некоторые из них уже используются исследователями: так, например, фотокопия удостоверения сотрудника НКВД Левина Арона Яковлевича позволила установить личность того самого Арона Яковлевича, который упоминается в недавно обнаруженном в Германии дневнике Валентины Сафроновой.

В целом же необходимо сказать, что фонд Фирсанова весьма насыщен интересными источниками, и представляется полезным написание дипломных работ с использованием данного фонда студентами исторических факультетов Брянска и Орла.

Примечания

1. *Петров, Н.В., Скоркин, К.В.* Кто руководил НКВД. 1934-1941. – М., 1999.
2. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 36. Л. 3-5.
3. ГАОО. Фонд П-52. Оп. 2. Д. 38. Л. 7-8.
4. ГАОО. Фонд П-52. Оп. 2. Д. 68. Л. 6.
5. ГАОО. Фонд П-52. Оп. 2. Д. 12. Л. 156.
6. *Тарджиманов, М.О., Шахов, В.Н., Дунаев, Ф.П.* Всегда на боевом посту. – Тула, 1985. – С. 172.

7. *Фирсанов, К.Ф.* Так воевали чекисты. – М., 1973. – С. 11-13.
8. ЦГАСО. Ф.Р-5016. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
9. *Тарджиманов, М.О., Шахов, В.Н., Дунаев, Ф.П.* Всегда на боевом посту. – Тула, 1985. – С. 73.
10. *Кучер, В.Н.* Партизаны Брянщины: мифы и реальность. На примере города Орджоникидзеграда (Бежицы). 1941-1943. – М., 2012. – С. 48.
11. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
12. ЦНИБО. Ф. 59. Д. 117. Л. 202.
13. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
14. *Тарджиманов, М.О., Шахов, В.Н., Дунаев, Ф.П.* Всегда на боевом посту. – Тула, 1985. – С. 73.
15. ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 297. Л. 181.
16. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
17. Личный Архив Автора (ЛАА). Беседа с В.В. Аверьяновым от 23.10.2010 г. Л. 2.
18. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.
19. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 2. Л. 27-43.
20. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 31. Л. 16-21.
21. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 27. Л. 2-3.
22. Там же. Л. 11.
23. Там же. Л. 13-16.
24. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 2. Д. 5. Л. 12.
25. Там же. Л. 14.
26. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 2. Д. 13. Л. 106.
27. ЦГАСО. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 46. Л. 1-8.

По горячим следам боёв. Рукописные издания партизан

Мехедов Владимир Дмитриевич,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории,
политологии и социологии Брянского
государственного университета
им. акад. И.Г. Петровского (г. Брянск)

На одной из наших прошлых конференций отмечалось, что в Брянском партизанском крае издавалось машинопечатным и типографским способом более 20 газет, несколько информационных бюллетеней, большое количество листовок, «боевых листков». Описывалось кратко их содержание, рассматривалась роль печати в поддержке боевого духа партизан, веры в победу.

Значительная часть типографских партизанских изданий, несмотря на огромные опасности, которые испытывали патриоты при их распространении и хранении, попала в архивы, музеи. Пожелтевшие от времени, изрядно потрёпанные, они стали бесценными документами военной поры, показывающими, с каким героизмом и мужеством воевало с захватчиками бывшее мирное население.

Но мы очень мало знаем об одной из разновидностей партизанских изданий, которые в мирной жизни называют стеной печатью. Стенными газетами их можно назвать лишь условно, т.к. вывешивались они на различных приспособлениях, похожих на щиты, на стволах деревьев и т.д., а нередко просто передавались из рук в руки. Это не только рукописные «боевые листки» газеты, но даже журналы, плакаты...

В архивах их сохранилось очень мало, хотя издавалось много, в том числе в небольших партизанских подразделениях. Это были издания для внутреннего пользования, их запрещалось распространять за пределы отрядов, они приравнивались к секретным документам, т.к. содержали конкретные сведения о жизни партизан. Однако хранить и накапливать их было сложнее, чем обычные документы, поэтому в архивы попадала лишь небольшая часть изданий.

Готовились газеты и листки по поручению политруков, комиссаров или командиров самими партизанами, нередко по их собственной инициативе, художественное оформление и редакторство брали на себя более способные к творчеству и грамотные. Некоторые из них потом становились авторами и участниками типографских изданий.

В рукописной печати нередко в подробностях отражалась не только боевая жизнь, но и быт партизан. Большое место занимала тема воспитания сознательной дисциплины, организованности, боевой подготовки. Пропагандировался опыт наиболее умелых бойцов, на конкретных примерах показывались отвага, мужество храбрейших и в то же время содержалось немало критики в адрес тех, кто допускал проступки, недисциплинированность...

Рукописная печать выпускалась регулярно (за редким исключением) в каждом отряде. В подразделениях Суземского района, например, за 1942 год было выпущено 46 таких газет и 79 «листочков». В Брянском городском отряде имени Кравцова только за июль-август того же года вышло в первой роте – 13, во второй – 12, в третьей – 16 экземпляров [1]. В объединённых отрядах западных районов, как явствует из сентябрьского отчета комиссара А. Бондаренко, рукописные издания выпускались постоянно, в месяц выходило до 70 газет и более 140 «листочков» [2].

Небольшое количество партизанских рукописных газет и листовок удалось обнаружить в Брянском архиве и значительное – в Центральном архиве ВЛКСМ. Они попали туда после выставки «стенной» партизанской печати, устроенной ЦК ВЛКСМ в конце Великой Отечественной войны. Не указано, где и в каких формированиях выпускались те или иные газеты. Однако по названиям населённых пунктов, содержащимся в заметках, по фамилиям командиров, а также благодаря расшифровке названий партизанских формирований удалось выявить среди других газеты, выпускавшиеся на Брянщине.

Например, под заголовком газеты «За Родину» подписано: орган партийно-комсомольской организации I к.п. бригады. Оказалось, это издание Первой Клетнянской партизанской бригады. Номер представляет собой большой, красочно оформленный лист с заголовком на фоне рисунка, отражающего боевые

будни народных мстителей: партизаны пустили под откос вражеский поезд и забрасывают его гранатами, бьют по разбегающимся гитлеровцам из пулемётов и автоматов. Передовая посвящена Первомаю 1943 года. Несколько заметок рассказывают о партизанах, отличившихся в боях, тут же критикуются те, кому надо «как следует поработать над собой» [3].

Ещё красочнее и содержательнее газета «Красный партизан» второго батальона Третьей стрелковой партизанской дивизии, переименованной затем в Рогнединскую партизанскую бригаду. (Под заголовками в первых её номерах значится: 2-й батальон, 3-й С.П.Д., а в последних – 2-й батальон Р.П.Б.). В ней ярко выполнены рисунки, разнообразная тематика. Немало заметок о партизанах, отличившихся в конкретных боевых эпизодах, в партийно-комсомольской работе, стихов, сатиры... В номере третьем газеты рассказывается, как партизаны прогнали оккупантов из колхоза «Революция», как батальон заботится о пополнении своих рядов достойными молодыми бойцами. В заметке «На чеку» с рисунком чутко стоящего на посту партизана, говорится о необходимости быть особенно строгими и бдительными в карауле.

В заметках этого издания и других есть и конкретные замечания партизанам по этому поводу. Например, в «боевом листке» партизанского подразделения Павленко укоряется боец Щербаков за то, что в карауле развёл костёр, чтобы сушить сапоги.

В газетах «За Родину», «Красный партизан» опубликованы заметки «Приведите себя в порядок» (о бойцах, у которых «хромает дисциплина», проявляется грубость в общении с местным населением с пофамильным перечислением); «Плохие поступки» – с подобными замечаниями конкретным членам отрядов; об «охотниках» поживиться у населения табаком и спиртным; о трусости одного из партизан и т.п. А рядом публикуются рассказы о примерных бойцах. В заметке газеты «За Родину» №5 «Быть такими» в пример ставятся Илья Казаков, Алексей Борисов и другие – за то, что «не страшатся» в боях, ответственно выполняют задания, добросовестны, аккуратны...

Мартовский 1943 года номер «Красного партизана» целиком посвящен бойцам отряда – женщинам. Его украшают рисунок партизанки с автоматом, карандашный портрет девушки

Любови Петуховой, являвшейся примером в несении караульной службы и во владении оружием. Привлекает внимание рассказ «Сестра» – о медсестре Марусе Дмитриевой, которая спасла в бою командира и многих партизан и ухаживает за ранеными «бережно и ласково, как мать за своими детьми». В заметке «Моя работа» партизанка А. Бондарева рассказывает, как она до вступления в отряд помогала партизанам добывать сведения о врагах, проникала в немецкий гарнизон, распространяла листовки, как ей удалось выгащить ценные документы из портфеля немецкого офицера, а вместо них вложить листовки [4].

Отличались разнообразием содержания, умелым оформлением рукописные газеты отряда «За Родину» с названием «Патриот» и отряда под командованием Ф.С. Данченкова – «Партизанская правда».

В Рогнединской партизанской бригаде кроме газеты выпускался и рукописный журнал, в котором помещались пространные очерки о партизанах, статьи с подробным описанием боевых операций, с анализом партийно-политической работы, материалы об экономическом положении в оккупированных районах, о фашистском оккупационном режиме, гитлеровской пропаганде и т.д. [5]

На одной из страниц книги И.И. Ильиных «Шестьсот дней и ночей в тылу врага» упоминается имя Павла Саворенко, пулемётчика. Автор пишет, что владел он не только пулемётом, но и другим оружием – пером и карандашом.

Удалось встретиться с бывшим партизаном клинчанином Павлом Михайловичем Саворенко, который стал жителем Москвы. Он вспоминал: «Почему-то и командир, и другие мои боевые товарищи чаще напоминают мне не то, как мой пулемётный расчёт отбил в Летошниках у немцев станковый пулемёт, или как в Жудилове снимали с вышки фашистских автоматчиков, а то, что я писал в боевых листках и стенгазетах...».

Один из номеров стенной газеты «Патриот», выпускавшейся Павлом Саворенко в деревне Подузово, попал в руки немцев. Полицаи настойчиво и долго допытывались у населения, кто её редактировал. В селе все знали, что газету делали Саворенко и местный житель Степан Каршин. Однако никто не выдал их.

В архиве ЦК комсомола удалось найти несколько номеров «Патриота». В одном – заметка Саворенко с подписью: «Патриот П.С.». В ней призыв быть бдительными, постоянно держать наготове оружие. В этом же номере рассказ о 15-летнем бойце самообороны Мише Сердюкове. Он долго убеждал командование отряда, чтобы ему дали задание – доставить в Подузово коменданта Жирятинской комендатуры. «Выпросил», наконец, себе такое задание, пошёл на него в ночь вместе с ещё одним парнем – Николаем Ивченко. Причём взял с собой мешок, так как был уверен, что притащит в нём коменданта. Ребята, конечно коменданта ночью не встретили, но по гарнизону ходили и принесли ценные сведения. Однако товарищи после этого шутили над Мишей: «Надо было мешок побольше сшить и соли прихватить». Партизан Николай Ивченко, написавший в защиту своего товарища заметку, заключал: «Каждый патриот считает своим долгом расплатиться с предателем, и рано или поздно комендант будет в мешке...».

В своих воспоминаниях П. Саворенко пишет: «В тяжёлые дни блокады летом 1942 года бойцы Подузовской самообороны отступили в лес. Голод, болезни, ранения... Настроение у людей неважное. И вот на обороте школьной карты снова появился яркий заголовок «Патриот», а под ним – заметки с заголовками-призывами «Выше голову, товарищ!», «Нытикам – бой», «Выдержим» и т.п. Это подняло боевой дух...».

В Мамаевском лесу, где Павел Саворенко стал пулемётчиком, ему пришлось тоже выпускать стенгазету, но уже с другим названием – «За Родину».

«Запомнился июль сорок третьего, вспоминает П.М. Саворенко. – Вошли в Мамаевку, пройдя километров 60. Не отдохнув, двинулись дальше. Я тащил пулемёт, пока не упал, потеряв сознание. Меня поместили на двуколку. И вскоре – бой. Напрягались изо всех сил. Мой пулемётный расчёт ворвался на станцию Жудилово, за нами – другие. Немцы не вынесли атаки, бежали. Оставили эшелоны с горючим, боеприпасами...

Кончился бой. Усталость – страшная. Руки ожёг о раскалённый пулемёт. Волдыри вскочили. Голова кружится. Но подсел ко мне комиссар Николай Иванович Борисов: «Срочно давай «Боевой листок!» Пока все отдыхали, я с Мартой Мельниковой подготовил «Боевой листок», посвящённый нашей Жудиловской

операции. В нём была заметка об Ольге Половинкиной, которая в боях спасала раненых, а на этот раз рвала рельсы. Взорвала 30 рельс. А бригада уничтожила всего 46 платформ с автомашинами, 9 цистерн с горючим и т.п. Читая «Боевой листок», люди словно забыли об усталости, радовались успеху операции» [6].

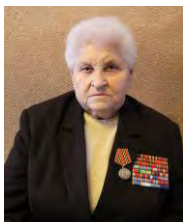
О действенности рукописной печати можно судить и по документам. Комиссар отряда имени Калинина Новиков в июле 1942 года сообщал политуправлению Брянского фронта: «Выпуск стенной газеты и «боевых листков» ещё больше поднял боевое настроение» [7]. Подобных донесений немало. В то же время, там, где стенная печать по каким-то причинам отсутствовала, нередко было хуже и с дисциплиной. Об этом свидетельствует докладная Петренко. Он отмечает, что до июня 1942 года в отряде им. Стрельца не выходили ни стенгазеты, ни «боевые листки», в то время как некоторые бойцы здесь нередко допускали нарушения дисциплины [8].

Можно сделать вывод: рукописная печать служила эффективным средством воспитания партизан в духе самоорганизованности и дисциплины, поднимала их дух и настроение. Этому способствовало то, что хотя содержание её, по сравнению с полиграфическими периодическими изданиями, было менее пафосным, зато показывало партизанскую жизнь на основе описания конкретных событий по горячим следам.

Источники

1. ГАБО. Ф. 1671. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.
2. Там же. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 172. Л. 7-9.
3. ЦА ВЛКСМ. Ф. 1 с. Оп. 2 с. Д. 51. Л. 5.
4. ЦА ВЛКСМ. Ф. 1 с. Оп. 2 с. Д. 47. Л. 87.
5. Там же. Ф. 1 с. Оп. 2 с. Д. 47. Лл. 62-79, 88-104.
6. Письмо хранится в личном архиве автора.
7. Там же. Д. 245. Л. 11.
8. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 2. Л. 199.

Жизнь прожить – не поле перейти. Страницы биографии старого учителя

Жукова Александра Терентьевна,
ветеран Великой Отечественной войны
и педагогического труда
(п. Дубровка, Брянская обл.)

Я отношусь к тому поколению людей, на долю которых выпало немало потрясений. Коллективизация и Голодомор в Украине, фашистская оккупация и жизнь в партизанском отряде, тяжёлое ранение и возвращение к жизни, работа в органах НКГБ и постоянный страх ареста, долгая педагогическая деятельность в провинции и в конце жизни – в период перестройки и постсоветской России – крушение идей, которые казались незыблемыми. Но сегодня, подводя итоги, я ни о чём не жалею, ничего не хочу изменить...

Родилась я в деревне Гаврилова Слобода Середино-Будского района Сумской области Украины 16 апреля 1926 года.

Отец, Терентий Павлович Жуков, был мастеровым, как и его отец. В деревне его все уважали. А мама, Мария Демидовна (урождённая Плужникова), работала в колхозе. Не чуралась никакого труда, любое дело в её руках спорилось.

Деревня у нас была большая и удивительно красивая. Множество садов, у каждого дома весной было такое мощное цветение! На горочке стояла небольшая, но очень красивая церковь. Река делила деревню на две половины. Мы жили на одном берегу, а семья моей бабушки – на другом.

В семье бабушки и деда было десять детей. Двое умерли в детстве. Старшей дочерью была моя мама, Мария, 1902 года рождения. Она окончила четырёхклассную церковно-приходскую школу с Похвальным листом. Дальше учиться, к сожалению, не пришлось. Зато все другие дети Плужниковых получили высшее или среднее специальное образование.

Два моих дяди, Константин и Максим, погибли в годы Великой Отечественной войны. Причём, старший лейтенант

Максим Демидович Плужников погиб в Германии 12 июня 1945 года, т.е. уже после Победы – долго ещё недобитые фашисты стреляли из всех щелей по нашим воинам-освободителям...

Мой дед, Демид Максимович Плужников, – мастеровой. Знатно делал корыта, кадки, бочки. Мог класть печи, шить сапоги. После уборки урожая он со своими сыновьями, зятьями и некоторыми односельчанами уходил на заработки на Брянщину. Моя бабушка, Екатерина Купреевна, вела домашнее хозяйство, работала в колхозе и возилась с внуками.

Детство моё совпало с периодом коллективизации. На него выпал и страшный Голодомор 1932-1933 гг. Помню, как ели крапиву, лебеду, корни трав, липовый лист. Каким спасением для нас был тогда лес с его грибами, ягодами и орехами! Как помогала выжить река, в которой выловили не только рыбу и раков, но и лягушек и головастика!

Я помню, как умирали мои односельчане, опухшие от голода. До этого времени я не знала, что от голода можно пухнуть. А тут увидела страшно опухших людей, у которых лопалась и кровоточила кожа.

На моих глазах умер соседский мальчишка. Перед смертью он просил свою мать дать ему хотя бы один маленький кусочек хлеба. Кто-то сжалился и вложил в его слабую ручонку сухую корочку. Съесть её он не успел. Он умер со счастливой улыбкой на губах, сжимая эту корочку хлеба в кулачке, разжать который после смерти ребенка так и не смогли. От голода умерли две моих двоюродных сестрёнки. С тех пор к хлебу отношусь с особым почтением, никому не позволяю выбрасывать ни кусочка.

И хотя, как мы знаем, с 7 августа 1932 года действовал Закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации», который вводил «в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социалистической защиты – расстрел с конфискацией всего имущества, и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества» («Закон о трёх колосках», как называли его в народе), были и отчаявшиеся при виде умирающих от голода детей «стригуны», «парикмахеры», «несуны»...

Ослабленные голодом колхозники часто были не в силах полностью убрать урожай с полей. Партийное руководство расценивало это как проявление открытого саботажа со стороны крестьянства и расширяло репрессии. Я помню, как исчез из деревни наш любимый учитель Иван Иванович Шульгин. Это был уже немолодой, очень уважаемый в народе человек. Он учил грамоте не только меня, но ещё и мою маму. После одного из колхозных собраний без каких-либо объяснений его забрали и увезли представители органов НКВД. Больше Шульгина мы не видели, о его судьбе ничего не знали.

В некоторых районах Украины в 1932-1933 гг. погибло от четверти до половины населения. Точное число жертв голода, до сих пор неизвестно...

Голод чудом пережили. Казалось, теперь нас ждёт счастливая пора. Я окончила семь классов – по тем временам солидное образование на селе. Мне исполнилось 15 лет. Впереди было много планов и надежд. Но началась Великая Отечественная война.

Как и все мои товарищи, я участвовала в строительстве оборонительных сооружений. Тяжёлый, каторжный труд, который, к сожалению, не дал ожидаемых результатов.

В лесах Сумщины действовали партизаны легендарного соединения под командованием Сидора Артемьевича Ковпака. Середино-Будский район Сумской области – это ворота из Брянских лесов в Украину. Фашисты хотели воспрепятствовать воссоединению брянских и украинских партизан и создать здесь заградительную зону. Поэтому в этот район посылали отборные фашистские дивизии, здесь было много мадьярских головорезов из 108-й пехотной дивизии, прочёсывали леса карательные отряды. Но уничтожить партизан они не могли.

В апреле 1942 года партизанам сбросили с самолёта рацию и радиостов. В ковпаковском соединении действовала типография, печатались сводки Совинформбюро, которые распространяли среди жителей ближайших сёл и хуторов. Немцы бомбили эти места с воздуха, обстреливали из дальней артиллерии, но открыто наступать боялись.

На всю жизнь в моей памяти остался первомайский митинг в ковпаковской столице Старой Гуте. В глубоком тылу врага в Международный день солидарности трудящихся 1 мая 1942

года партизаны проводили крупный митинг! Собралось много народу, пришли жители окружающих сёл и хуторов. Выступал Сидор Артемьевич Ковпак.

Удивительный был человек! Невысокий, бородка такая домашняя, клинышком. Добрые умные глаза с хитрецей. На первый взгляд даже трудно представить, что это – командир огромного партизанского соединения, человек очень решительный, собранный, целеустремленный. Человек большого личного мужества.

Жители нашей деревни Гаврилова Слобода ушли в лес, к партизанам. Селяне и до этого помогали партизанам. А когда мадьяры, немцы и полицаи стали проводить карательные операции, расстреливать людей, жечь дома, жители ушли в лес.

Гражданское население, ушедшее в лес, находилось в так называемых «цивильных лагерях». Наша семья была в Контотопском партизанском отряде. Мы, дети, помогали партизанам как могли: ходили в ближнюю разведку, помогали медикам, хоззводу (обшивать, обстирывать бойцов, работать на кухне), участвовали в заготовке продовольствия.

Не смотря на помощь местного населения, с продуктами питания в отряде было плохо. Годы войны опять принесли людям голод. Вновь ели мерзлую прошлогоднюю картошку, лепёшки из липы и лебеды. А соль была на вес золота.

В августе-сентябре 1942 года партизаны, готовясь к дальнему рейду, стали заготавливать продовольствие. Конечно, без нас не обходилась ни одна заготовительная операция. Мы тогда (по наивности) считали это чуть ли не самым безопасным делом. Как оказалось, напрасно...

26 августа во время уборки урожая у деревни Зелёный Гай начался бой. Нацисты и каратели пытались сорвать заготовку продовольствия и уничтожить партизан. В этом бою я была тяжело ранена в левую руку разрывной пулей.

Сегодня я с благодарностью вспоминаю, как меня, совсем ещё ребёнка, не бросили, не оставили в беде товарищи, на руках под огнём вынесли с поля боя. Пришла в себя уже в отряде. И первое, что увидела – склонившуюся ко мне и слабо улыбающуюся сквозь слёзы маму...

Около месяца я лечилась в партизанском госпитале. Вскоре всех раненых через реку Нерусса переправили в деревню Смелиж в Брянские леса на партизанский аэродром. Несколько

дней мы ждали появления наших самолётов. Но раньше прилетели немецкие. Аэродром сильно бомбили. Были раненые, убитые, значительно повреждена площадка. Пришлось ещё ждать, пока всё приведут в порядок. Наконец прилетели четыре машины и сели на обозначенную кострами взлётно-посадочную полосу. В спешке погрузили нас, тяжелораненых партизан. Потом стали забирать женщин и детей, так как для содержания «цивильных лагерей» у партизан, собирающихся в рейд, не было возможности. Желающих улететь на Большую землю было много. Самолёты были переполнены.

Перелёт стал ещё одним тяжким испытанием. При пересечении линии фронта самолёты были обстреляны немецкими зенитками, а потом ещё и атакованы вражескими истребителями. Один самолёт так и не долетел до базы на аэродроме в Момино. Что с ним произошло: был ли он сбит или совершил вынужденную посадку, я не знаю до сих пор.

Долгое время семья ничего не знала о моей судьбе. Лишь гораздо позже с летевшим к партизанам писателем Сосурой я смогла передать весточку родным.

Потом были госпитали в Москве, Белебее, Уфе. Оттуда в 1943 году вернулась в Москву, став инвалидом на всю жизнь. Руку врачи сохранили, но она перестала действовать из-за отсутствия локтевого сустава и других повреждений. Прошло уже 70 лет с момента ранения, а рана до сих пор часто открывается и болит...

В Центральном штабе партизанского движения в Москве мне выдали направление на работу на швейную фабрику Ленинградского райпромтреста столицы, где я и проработала целый год, была помощником бухгалтера. Здесь же вступила в комсомол. Жила у тётки в коммунальной квартире на Хорошевке.

В Москве ещё действовал комендантский час, режим затемнения, продукты выдавали строго по карточкам. Коммерческая торговля была не доступна из-за заградительных цен. Впрочем, были и те, кто её услугами пользовался регулярно. Время от времени объявлялась воздушная тревога. На площадях, в парках, скверах, на перекрёстках были созданы огневые укрепления. По ночам дежурили на крышах.

В начале 1944 года по мобилизации я была зачислена в службу военной цензуры управления НКГБ МО. Служба военной цензуры появилась в нашей стране ещё во время Отече-

ственной войны 1812 года. Широкое распространение получила в годы Первой мировой войны. А первые органы новой советской цензуры появились летом 1918 года. В период Великой Отечественной войны цензура Наркомата обороны занималась военной печатью, а цензура НКГБ – фронтовой корреспонденцией.

Мне выдали форму: две пары сапог, пару ботинок, три гимнастёрки и юбки, форменное платье, меховую безрукавку, шинель, шапку-ушанку, рукавицы. Моя зарплата составляла 500 рублей. Кроме того, нам выдавали специальные продовольственные карточки, куда помимо обычного набора входило также 7 кг мяса, консервы и даже сладкое желе. Я была очень рада этому, т.к. удавалось немножко поддержать семью тётки, у которой я жила. После гибели на фронте мужа она одна поднимала двоих детей. И меня взять к себе не побоялась...

Ранним утром почти бегом по Хорошевскому шоссе я шла до станции метро «Белорусская», а то и до «Кировской». Зимой темно, холодно. Опустить уши в шапку-ушанке – и вперёд. А на подходе к Ваганьковскому кладбищу уши в шапке поднимаешь: мороз менее 25 градусов – не положено, патруль остановит. Иногда, правда, нас подбирала какая-нибудь попутная военная машина или удавалось сесть в автобус, который, кстати, отапливался дровами и потому нещадно дымил.

На службе мы вскрывали и прочитывали письма. Писем было много, их приносили целыми мешками. Работали быстро и напряженно. Вычеркивали из писем точные названия географических объектов, фамилии командиров, сведения о вооружении, информацию о каких-то особых трудностях военной жизни. Некоторые письма, с явно выраженными негативными настроениями, вообще изымались и передавались вышестоящему начальству.

На каждом письме мы ставили штамп: «Просмотрено военной цензурой» и свой личный номер. Затем за нами, контролируя нас, письма ещё раз выборочно проверялись. И, не дай бог, заметят какую-нибудь твою оплошность: пощады не жди. Любая ошибка, даже малый просчёт, могли стоить жизни. И поэтому, когда у меня вновь открылась рана, резко ухудшилось самочувствие, и меня уволили по состоянию здоровья, я была очень рада, как ни странно это звучит. Наверное, впервые за го-

ды войны можно было спать спокойно и продолжить, наконец, учёбу...

По окончании Зерновской средней школы на Брянщине, я успешно сдала экзамены на исторический факультет Новозыбковского педагогического института. Здесь в институте неожиданно для себя встретила легендарного человека, с которым мы пересекались в годы войны в ковпаковском соединении. Я говорю о Владимире Акимовиче Зеболове, партизанском героере-разведчике, который отважно действовал во вражеском тылу, несмотря на то, что у него не было кистей обеих рук. Позже кандидат исторических наук В.А. Зеболов учил мою дочь в Брянском педагогическом институте.

В 1951 году меня направили на работу учителем истории средней школы посёлка Дубровка Брянской области, где я и проработала до августа 1982 года, когда меня сменила моя дочь Татьяна. Она и сегодня преподаёт историю в первой школе.

А я ещё в течение 10 лет работала в Дубровском районном отделе народного образования директором межрайонной учебной фильмотеки. В 1992 году окончательно вышла на пенсию. Но до сих пор по мере сил веду работу по воспитанию молодого поколения. Являюсь председателем клуба «Ветеран» школы №1 посёлка Дубровка.

За участие в Великой Отечественной войне, за многолетний труд на ниве просвещения награждена многими государственными, региональными и общественными наградами, среди которых орден Отечественной войны I степени, медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», медаль Жукова и другие.

Справедливо считают в народе: жизнь прожить – не поле перейти. Да, немало трудностей и испытаний уготовала судьба моему поколению. Но мы свой долг перед людьми и страной выполнили. Нам стыдиться нечего. Мы и сейчас ещё стараемся принести пользу стране и людям. И мы надеемся, что те, кто идёт за нами, тоже не посрамит своей земли, все трудности, которые переживает сегодня наша Родина, будут успешно преодолены. Россия – великая держава, у неё большое будущее.

Такое не забывается. Воспоминания освободителя Освенцима

Янковский Леонид Абрамович,
ветеран Второй мировой войны
(г. Беэр-Шева, Израиль)

Наша семья Янковских до того, как приехала в маленький брянский городок Злынка, проживала в городе Краснополье на Могилевщине, в Белоруссии. Там у моего деда Моисея Янковского родился сын Абрам. Прошли годы, Абрам Моисеевич обзавёлся своей семьёй и переехал в местечко Злынка, которое в те годы относилось к владениям польского графа Паскевича. Здесь я и появился на свет в 1923 году.

Отец работал извозчиком. Возил на железнодорожную станцию Вышков продукцию для Красной Армии, изготавливаемую на деревообрабатывающей фабрике им. Блюхера. Мы очень любили нашу красавицу-лошадь. Звали её Малёк, бледно-оранжевой масти в серых яблоках, резвая и трудолюбивая. На станцию у отца обычно был фабричный груз, а обратно – пассажиры. Если не было пассажиров, отец укладывался на повозке, а Малёк сам привозил его домой, оглоблями стуча в ворота – приехали.

Семья моего деда по матери Липы Шмаенак проживала тогда в большом селе Карпиловка Новозыбковского уезда. Мою маму звали Гита Липовна, а по-русски – Катя. Она была домохозяйкой.

У нас было большое хозяйство: лошадь, корова, телёнок, два поросёнка, разная птица, огород и небольшой сад. Большой сарай был забит сеном и соломой, погреб и подвал – картошкой, свёклой, морковкой, капустой. Для всей живности ежедневно готовилось два-три чугуна варёва, а зимой подогревалась и вода. Это был колоссальный труд мамы, как домохозяйки, и всей семьи.

А летом мы, дети, ходили по грибы и ягоды, которых в наших краях было изобилие. Времени на футбол почти не было. Зато зимой мы отводили душу на лыжах и коньках.

Мать дружила с соседками, все взаимно уважали друг друга. У нас была обыкновенная еврейская семья. Родители помнили о вере, но не всегда была возможность соблюдать её. Синагога в Злынке была разрушена, раввина не было, но зато был резник, резавший птицу. На праздники мать готовила традиционные блюда, угощала ими соседок, а они угощали нас на русские праздники. Жили дружно и об антисемитизме слышать не приходилось.

20 июня 1941 года я сдал последний экзамен за десятый класс. 21 июня состоялся выпускной бал. Нам вручили аттестаты зрелости. Мы мечтали о будущем, грезили завтрашним днём... А завтра была война.

Наш маленький городок Злынка приютился в глубинке Брянского леса, на границе России, Белоруссии и Украины. Железная дорога Москва-Брянск-Гомель-Киев проходила в стороне, в первые же часы войны немцы разбомбили её. По грунтовой дороге через Злынку отступали разбитые воинские части, уходили многие тысячи людей из Белоруссии, женщины с младенцами на руках, старики, еле волочившие ноги. Это было страшное зрелище: голодные, оборванные, потерявшие надежду на жизнь, бредущие один за другим, не зная, куда и что их ждёт.

Не лучше было на городской площади нашего городка. Стоял ужасный стон, и слёзы лились ручьём. Матери, жёны, сёстры, провожающие родных, призванных в армию и уходящих на фронт, не скрывали своего страшного горя, видя своих близких, может быть, в последний раз. Мы, молодые ребята, не понимали отчаяния провожающих. Нам тогда казалось, что вскоре Красная Армия остановит фашистов, даст отпор, погонит их и разобьёт. Но жизнь распорядилась по-своему.

Тех, кому не было 18 лет, в армию не брали. Из допризывников и добровольцев был создан истребительный батальон. В него на четвёртый день войны вступил и я. Таких добровольцев, практически безоружных, было немногим более 60 человек. Охраняли мосты, линии связи, склады, административные здания. Помогали красноармейцам вылавливать диверсантов, а милиции – тех, кто сеял панику и распространял фашистские листовки.

Утром 13 августа 1941 года мы получили команду: взять документы, запас еды и попрощаться с родными. Нас присоединили к остаткам отходящей воинской части и в 12 часов мы покинули Злынку, родных и всю свою прежнюю жизнь.

В Злынку ворвались фашисты. На оккупированной территории гитлеровцы начали свои зверства. Тысячи беженцев становились жертвами полицаев, старост, бургомистров. Мои родные решили из Злынки уехать. За несколько дней до оккупации, когда отца отпустили из военкомата, где он занимался выработкой лошадей для Красной Армии, они ранним утром выехали из Злынки и вместе с беженцами отправились на восток, в сторону Стародуба и Трубчевска. День они проехали относительно спокойно, а на второй их задержали местные полиция и потребовали возвращаться на место жительства.

В Злынке 18 августа мужчинам-коммунистам, советскому и хозяйственному руководству приказали явиться на площадь с лопатами. Их погрузили на машины, вывезли за город, там заставили вырыть ямы, после чего полиция всех расстреляли. Так погибли мой отец Абрам Моисеевич и брат Лёва, которому было 16 лет.

На следующий день семьи евреев согнали на окраину городка в бывшую МТС, где и создали гетто. На первых порах можно было выходить, кое-что менять на продукты. А когда дома ограбили и передали прислужникам фашистов, в гетто воцарился голод, а с наступлением осени – и холод. Узники гетто были обречены, но проявили мужество. В эту тяжёлую годину они не бросали друг друга. Ребята постарше ушли в лес, где уже появились партизаны. Они присоединялись к ним и мстили фашистам за погибших.

А 18 февраля 1942 года в Злынку приехала карательная команда из Новозыбкова. Это были потерявшие человеческий облик убийцы, накачанные водкой. Тогда стоял лютой мороз. Полуживых женщин, детей, стариков-евреев они стали вытаскивать ко рву и расстреливать.

Там погибла моя одноклассница Фрида Вогман, решившая быть с матерью до конца, хотя могла уйти в лес. Погиб и наш любимый учитель Георгий Никифорович Богатко, не отказавшийся от своей еврейской семьи. Здесь погибла моя мама Гита (Катя), десятилетняя сестрёнка Буся и маленький братишка Фима-Хаим пяти лет. В этот день были убиты 170 евреев...

В армию меня призвали 1 октября 1941 года в Воронежской области. Это был призыв, в котором из 100 человек выжило трое. А дальше – бои под Москвой, Ржевская операция. Служил пулемётчиком, был комсоргом лыжного батальона.

В марте 1943 года мне было присвоено звание старшего лейтенанта, я стал комсоргом стрелкового полка. Штурмовал в составе своего полка укрепрайон Витебск-Орша в Белоруссии, принимал участие в боях за освобождение Смоленска, Ярцева, в Корсунь-Шевченковской операции на Украине, в боях на Сандомирском плацдарме в Польше. 24 января участвовал в освобождении древней столицы Польши города Кракова.

А 27 января 1945 года я участвовал в освобождении узников лагерей смерти Освенцим (Аушвиц) и Бжезинка (Биркенау). Январь 1945 года в юго-западной Польше выдался довольно тёплым. Немцы, избегая окружения, поспешно отступали. В это время я был комсоргом 504-го стрелкового полка 107-й стрелковой дивизии Героя Советского Союза генерала В.Я. Петренко. Наши войска, преодолевая глубокий снег, преследовали врага.

Выйдя из лесостепной полосы, полк оказался на равнинной местности с какими-то строениями типа бараков. Подробной информации о лагере у командования нашего полка не было. Не зная, что нас ждёт впереди, полк развернулся для боя, хотя никакого сопротивления не было. Высланная вперёд разведка доложила, что никого не видно и не слышно. Войдя в лагерь, разведчики обнаружили какие-то огромные бурты и кое-где полуживых людей в арестантской одежде. Бурты оказались горами трупов, покрытых снегом. Быстро выставили охрану, наскоро стали проверять бараки, нашли говорящих по-русски. Оказалось, что это концлагерь Освенцим (Аушвиц по-немецки).

В лагерь никого не допустили, кроме медиков и офицеров штаба, в том числе и меня. Полк получил команду преследовать врага. В лагере оказалось тысяч десять полуживых людей, в том числе немного детей, которые безучастно смотрели на нас. И только единицы поняли, что пришло освобождение.

Как оказалось, среди оставшихся в живых евреев не было, так как их уничтожили сразу по прибытии. Охраны лагеря тоже не было. Немцы организованно уехали на машинах, а охранники из Прибалтики, Западной Украины и власовцы разбежались вслед за хозяевами.

Во второй половине дня приехал специальный медотряд, а вскоре и транспорт с продуктами и одеждой. Они сменили нас, и мы уже вечером догнали свой полк и приняли участие в освобождении недалеко расположенного концлагеря Биркенау...

Мне довелось дойти до Германии, освободить Чехословакию. Потом была Корея. Трижды ранен. Награждён двумя боевыми орденами – Отечественной войны I степени и Красной Звезды, многими медалями. Пришлось получать орден даже из рук китайского лидера Мао Цзэдуна. В Израиле был удостоен звания «Борец против нацизма» и нескольких медалей.

Особенно приятно, что меня не забывают на моей малой родине, на любимой Брянщине. По инициативе руководителя поискового объединения города Брянска «Возрождение» Алексея Екимцева, летом 2012 года я был награждён памятной медалью Союза поисковых отрядов России «В память о народном ополчении», а в 2013 году – памятной медалью Брянской области «В честь подвига партизан и подпольщиков».

Только в 1957 году я, уже гвардии майор, был уволен с военной службы и поселился с семьей в городе Клинцы Брянской области, где более 20 лет проработал инженером на механическом заводе.

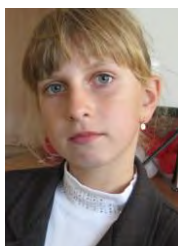
Горжусь тем, что по моей инициативе и при личном участии вместе с руководителем школьного краеведческого музея А. Тарановой были сооружены четыре памятника погибшим воинам, в том числе и памятник на могиле жителям города Злынка, среди которых была и моя семья, расстрелянная фашистами.

После чернобыльской трагедии наша семья, как и многие другие, оказалась в зоне, поражённой радиацией. Стали прогрессировать болезни. И в декабре 1992 года мы решили репатрироваться в Израиль.

В городе Беэр-Шеве, где я живу, стал активистом Союза инвалидов Второй мировой войны – борцов с нацизмом, одним из инициаторов возведения в нашем городе памятника воинам, погибшим на фронтах Второй мировой войны, являюсь участником многочисленных встреч с учащейся молодёжью и автором многих газетных публикаций. Был делегатом юбилейного, 20-го съезда Всеизраильского Союза инвалидов Второй мировой войны – воинов и партизан.

Я также стоял у истоков создания украинского и других землячеств, возглавил организацию «Чернобыль», которая немало сделала для организации медицинского контроля и помощи ликвидаторам и пострадавшим от аварии. И сегодня, не смотря на то, что уже преодолел 90-летний рубеж, я по-прежнему в строю.

Лебедев Павел Фёдорович – хранитель фронтовых и партизанских песен

Андрюшина Мария Сергеевна,
ученица МБОУ Дубровская №1
СОШ им. генерал-майора Никитина
И.С. (п. Дубровка, Брянская обл.)

Руководитель
Жукова Татьяна Григорьевна,
учитель истории МБОУ Дубровская
№1 СОШ им. генерал-майора Ники-
тина И.С. (п. Дубровка, Брянская
обл.)

В 2012 году исполнилось 70 лет со дня появления знаменитой песни брянских партизан «Шумел сурово Брянский лес», ставшей гимном Брянской области. Эта песня авторская. Слова написал фронтовой поэт Анатолий Софронов, музыку – профессиональный композитор Сигизмунд Кац. Но в годы Великой Отечественной войны на Брянской земле, в среде бойцов Брянского фронта и лесных мстителей-партизан, родилось немало народных песен и частушек, а также песен, созданных непрофессиональными, самодельными поэтами и музыкантами.

Они бы так и канули в Лету, если бы не титанический труд нашего земляка-суземца, фронтовика, писателя, литературоведа, фольклориста Павла Фёдоровича Лебедева. Всю свою жизнь он кропотливо собирал и записывал песни, искал их авторов и героев войны, которым они были посвящены. Более 10 тысяч фронтовых и партизанских песен с комментариями вошли в 15-томную энциклопедию, подготовленную П.Ф. Лебедевым к изданию. В прошлом году к 85-летию юбилею учёного уви-

дели свет первые два тома этого уникального издания. Будут ли изданы остальные – это пока под вопросом.

Много лет П.Ф. Лебедев живёт и работает в Саратовской области. На малой родине в силу возраста и состояния здоровья бывает нечасто. Но мы не можем и не должны забывать имя и подвиг этого замечательного человека.

Павел Фёдорович Лебедев – известный литературовед, писатель, собиратель фронтового и партизанского фольклора. Он родился 13 июля 1926 года в семье крестьянина в селе Невдольск Суземского района Брянской области. От родителей унаследовал хорошую привычку к ежедневному кропотливому труду, аккуратности и дисциплине. Природа одарила Павла Лебедева музыкальным слухом и красивым голосом. Учёба в школе давалась ему легко, он стремился стать учёным или учителем. Со школьной скамьи записывал в тетрадке услышанные поговорки, пословицы, полюбившиеся песни. Начавшаяся война на несколько лет отодвинула мальчишескую мечту.

Детство, как у всех детей, родившихся накануне войны, было тяжёлым. П.Ф. Лебедев до сих пор помнит, как 2 октября 1941 года в родное село пришли гитлеровцы: «Они стояли в плащах около бронетранспортеров, ошестинившихся пулемётами. На другой машине развевалось огромное знамя со свастики. Это было страшное зрелище».

Помнит Павел Фёдорович и то, как исполненной им песней «Три танкиста» заслушались остановившиеся в саду Лебедевых солдаты Красной Армии. Вот тогда-то, по его словам, он и почувствовал, что песня нужна для нашей победы.

Старший брат и отец ушли на фронт, с войны они не вернулись. (Несколько десятков лет разыскивал места захоронения отца и брата П.Ф. Лебедев. Благодаря помощи школьников, удалось установить, что его старший брат, умерший от ран в одном из госпиталей г. Ярославля, похоронен в братской могиле военно-мемориального кладбища этого города.)

А спустя два года, 20 ноября 1943 года, после освобождения района от оккупации, Павел Лебедев тоже надел солдатскую шинель. Нелёгкими фронтовыми дорогами он прошёл от Псковщины до Восточной Померании. Был наводчиком, командиром миномётного расчёта.

24 января 1945 года в бою у города Либау при отражении контратаки противника наводчик 82-м/м миномёта 638-го стрелкового полка 115-й Холмской Краснознамённой стрелковой дивизии младший сержант П.Ф. Лебедев миномётным огнём истребил 12 гитлеровцев и подавил огонь вражеской пушки. Понеся большие потери, противник отступил. За этот бой он был награждён орденом Славы III степени. Имеет также орден Отечественной войны I степени, боевые медали.

Зародившаяся в детстве любовь и привязанность к устной поэзии, к народной и солдатской песне сказались и на фронте. Был в роте запевалой. В противогазной сумке носил толстую тетрадь с поговорками и песнями, которая постоянно пополнялась. Одни из них пели солдаты батальона, другие он услышал от участников дивизионной агитбригады, третьи «перекочевали» в блокнот исследователя из военных газет.

После окончания войны ещё семь лет Лебедев служил в армии, не переставая собирать фронтовой фольклор. Завершив среднее образование в школе рабочей молодёжи, в 1951 году поступил на филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Учился у таких корифеев, как Н.К. Гудзий, И.Н. Розанов, В.В. Виноградов.

В 1956 году получил назначение на работу учителем в сельскую глубинку. Он преподавал в селе Марица Льговского района Курской области. Здесь помимо уроков русского языка и литературы организовал фольклорный кружок для учащихся старших классов и продолжал, теперь уже вместе с учениками, собирать фольклорный материал и песни Великой Отечественной войны. Опыт своей успешной работы позднее Лебедев обобщил в книге «В мире народной поэзии. Записки сельского учителя».

По воспоминаниям учеников и студентов П.Ф. Лебедева, он был незаурядным педагогом, открывшим им прекрасный мир народного творчества. Он сам на занятиях пел, разыгрывал сценки, тем самым всё больше и больше привлекая внимание молодёжи к этому роднику народной мудрости.

В 1964 году был принят в Союз писателей, защитил диссертацию в Белорусском государственном университете, стал кандидатом филологических наук. С 1965 года в течение семи лет преподавал в Балашовском педагогическом институте (Саратовская область), работал на кафедре литературы, куда попал

по конкурсу, объявленному «Учительской газетой». В 1972 году П.Ф. Лебедев оставил преподавательскую деятельность, приняв решение посвятить себя любимому делу – исследованию фронтового и партизанского фольклора.

Ныне П.Ф. Лебедев живёт в городе Балашове Саратовской области. Почётный гражданин Балашовского муниципального района. В 2010 году стал лауреатом Литературной премии Саратовской области имени М.Н. Алексева за создание антологии «Песни Великой Отечественной войны» в 15 томах. В 2011 году П.Ф. Лебедеву в честь 85-летия было присвоено звание «Почётный гражданин Суземского района».

Лучшие годы и основные силы П.Ф. Лебедева отданы работе по собиранию и исследованию фронтовых и партизанских песен. Теперь их собрано и прокомментировано более десяти тысяч. И каждая сопровождается комментариями, а многие – рассказами о подвигах воинских частей и отдельных героев.

Первая ученическая заметка Лебедева была опубликована в Суземской районной газете «Знамя коммунизма» ещё до войны, в 1940 году. Сейчас в творческом активе П. Лебедева – 40 собственных и составленных им книг и более 200 статей: «Партизанские пословицы и поговорки» (1958), «Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны» (1962), «Песни и частушки брянских партизан» (1963), «Песни, звавшие на подвиг» (1978), «Дорогами побед» (1980), «О боях-пожарищах: Сборник фронтовых песен» (1983), «Песни боевых походов» (1986), «Партизанская песня» (1991), «Русское современное афористическое творчество: истоки, традиции, поэтика» (1998), «Русские частушки» (1998), «Русские народные песни» (1999), «Частушки Брянской области» (2001) и другие.

В своих книгах П.Ф. Лебедев даёт масштабный анализ фронтовой солдатской и партизанской песни, прослеживает её истоки, рассказывает о бытовании песни, о жанровом составе боевых песен (песни боевые и маршевые, песни-баллады о героях-фронтовиках, фронтовая лирика, антифашистская сатира), сопоставляет песенное творчество поэтов-профессионалов (Исаковский, Сурков, Маршак, Кирсанов и др.), некоторых композиторов с «низовым» песенным творчеством.

В годы Великой Отечественной войны солдатское и партизанское народное творчество носило массовый характер. Ты-

сячи солдат и партизан брались за перо и бумагу. Им хотелось выразить заветные думы и помыслы, презрение и ненависть к врагу. Не всегда под рукой оказывались карандаш и бумага. Использовали всевозможные подручные средства – фанерная дощечка, кружка, котелок, пользовались гвоздём или острым осколком снаряда. Позднее стихи и песни могли попасть в блокнот, в боевой листок, в армейскую, фронтовую или партизанскую газету, как, например, эти:

*Родной твой край объят огнём пожарниц,
Идёт с врагом смертельная борьба,
Отчизна-мать в опасности, товарищ,
В твоих руках сейчас её судьба.*

П.Ф. Лебедев прочитал все – от первого до последнего! – номера газеты Брянского фронта «На разгром врага», где публиковалось немало песен, созданных бойцами и командирами фронта.

Чаще других применялся испытанный художественный приём – «старая песня на новый лад». Бралась какая-нибудь распространённая народная песня и наполнялась новым поэтическим текстом – на злобу дня. Так, летом 1941 года (опубликована в газете 23 сентября 1941 г.) на мотив лирической русской народной песни «Снежки белые пушисты» появилась песня с такими словами:

*Будет Гитлеру припарка,
Будет Гитлеру озноб!
Вспомнит Гитлер Бонапарта
И Чудской ледовый гроб...*

Из песен-маршей, созданных на Брянском фронте, особо популярной была «Песня 9-го гвардейского артполка», исполнявшаяся на мотив популярного «Марша артиллеристов»:

*Мы у орудий –
Грохочет бой.
Мы встали грудью
За край родной.
Фашистских варваров
Разят наверняка
Бойцы девятого
Гвардейского полка!*

Разведчики любовно исполняли песню, написанную в 1942 году политруком Л. Мирошиным:

*Вперёд, разведчики лихие,
Ведь нами Родина горда.
Нас ждут Орёл и Брянск, и Киев,
Родные сёла, города.*

Сапёры пели «Песню мостовиков», текст которой принадлежал старшему лейтенанту Н. Глазунову:

*Оружие наше – топор и винтовка.
Мы строим мосты под огнём...*

Своя песня была и у танкистов Брянского фронта (слова и музыка старшины В. Фокина и зам. политрука А. Гурьева):

*Броня от частых выстрелов дрожала.
Шёл жаркий бой с фашистскою ордой.
Звенела песня, и вперёд бежала
Дорога нашей славы боевой.*

На Брянском фронте были известны песни старшин Н. Зуева, Н. Аршинова, сержанта А. Ильина, рядовых С. Городошникова, А. Гудина, И. Ломакина, А. Москвина и многих других.

Почти к каждой песне Лебедевым написан комментарий, а иногда и короткий рассказ о том, когда, где, кем, при каких обстоятельствах написана, кому посвящена, на какой мотив исполняется.

*В тёмной роще густой
Партизан молодой
Притаился в засаде с отрядом.
Под осенним дождём
Мы врага подождём
И растопчем фашистского гада.*

Эту песню «В засаде» П.Ф. Лебедев заносит в тетрадь в лесу у партизан у посёлка Суземка Брянской области. И указывает, что песня является переделанным стихотворением В. Лебедева-Кумача «В тёмной роще густой».

Песни военных лет... Они создавались в каждом полку, в каждой дивизии, в каждом партизанском отряде. У многих пе-

сен интересная судьба, богатая история. Бывало, что боец погибал, а песня становилась живым венком на могилу героя.

Всё это мы можем узнать сегодня благодаря трудам П.Ф. Лебедева. Этот человек сохранил для нас историческую память нашего великого и героического народа. Песни – главные герои его книг.

Павел Фёдорович и сам заслуживает того, чтобы стать героем книги. И такая книга появилась в 2005 году, называется она «Хранитель песенного слова». Её написал профессор Балашовского университета В. Вахрушев. Писатель-фронтовик П.Ф. Лебедев стал также персонажем документального фильма «Красноармеец был герой», созданного Нижне-Волжской студией кинохроники.

Заветной мечтой П.Ф. Лебедева сегодня остается публикация 15-томника песен Великой Отечественной войны, в котором собран поистине гигантский материал – не только песенные тексты, но и ноты мелодий, фактологические комментарии к песням, рисунки и фото, письма фронтовиков, обращённые к собирателю-энтузиасту и т.д.

Сам учёный так говорит о главном труде всей своей жизни: «Моей гордостью является творческий труд по сборанию, исследованию и публикации произведений русского народного творчества. В настоящее время полностью подготовлен к печати 15-томник «Песни Великой Отечественной войны». Теперь это богатейшее, мирового плана собрание песен просто необходимо выпустить в свет». Пока издано только две первых книги к 85-летию Павла Фёдоровича Лебедева, которое отмечалось в 2011 году.

На творческом вечере в Балашовском университете юбиляр сказал: «Как переполнен большой и уютный зал, так и моя душа переполнена бесконечно приятными переживаниями, мыслями и чувствами. Мой юбилей мог бы вызвать во мне божественный страх, но я не боюсь. Я готов отдать себя до конца служению великому русскому языку».

Собрать, систематизировать и сохранить песни военных лет для будущих поколений – это великое дело, достойное всеобщего уважения и признательности. И этот кладёзь духовной патриотической силы нашего народа по крупицам собрал и сохранил для нас фронтовик-орденоносец, учёный-филолог Павел Фёдорович Лебедев. Он записывал песни, сочинённые народом

в окопах и на привале, в боевом походе и у партизанского костра, в минуты короткого отдыха после боя. Разыскивал нехитрые поэтические строчки во фронтовых и партизанских газетах, в архивах разных городов.

Из 85 лет жизни любимому делу было отдано 65! Никто ещё не собрал столько песен об одной войне. Боевые, лирические, сатирические. Более 10 тысяч! 15 томов! Такого не знает наша отечественная культура!

В одном из интервью П.Ф. Лебедев говорит о состоянии современной российской культуры: «Как писатель и учёный-филолог я болею душой за состояние нашей современной культуры. Вот только что мы говорили о русском народном творчестве, о собранном мною богатейшем материале. И вроде бы до этого материала никому дела нет. Попутно упомяну о том, что мной издано четыре десятка книг русского фольклора. Многие из них изданы на мои личные пенсионные сбережения. А с другой стороны, эти книги почти невозможно реализовать. А ведь этот материал крайне необходим для школ и других учебных заведений. Ведь русский фольклор уникален своей глубокой народной мудростью и бесконечным богатством родного языка. Он является хранилищем родного языка. Вот на этом материале и должно учиться подрастающее поколение».

Наш долг знать и помнить нравственный подвиг нашего земляка Павла Фёдоровича Лебедева.

Информационно-поисковый центр «Витязь» как экспериментальная площадка для патриотического воспитания молодёжи

Екимцев Алексей Владимирович,
руководитель Брянской региональной
общественной организации поискового
объединения «Возрождение»
(г. Брянск)

Филина Наталья Николаевна,
заведующая детской библиотекой №2
МБУК «ЦСДБ г. Брянска»,
руководитель информационно-
поискового центра «Витязь»
(г. Брянск)

Сегодня, как никогда, актуальной становится проблема воспитания подрастающего поколения и граждан России в духе патриотизма и любви к Родине. Искать пути решения этой проблемы необходимо не только на государственном уровне, но и на муниципальном.

Детская библиотека № 2 ведёт активную работу по формированию у детей и молодёжи гражданского самосознания и патриотического отношения к Родине. Накопленный нами опыт даёт возможность выйти на новый уровень, соответствующий важности поставленных государством задач патриотического и нравственного воспитания.

В преддверии великого праздника – 70-й годовщины освобождения Брянской области от немецко-фашистских захватчиков – в качестве эксперимента в декабре 2012 года на базе Детской библиотеки №2 МБУК «ЦСДБ г. Брянска» был создан информационно-поисковый центр «Витязь». Центр «Витязь» – результат многолетнего сотрудничества детской библиотеки и Брянской региональной общественной организации поискового объединения «Возрождение» под руководством А.В. Екимцева.

Основная цель работы центра – формирование патриотических чувств и самосознания подрастающего поколения средствами социально значимой деятельности по увековечению памяти о погибших в годы Великой Отечественной войны земляках.

Не дать забыть – вот, наверное, главное в нашей работе. Ведь солдат умирает тогда, когда о нём забывают. Пока ещё живы те, кто может рассказать, пока не потеряна связующая ниточка. Записать, сохранить, передать...

Тысячи людей до сих пор ищут сведения о своих погибших в годы Великой Отечественной войны родственниках, надеются найти места их захоронения, узнать, где и при каких обстоятельствах настигла их вражеская пуля или осколок. И наш информационно-поисковый центр «Витязь» делает всё возможное, чтобы жители Брянска и Брянской области смогли получить достоверную информацию.

Сегодня в центре поисковой, исследовательской и просветительской деятельностью занимаются 56 молодых людей в возрасте 14-19 лет.

На общественных началах, в свободное от основной деятельности время, помогают ребятам в поисковой и исследовательской работе опытные педагоги и поисковики: учитель истории высшей категории Дубровской средней школы №1 Татьяна Григорьевна Жукова, педагог дополнительного образования, историк Алексей Николаевич Обухов, учитель истории школы №8 г. Брянска Елена Сергеевна Чесалина, командир поискового отряда «Красная Гвардия» Кирилл Евгеньевич Лагутенко.

Сотрудники детской библиотеки Н.В. Ангелова, Т.Е. Осипенко, С.П. Рак, С.В. Жеребцова осуществляют информационное обеспечение деятельности центра.

Участники поисковой группы по заявкам населения проводят поиск информации о погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны, сведений о пребывании в плену, информации о местах захоронений и перезахоронений, сведений о подвигах и наградах, информации о боевом пути воинских формирований, о ходе и итогах основных боевых операций, а также оказывают помощь в заполнении бланков анкет и оформлении запросов в архивы и военкоматы России и зарубежных стран.

Исследовательская группа работает с литературными источниками, с архивными и музейными документами, создаёт видеархив воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, ведёт переписку с ветеранами и очевидцами, участвует в подготовке молодёжных проектов и исследовательских работ для участия в российских и международных конкурсах.

Творческая группа проводит выездные и стационарные мероприятия патриотической направленности, участвует в региональных и федеральных конкурсах творческих работ.

Прошло девять месяцев со дня открытия центра и уже можно подвести предварительные итоги. С декабря 2012 года по сентябрь 2013 года информационно-поисковым центром достигнуты следующие результаты:

- принято 42 заявки от жителей Брянской области и других регионов России и ближнего зарубежья, выдано 36 справок по результатам поиска, отправлено 63 запросов в военкоматы и архивы России и зарубежных стран;

- проведено 12 теоретических занятий по правилам работы с архивными и музейными документами, организовано 4 выезда в Государственный архив Брянской области, снято 2 видеоинтервью с ветеранами Великой Отечественной войны;

- проведено 8 стационарных и 4 выездных мероприятия патриотической направленности.

Исследовательская группа сейчас работает в Государственном архиве Брянской области и занимается созданием базы данных о партизанских отрядах, воевавших на территории Брянщины. И уже есть первые результаты: в апреле 2013 года исследовательские работы Фимушкиной Дианы и Фетисовой Анны были удостоены Дипломов международной научно-практической конференции «Первые шаги в науку».

Члены информационно-поискового центра «Витязь» активно участвуют в различных конкурсах, конференциях, «круглых столах», молодёжных форумах и патриотических площадках. Так, с 28 июля по 3 августа 2013 года группа студентов из информационно-поискового центра «Витязь» приняла участие в специализированной смене «Патриотические клубы» на молодёжном форуме «Селигер-2013». Для участия в конкурсе грантовой поддержки молодёжных проектов было разработано 2 проекта: «Историческая память» (представлял Иван Сухин) и

«Информационно-поисковый центр "Витязь"» (представлял Ярослав Сердюк). Проекты получили высокую оценку жюри, а проект «Информационно-поисковый центр "Витязь"» был удостоен гранта в размере 40 000 руб.

13 апреля 2013 года ребята выступили с докладом «Поисковая деятельность на базе информационно-поискового центра "Витязь"» в рамках заседания «круглого стола» с участниками общественных поисковых организаций Брянской области, организованного Брянской областной научной универсальной библиотекой им. Ф.И. Тютчева.

В мае 2013 года был проведён цикл выездных мероприятий, посвящённых Дню Победы: урок Мужества «И отзовётся в сердце каждого Победа», тематический вечер «Шёл солдат во имя жизни», час Памяти «9 Мая – память бережно храним», классный час «О мире и войне».

Мероприятия, посвящённые 70-летию освобождения Брянской области от немецко-фашистских захватчиков: вечер-реквием «Память, которой не будет забвенья...», встреча трёх поколений «Солдатами не рождаются!», час Мужества «Поклон тебе, солдат России!», патриотическая площадка «Дорогами Победы», были широко освещены в местных и федеральных СМИ.

7 сентября 2013 года поисковая группа приняла участие в организации и презентации экспозиции в рамках образовательной площадки «Молодые патриоты» на молодёжном образовательном форуме «Масс-штаб» (г. Брянск).

10 сентября 2013 года БРОО ПО «Возрождение» был организован вывоз актива центра на торжественную церемонию перезахоронения останков солдат Красной Армии, найденных отрядами поискового объединения «Возрождение» в районе села Прлысово Навлинского района.

В планах информационно-поискового центра – расширение сферы деятельности: создание на базе всех библиотек Брянска и области так называемых «точек Памяти». К нам приезжают из Клетни, Климова, других населённых пунктов Брянщины. Это далеко и занимает время. Мы планируем организовать работу так, чтобы люди могли в библиотеке по месту жительства написать нам заявку, и она быстро пришла бы на адрес центра. В планах также создание фото- и видеоархива с воспоминаниями свидетелей военного времени, создание сайта центра.

История создания советскими военнопленными-армянами подпольной организации «Патриоты Советской Родины» и её деятельность на территории оккупированных районов Брянщины

Алоян Александр Кярамович,
журналист, «Орловская правда»
(г. Орёл)

В 1941 году в фашистский плен попало около 3 млн. 800 тыс. бойцов и командиров Красной Армии разных национальностей. Из числа военнопленных немецкое командование сформировало национальные легионы: Армянский, Грузинский, Туркестанский, Азербайджанский и ряд других подразделений.

Формирование таких войсковых подразделений было грубым нарушением норм международного права и, в частности, Женевской конвенции 1929 года о военнопленных. Ранее в истории войн таких прецедентов не было.

За годы Великой Отечественной войны немецкое командование на базе Армянского легиона сформировало 12 стрелковых батальонов. Первые восемь были сформированы в Польше. Но с уходом фронта на Восток база подготовки была переведена в Украину – в город Лохвица.

Там было сформировано три стрелковых батальона – I/125-й, I/198-й и II/9-й. Батальоны укомплектовывались по мере прибытия партий военнопленных.

I/125-й и I/198-й были укомплектованы в сентябре 1942-го, II/9-й – в октябре. В повседневной речи использовать номера этих батальонов было неудобно, поэтому легионеры I/125-й называли «1-й батальон», I/198-й – «2-й», а II/9-й – «3-й».

В каждом батальоне действовала сеть осведомителей. Дисциплина была строжайшей. За малейшую провинность легионеров подвергали наказаниям – стояние на ветке дерева, приседания в противогазе.

Подпольная организация «Патриоты Советской Родины» была создана в Лохвице в начале сентября 1943 года. В это время немцы пригнали в город очередную партию военнопленных для укомплектования 3-го батальона. В числе прибывших были уроженец Грузии Акоп Вагаршакович Чобанян и уроженец Армении Бабкен Татевосович Месропян. Чобанян попал в плен в ходе героической обороны Севастополя, а Месропян – во время боёв в июле 1942-го под Новочеркасском. К сожалению, их уже нет в живых, но они оставили после себя воспоминания, которые ранее нигде не публиковались.

В первый же день Чобанян встретил в Лохвице своего земляка Вагаршака Сергеевича Гогоряна. В разговоре тет-а-тет Гогорян сообщил, что в уже сформированных 1-м и 2-м батальонах действуют подпольные организации. Сам Гогорян во 2-м батальоне числился на продуктовом складе. В батальоне организовал подпольную группу.

В тот же день Чобанян и прибывшие с ним товарищи собрались, чтобы обсудить вопрос, как им поступить в создавшейся обстановке. Ряд товарищей настаивали на немедленном побеге. Но большинство поддержали предложение остаться и вести работу по разложению легиона. Завязался спор. Патриоты понимали: надев вражескую форму, присягнув на верность Гитлеру и взяв в руки оружие, они становились предателями. И за это им и их близким пощады не будет. Решение остаться и создать в легионе боееспособную подпольную организацию далось нелегко.

Чобаняну его товарищи поручили составить программу-план деятельности и организационную структуру подполья. Чобанян поручение выполнил. Через несколько дней представил два документа. В первом предлагалось название организации – «Патриоты Советской Родины», а также излагались её основная цель и задачи.

Основная цель: вооружённое выступление всего легиона и его присоединение к частям Красной Армии или партизанским отрядам.

Задачи:

- выявлять и вовлекать в организацию коммунистов, комсомольцев и истинных патриотов из числа беспартийных;
- выявлять и обезвреживать врагов (перебежчиков, противников антисоветской агитации, агентов абвера и гестапо);
- вести антифашистскую агитацию среди легионеров;

– установить связь с подпольными организациями других легионов, расположенных недалеко от Лохвицы, с целью одновременного вооружённого восстания против фашистов.

Цель антифашистской агитации: вселить в легионеров уверенность в победе Советского Союза над фашистской Германией. Важные пункты агитационной работы:

- правдиво информировать о ходе военных действий;
- объяснить истинные цели германского империализма в отношении всех народов, и армян в частности;
- разъяснить, что фашисты являются продолжателями политики уничтожения армян турецкими правителями.

Противопоставить этому предлагалось примеры из истории вековых братских отношений русского и армянского народов:

- освобождение Еревана русскими войсками и армянскими ополченцами от персидского ига в 1827 году;
- дружба Налбандяна с Чернышевским, Герценом и другими борцами против самодержавия;
- деятельность Толстого, Горького, Брюсова и других великих русских писателей во имя армянского народа;
- дружба Ленина с армянскими революционерами Лалянцем, Спандаряном, Кнунянцем, Шаумяном, Мясникяном, Камо и другими;
- победа советской власти в Армении, развитие её экономики и культуры благодаря бескорыстной помощи русского народа.

Во втором документе Чобанян изложил организационную структуру подпольной организации. Во главе её должен был стоять партийный комитет. Работу в батальонах возглавляет один из членов комитета (батальонный организатор). Он в свою очередь подбирает и назначает ротных организаторов, ротные – взводных, взводные – организаторов отделений. Ротные, взводные и батальонные организаторы знали только тех, кому они и кто им подчинялся. Остальных членов комитета им знать не полагалось.

Комитет должен был иметь свою агентуру в штабе легиона, в штабах батальонов и канцеляриях рот. Залог успеха – строжайшая дисциплина. Все требования комитета и организаторов подразделений должны были выполняться в обязательном порядке. За разглашение тайны – смертная казнь. Решение о

наказании мог принять только комитет. Тщательно продуманную, строжайшую конспирацию необходимо было сочетать с массовостью создаваемой организации.

Составленные Чобаняном документы были подвергнуты основательному разбору и приняты как закон. По поручению комитета подпольщик Степан Константинович Бадалов поместил документы в стеклянную флягу советского образца и закопал на артиллерийском складе 3-го батальона.

В состав партийного комитета вошли Вагаршак Сергеевич Гогорян, Корюн Рубенович Торосян, Степан Константинович Бадалов, Арагешес Аракелович Мнацаканян, Акоп Вагаршак-ович Чобанян. За работу в 1-м батальоне ответственным назначили Мнацаканяна, во 2-м – Гогоряна, в 3-м – Чобаняна. Позже в состав комитета был включён Вардгес Арамович Шахбазян.

Подпольщики всяческими способами старались занять командные посты. В случае вооружённого выступления занятие командных постов давало большие преимущества.

В феврале 1943 года процесс обучения в батальонах завершился. 17 февраля первыми ушли из Лохвицы 1-й и 2-й батальоны. 1-й батальон был направлен в Орловскую область, так называемый Локотской самоуправляющийся округ, а 2-й – на северный участок Восточного фронта – в Псковскую область.

На следующий день, 18 февраля, ушёл 3-й батальон. В тот же день его погрузили в вагоны и отправили в Орловскую область, в Клетнянский район (ныне – Брянская область).

В задачу всех трёх батальонов немецкое командование поставило охрану транспортных коммуникаций. 1-й батальон охранял железнодорожную ветку Жуковка-Клетня, 2-й – автомобильные дороги в Новоржевском районе (Псковская область), 3-й – участок железной дороги Алтухово (Навлинский район) – Кокоревка (Суземский район) (магистраль Москва-Киев).

После прибытия в указанные районы во всех трёх батальонах была развернута работа по установлению связи с партизанами через их агентурных разведчиков.

В марте 1943-го в Клетне армяне-подпольщики установили связь с 1-й Клетнянской партизанской бригадой. Был разработан план восстания. К сожалению, осуществить его не удалось. Но на сторону партизан в ночь с 21 на 22 марта перешли 76 армян-патриотов.

В ночь с 29 на 30 июля 1943 года в Псковской области на сторону 3-й Ленинградской партизанской бригады перешли около 40 армян-подпольщиков. А 5 августа командир бригады Герой Советского Союза Александр Викторович Герман сформировал из них 41-й партизанский отряд. Его командиром был назначен Арутюн Георгиевич Сагумян.

В ночь с 17 на 18 августа 1943 года между Алтухово и Кокоревкой был взорван железнодорожный мост на реке Княжи. Взрывчатку – 175 кг тола – армянам-подпольщикам передали партизаны. Сразу после взрыва 17 армян-легионеров, охранявших мост, перешли на сторону партизан. Взрыв моста стал главным результатом работы по разложению батальона. В результате организованной диверсии движение на участке Брянск-Хутор-Михайловский было приостановлено на четверо суток.

После подавления восстания в Клетне 3-й батальон был передислоцирован в так называемый Локотской самоуправляющийся округ на железнодорожную станцию Синезёрки (ныне – административный центр Синезёрского сельского поселения, Навлинский район, Брянская область, Россия). Через представителей местного населения подпольщики искали пути, ведущие к партизанам. Активную роль в этом сыграл Бабкен Месропян.

После взрыва моста на реке Княжи 3-й батальон был перебросен в посёлок Нарышкино (ныне – административный центр Урицкого района Орловской области), а уже оттуда под конвоем его повели в Белоруссию. Там на сторону партизан перешло три группы общей численностью 70 легионеров. Из Белоруссии остатки батальона доставили во Францию. Туда же были доставлены 1-й и 2-й батальоны.

По данным автора, в Армянском легионе под видом уроженцев Кавказа скрывались сыны еврейского народа. Примером того служит судьба Амаяка Саркисовича Давтяна. Настоящее имя – Макр Исакович Гохвельд. В плену он выдавал себя за обрусевшего армянина. В 5-й роте 3-го батальона состоял писарем.

Из воспоминаний Акопа Чобаняна о Давтяне: «В Лохвице меня с ним познакомил Торосян... Часто встречались в канцелярии батальона. Вскоре мы до того хорошо поняли друг друга, что он признался в сокрытии своей национальной принадлежности. Он очень умело узнавал у немцев всё, что нас интересовало, и обо всём сообщал нам. Он представил весь список 5-й

роты для хранения. Отличался большой выдержкой и терпением. Пользовался уважением среди товарищей».

Из воспоминаний Бабкена Месропяна: «В нашей роте был писарем еврей Давтян Амаяк, который хорошо знал немецкий язык и всё время сообщал нам о разговорах между немцами. Мы прилагали все усилия, чтобы немцы не догадались о том, что он еврей, и это нам удалось».

Из воспоминаний Акопа Чобаняна: «Во время перехода к партизанам проявил самообладание и выдержку. В партизанской бригаде участвовал во многих операциях против карателей и по разгрому фашистских гарнизонов».

Второй факт: героическая судьба Сурена Экизяна. Его пытался спасти член подпольной организации «Патриоты Советской Родины» Арутюн Сагумян.

Из книги воспоминаний Акопа Чобаняна «Партизаны нашей бригады»: «Пронзительный взгляд Сагумяна безошибочно замечал патриотов. Он без труда находил ключи к сердцам людей. Люди удивлялись умению Сагумяна с первого же разговора завоёвывать доверие ранее незнакомых патриотов. Окружающие его друзья были уверены, что придёт день, и он завоюет желанную свободу. Один из пленных, Сурен Экизян, так верил Сагумяну, что сообщил о том, что он еврей. Сагумян заметил опасность, угрожающую каждую секунду молодому подпольщику, и оперативно придумал легенду про то, как он усыновил Сурена в шесть лет, воспитывал и заботился о его образовании. Они обсуждали ответы на потенциальные вопросы, которые им могли задать во время допроса. Экизян называл Сагумяна отцом. Они так сблизились, что люди в лагере верили придуманной легенде».

К сожалению, подлинное имя героя до сих пор не установлено. Он и десять его товарищей были схвачены 7 ноября 1942 года в Лохвице в частном доме, где они хотели отпраздновать 25-ю годовщину Октябрьской революции. Через пять дней, 12 ноября, арестованных патриотов расстреляли. Перед казнью Сурен Экизян сумел передать Арутюну Сагумяну через одного из подпольщиков записку: «Прости, дорогой отец, что причинил столько горя. Всего доброго. Сурен».

В ходе многолетней поисковой и исследовательской работы ведущий научный сотрудник Лохвицкого краеведческого музея имени Григория Сковороды Пётр Андреевич Гребенник

(ныне покойный) установил, что Сурен Экизян, по неуточненным данным, родился в Ростовской области, был членом ВКП(б), в Красной Армии служил комиссаром полка.

История создания и деятельности подпольной организации «Патриоты Советской Родины» является ярчайшей, но, к сожалению, малоизученной страницей Великой Отечественной войны. Коварный план немецкого командования, рассчитанный на то, что народы советских республик будут воевать против Красной Армии и партизан, провалился. Представители народов советских республик, загнанные гитлеровцами в национальные легионы, остались верны воинскому долгу и Родине.

В Брянской области, в посёлках Дубровка и Клетня, подвиг советских военнопленных, армян по национальности, помнят и чтят. Их героизм должен стать мостом памяти, соединяющим народы России и Армении.

Библиография

1. *Чобанян, А.В.* Партизаны нашей бригады (на армянском языке) / А.В. Чобанян. – Тбилиси: Изд-во «Мерани», 1984. – 160 с.
2. Воспоминания участника Великой Отечественной войны, бывшего члена комитета подпольной организации «Патриоты Советской Родины», бывшего партизана 1-й Клетнянской бригады Акопа Вагаршаковича Чобаняна // Напечатаны им на печатной машинке в мае 1965 года по просьбе старшего научного сотрудника Армянского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, кандидата исторических наук В.А. Мурадяна. Подлинник хранится в семейном архиве семьи Чобанян. – 50 с.
3. Воспоминания участника Великой Отечественной войны, бывшего члена подпольной организации «Патриоты Советской Родины» Бабкена Татевосовича Месропяна // Напечатаны им на печатной машинке 28 февраля 1966 г. для Лохвицкого краеведческого музея им. Г.С. Сковороды. – 21 с.
4. *Польский, Д.С.* Рукопись. – 1943. – 306 с. (Хранится в Брянском областном краеведческом музее).
5. Донесение начальника Южной оперативной группы Горшкова от 21 августа 1943 года // Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов. Т.2. – Брянск, 1962. – С. 456-460.

Письма и дневники евреев СССР о жизни в эвакуации

Терушкин Леонид Абрамович,
руководитель архивного отдела
Научно-просветительского центра
«Холокост» (г. Москва)

Необходимо отметить, что первые публикации писем и других источников личного происхождения появились непосредственно в военные годы. Однако их содержание прямо определялось пропагандистскими целями и задачами. Вследствие этого материал для публикаций отбирался с учётом чрезвычайно жёстких идеологических и цензурных требований, характеризовался тематической однородностью. Предпочтение отдавалось источникам с героическим и патриотическим содержанием, тогда как вопросы фронтового и тылового быта, противоречивости настроений советских граждан в экстремальных условиях Великой Отечественной войны попросту игнорировались. Отмеченные тенденции продолжали сохраняться в публикации писем, воспоминаний и дневников и в последующие годы.

Только в последнее время ситуация с публикацией источников личного происхождения стала кардинально меняться: вышел целый ряд сборников и отдельных изданий писем, воспоминаний и дневников, позволяющих более полно представить гамму чувств и переживаний советского человека военного времени. В ряду других изданий подобного рода своё место заняли сборники писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны под общим названием «Сохрани мои письма...», подготовленные на основе материалов архива Научно-просветительского центра (далее – НПЦ) «Холокост».

Сбор писем и других личных документов евреев периода войны составляет одну из главных целей архива НПЦ «Холокост», а эти сборники представляют собой весомые результаты этой работы, достигнутые почти за два десятилетия его существования.

Сопредседатель НПЦ «Холокост» профессор И.А. Альтман подчеркнул, что письма евреев были опубликованы в десятках сборников, но «отдельного издания – в отличие от представителей многих других народов или регионов страны – они до сих пор удостоены не были».

В Архиве НПЦ «Холокост» собрано много так называемой «тыловой» переписки – по дороге в эвакуацию и обратно, на фронт, в разные города СССР, в освобождённые районы. На протяжении всех послевоенных лет этому массиву ценных документов эпохи почти не уделялось внимания. А ведь эти письма содержат порой уникальную информацию о повседневной жизни семей фронтовиков, эвакуированных и беженцев, об отношении к евреям в тылу. Письмам на фронт из советского тыла в значительно меньшей степени повезло, и поскольку военнослужащие (кому повезло вернуться с войны) не всегда имели возможность их сохранить, количество источников, дошедших до современного исследователя, невелико (если сопоставить с колоссальным объёмом переписки военных лет). Люди стремились хранить письма тех, кто с войны не вернулся – как память, реликвию.

Огромный массив писем на фронт и внутренней (между различными городами и регионами в глубине страны) переписки даёт очень яркую картину бегства, эвакуации евреев СССР, их жизни в тылу. Уже в первых письмах и дневниковых записях по дороге на фронт советские солдаты-евреи отметили впечатления о бедственном положении беженцев-евреев из западных областей СССР. В письмах и дневниках 1941-1942 гг. есть строки о судьбе еврейского населения, покинувшего оккупированные территории.

«Появился эшелон с эвакуированным населением из западных областей. Жалкая картина. На открытых платформах плохо одетые, грязные, изнурённые эти жертвы фашистов. Большой процент евреев, исконные козлы отпущения», – записал в дневнике 3 июля 1941 г. младший сержант Лазарь Френкель.

Военнослужащие были первыми, кто с личной болью описывал картины бегства и эвакуации, ведь эшелоны и толпы беженцев двигались навстречу идущим на фронт. «...я несколько раз бывал на станции и видел, как приезжают эвакуирован-

ные ... и внимательно всматриваюсь не увижу ли я своих или знакомых. ... Я как вспомню, что родители, если они живы, то где-то валяются, возможно, в поездах, на вокзалах, то дрожь пробегает по телу, то хочется скорее ехать на фронт и бить, колотить и ещё раз бить...». (Из письма уроженца г. Новозыбкова Брянской области старшего лейтенанта Хэмы Дворкина, август 1941 г.)

Особую ценность представляют комплексы писем, принадлежащие членам одной семьи. Семейная переписка показывает, с одной стороны, особенности фронтовой повседневности, с другой – стратегии преодоления трудностей жизни в тылу. Вот что писала Марку Розину, боевому офицеру, воевавшему в Брянских лесах, его жена в первые дни после прибытия в эвакуацию: «Уж лучше было и мне и детям умирать в Москве, чем скитаться и мучиться где-то».

«... Им там очень и очень несладко. Нуждаются в обуви, одежде и деньгах», – сообщал о своей семье Израиль Гендельман. Кошмарные условия в эшелонах эвакуированных; проблема адаптации городского жителя с учётом гендерных и возрастных особенностей (депрессия у престарелых родителей; непригодность к сельскому физическому труду у сравнительно молодой городской женщины; отнюдь не всегда доброжелательное отношение «принимающей стороны»).

С неизвестной стороны открываются подробности организации эвакуации и жизни в тылу: взятки («здоровяки остаются дома, а в армию посылают эвакуированных больных инвалидов. Потому что военкомат берёт взятки. Масло, сало и другие продукты»), пропажа вещей; ужасная организация питания; апатия части эвакуированных, высокие цены и недружелюбное отношение к эвакуированным.

Эта переписка фиксирует специфику интимных переживаний в советском социуме («мы находимся... «в окружении» казахов, киргизов, немцев и прочих сосланных сюда. Очень плохой народ»).

Переписка друзей, коллег, соседей позволяет осмыслить практику общения, взаимопомощи, досуга, бытовавшую во время войны. «Пишите, как Вы устроились, как жизнь там в смысле питания? Я попала в очень скверный район; во всех отношениях тяжело, население – казачество – очень чёрствый народ. Никак

не могу привыкнуть к окружающей обстановке». (Из письма минчанки Е. Шакиной, Сталинградская область, 1942 г.).

Немало сведений содержат письма и о негативных проявлениях жизни советских граждан военного времени: спекуляции, мародерстве, пьянстве. Под влиянием обстоятельств, остро ставивших вопросы выживания, ослабла самоцензура, которая контролировала выражение чувств и эмоций большинства советских граждан. В дневниках можно встретить весьма критические оценки действий советского командования и даже самого «товарища Сталина». «Опять страх за страну, за Родину. Казалось, всё идёт к определённому концу, а теперь опять отдали Феодосию. Это – стратегия и тактика мудрого политика Сталина», – писала в феврале 1942 г. в г. Кургане военный врач Иоха Файнберг. Любопытно, что художник Григорий Ингер, чьи родные были освобождены как раз в ходе высадки десанта под Керчью и Феодосией, утешал в письмах родных, что они живут «в эпоху великого Сталина».

Важно отметить, что письма из советского тыла в основном написаны женщинами (матерями, жёнами, дочерьми и сёстрами фронтовиков). Мужчины почти все были на фронте. В «тыловой» переписке «принимали участие» только старики, инвалиды, вернувшиеся домой, лечившиеся в госпиталях раненые, солдаты запасных частей. Они как раз оставили очень интересные наблюдения, сравнивая жизнь на фронте и в тылу, на освобождённых территориях. Кстати, именно внутренняя, «тыловая» переписка оказалась наименее подверженной цензуре.

Немало случаев, когда помощь местных жителей спасала здоровье и даже жизнь людей в эвакуации. В ответ на письмо беременной жены рижанин Исаак Рабинович отмечает: «Товарищи, побывавшие в других областях, рассказывают ещё более удивительные вещи о сердечности и заботливости местных». Таких писем действительно очень много. Можно сказать, что, не смотря на все тяготы эвакуации и жизни в тылу, основная масса эвакуированных евреев выжила, благодаря помощи местного населения, которое само испытывало неимоверные трудности в годы войны.

Кстати, изучение по переписке региональных различий в отношении к эвакуированным (особенно к евреям) представляется очень интересным. Позволю предположить, что это зависело не только от организации властями жизни эвакуированных в

тылу, но и от местных традиций, географических условий, национальных особенностей местного городского и сельского населения.

Одно из малоисследованных направлений анализа писем периода войны – это отражение слухов, которые циркулировали в обществе в эти годы, особенно в тылу.

Огромный интерес вызывают источники, передающие нюансы межличностных коммуникаций в еврейских семьях, их предпочтения в пище и других бытовых вопросах, отражающие рефлексию по поводу положения своего народа и особенности выстраивания взаимоотношений с представителями других национальностей. («Но мы, евреи, должны надеяться, что всё будет хорошо»).

Значительное место в переписке фронтовиков уделено общению со своими детьми разных возрастов. Такого рода источники содержат ценную информацию об отцовстве военного времени, типичных воспитательных практиках и формах помощи родным, которую стремились оказывать находившиеся на фронте мужчины. «...будь умницей, кушай также хорошо, спи днём, гуляй и занимайся потихоньку с мамой, учишь читать и писать, и пиши мне письма сама, без мамульки. Вот скоро войну закончим, фашистов побьём хорошенько и опять все вместе соберёмся». (Из письма военного корреспондента Якова Халипа дочери Кире в Ашхабад).

Потрясающие письма о любви писали на фронт родители, жёны и дети воинов-евреев. Со стихами и рисунками. «Ты останешься жив, тебя сохранит моя любовь», – писала в 1941 г. мужу 20-летняя Рая Клейман. С уверенностью в счастливом будущем после войны и с надеждами на спасение родных и близких, не успевших бежать от нацистов. «Скоро будет освобождён наш город Шклов и вдруг может быть, где в лесу, в партизанском отряде и наши старики, у меня какая-то есть надежда». (Из письма капитана госбезопасности Якова Паперно, служившего после тяжёлого ранения в Биробиджане, декабрь 1943 г.)

Семейная история была едва ли не единственным источником фиксации памяти о массовых уничтожениях евреев в годы войны. Особая категория писем – это сообщения соседей и друзей о гибели евреев на фронте или на оккупированной территории. Иногда они писались на обороте запроса о судьбе близких, ведь в освобождённых населённых пунктах не было

даже бумаги. «Твои родные, а мои знакомые Ратнер Соломон Григорьевич и др. не эвакуировались из г. Почепа. В марте 1942 г. их вместе с другими гражданами г. Почепа (евреями) гитлеровские звери варварски расстреляли, бросив не зарытыми в противотанковом рву против здания птицекомбината. Дом Вашего отца сгорел в августе 1941 г.». (Письмо из г. Почеп Брянской области, декабрь 1943 г.). Эти сведения важны не только для уточнения биографии авторов, но являются ценным источником о Холокосте.

Переписка периода Великой Отечественной войны на сегодняшний день является практически единственным историческим источником, в наименьшей степени подверженным влиянию субъективных факторов, если сравнивать с воспоминаниями послевоенного периода. Именно в переписке, созданной «здесь и сейчас», по горячим следам, отражены факты, подробности и чувства очевидцев и участников событий, которые в дальнейшем выпали из памяти, трансформировались под влиянием времени, коллективной памяти, идеологических установок.

Об особенностях расследования в СССР преступлений, совершённых нацистскими пособниками в годы Второй мировой войны

*Доктор Шнеер Арон
(PhD.SHNEYER Aharon),*

руководитель проекта документации
и увековечения имён евреев, погибших
в период Холокоста на территории бывшего
СССР Национального института
Памяти жертв Катастрофы
и героев Сопротивления Яд Вашем
(г. Иерусалим, Израиль)

Пособников нацистов – граждан Советского Союза, виновных в физическом уничтожении мирных граждан и советских военнопленных, советские органы государственной безопасности начали разыскивать ещё в ходе войны по мере освобождения оккупированных немецкими и союзными им войсками территорий. Суды над захваченными до мая 1945 г. и разысканными преступниками проводились военными трибуналами действующих армий. Они руководствовались Приказом Народного Комиссариата обороны №106 от 19 апреля 1943 г. с объявлением Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». В пункте 2 этого приказа говорилось: «Военным советам фронтов и армий обязать командиров дивизий не позднее 10 мая 1943 г. организовать для этой цели военно-полевые суды в соответствии с требованиями объявляемого Указа. Об исполнении донести. Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза И. Сталин».

В самом Указе было отмечено: «... 2. Пособники из местного населения, уличённые в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

3. Рассмотрение дел о фашистских злодеях, виновных в расправах и насилиях над мирным советским населением и пленными красноармейцами, а также о шпионах, изменниках Родины из числа советских граждан и об их пособниках из местного населения возложить на военно-полевые суды, образуемые при дивизиях действующей армии в составе: председателя военного трибунала дивизии (председатель суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политчасти (члены суда), с участием прокурора дивизии.

4. Приговоры военно-полевых судов при дивизиях утверждать командиру дивизии и приводить в исполнение немедленно.

5. Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предаёт свою Родину. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин. Москва, Кремль. 19 апреля 1943 г.» [1].

На самом деле ещё до принятия этого Указа, начиная с декабрьского наступления под Москвой в 1941 г. и далее, по мере освобождения от нацистов захваченных советских территорий, вслед за войсками практически одновременно туда прибывали оперативные группы НКВД, которые немедленно занимались поисками лиц, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями. Начинаясь сбор сведений о преступлениях, совершённых за время немецкой оккупации. Допрашивались десятки, а то и сотни свидетелей преступлений. Большинство людей, переживших оккупацию, активно сотрудничали с работниками Чрезвычайной государственной комиссии [2] и НКВД, так как желали доказать свою лояльность вернувшейся советской власти. Именно их показания составили основной свод документов, собранных ЧГК и следственными органами.

Порой удавалось в первые же дни задержать и арестовать не успевших скрыться коллаборационистов. Скорый суд в соответствии с Указом – и приговорённые повешены на глазах местных жителей.

Именно так произошло в Брянске. 23 сентября 1943 г. военно-полевой суд 18-й гвардейской стрелковой дивизии приговорил к смерти бывшего начальника полиции Супрягинской волости Почепского района Орловской (ныне Брянской) области Николая Конохова. Суд установил, что «подсудимый Конохов в период временной оккупации немецкими войсками Орловской области активно помогал немецким властям в выявлении советских активистов и партизан. В конце 1941 г. по доносу Конохова в гестапо были расстреляны коммунисты Сашенко Василий, Молчанов Иван, Тризна Макар и Трипутин. Войдя в доверие к немецким властям, в 1942 году Конохов был назначен становым приставом, в должности которого работал в течение двух месяцев, после чего в январе 1943 года был повышен в должности и назначен начальником полиции Супрягинской волости... Выполняя обязанности начальника полиции, Конохов учинял над мирным населением насильственные действия и грабил его. В июле 1943 года по его предложению власовцами была высечена, расстреляна и брошена в уборную гражданка Горяничая Наталья. В этом же месяце Конохов, пытаясь расстрелять гражданина Продченко, ранил его в ногу. За связи с партизанами в январе 1943 года арестовал гражданина Шапилина и его жену, которые в течение двух недель сидели под арестом в гестапо. Избил 70-летнего старика Тризну Евдокима, отобрал у него корову и передал своему родственнику. Все эти обвинения Конохова в измене Родине доказаны свидетельскими показаниями и его собственным признанием» [3]. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года военно-полевой суд приговорил Конохова к повешению [4].

В 1945 г. органами «Смерш» [5] был изобличён и арестован бывший начальник Навлинской полиции (Орловская, ныне Брянская область) Н.И. Скакодуб-Наконечный. 26 декабря 1946 года он был приговорён к смертной казни. Ещё один коллаборационист из Навли – бывший следователь Н.Г. Греков – был задержан в 1947 г. Как выяснилось, Греков, скрыв своё прошлое, ещё во время войны был зачислен рядовым в Красную Армию. Затем лечился в госпитале, демобилизовался, приехал в Белую Церковь Киевской области и стал работать бухгалтером

мебельной фабрики. После разоблачения Греков был осуждён на длительный срок [6].

Некоторые из казнённых, хотя и заслужили смерть, были лишь второстепенными участниками преступлений. Настоящие организаторы и убийцы, как правило, уходили вместе с немцами.

Продвигаясь на Запад, Красная Армия освобождала сотни тысяч советских военнопленных и советских граждан, угнанных, вывезенных немцами. Так же на освобождённой территории оказались и те, кто добровольно ушёл с фашистами. В связи с этим в январе 1945 г. при штабах фронтов начали работать оперативные группы по репатриации, в составе которых были и сотрудники «СМЕРШ. Одной из обязанностей СМЕРШ была «проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника» [7]. СМЕРШ активно участвовал в розыске, задержании и ведении следствия по делам советских граждан, служивших в немецкой армии, полиции и СС.

Послевоенная фильтрация бывших военнопленных и советских граждан, освобождённых Красной Армией, была крайне необходима. В силу этих фактов были приняты специальные правительственные документы.

4 ноября 1944 г. утверждено постановление Государственного Комитета Обороны, в котором говорилось:

«1. Установить впредь следующий порядок направления бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии, поступающих после их освобождения советскими и союзными войсками:

а) всех военнослужащих Красной Армии, освобождённых из плена советскими или союзными войсками, направлять по мере их возвращения в Советский Союз в специальные запасные части военных округов по назначению ГЛАВУПРА-ФОРМА НКО.

б) органам контрразведки СМЕРШ НКО в течение 1-2 месяцев заканчивать проверку в запасных частях всех прибывших в эти части бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии;

в) после проверки всех военнослужащих красноармейцев, командиров, не вызывающих подозрений, направлять на пополнение войск фронтов.

Выявленных при проверке лиц, служивших в немецкой армии, в специальных строевых немецких формированиях «властовцев», полицейских и других, вызывающих подозрение, немедленно направлять в спецлагеря по указанию НКВД для дальнейшей их проверки органами НКВД и СМЕРШ НКО.

2. Проверку бывших военнопленных офицеров впредь производить в специальных запасных частях НКО.

Разрешить НКВД СССР всех бывших военнопленных и окруженцев рядового и сержантского состава, ныне находящихся в спецлагерях НКВД, а также прибывших в спецлагеря НКВД СССР из Финляндии и 4 ноября с.г. из Англии, по окончании их проверки передавать в рабочие кадры промышленности или использовать на строительствах НКВД, а также для службы в охране спецлагерей и лагерей ГУЛАГа НКВД СССР. Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин» [8].

В соответствии с Постановлением СНК СССР № 30-12 от 6 января 1945 г. «Об организации приёма и устройства репатрированных граждан СССР из Германии и из оккупированных ею стран» при штабах фронтов начали функционировать оперативные группы по репатриации [9], в работе которых принимали участие сотрудники СМЕРШ.

Координировал работу Управлений фронтов по работе с военнопленными, которым подчинялись армейские сборно-пересылочные пункты (СПП) и фронтовые проверочно-фильтрационные пункты (ПФП), 2-й отдел ГУКР СМЕРШ НКО СССР, который возглавлял полковник С.Н. Карташов [10].

Основной задачей офицеров СМЕРШ в эти дни стали поиск, выявление и разоблачение среди бывших военнопленных не просто нацистских пособников, занятых у немцев на вспомогательной службе: ездových, поваров, шофёров, строителей, ремонтников, подносчиков снарядов, но самое главное – военных преступников, служивших в различных карательных подразделениях. Десятки тысяч карателей были разоблачены [11], однако тысячам из них удалось благополучно пройти первичные фильтры СМЕРШ.

К сожалению, сегодня работники СМЕРШ в различной литературе некоторыми писателями, публицистами, работниками кино показаны в искажённом, порой даже карикатурном об-

разе, их чрезвычайно необходимая работа не только в годы войны, но и после неё оболгана и ошельмована.

Послевоенная фильтрация бывших военнопленных и советских граждан, освобождённых Красной Армией, была необходима. В тех условиях государство имело право проверять и не доверять. В сборно-пересылочных и проверочно-фильтрационных пунктах, а затем и в спецлагерях оказались и различные пособники нацистов. Среди них были и лагерные полицаи, и люди, служившие в различных немецких боевых и карательных подразделениях, – от вермахта до частей СС и полицейских батальонов.

Пособников нацистов искали и находили на Сахалине и в Калининграде, на Украине и в Сибири, в Новгородской области и в Подмоскovie, Средней Азии и Кавказе. Многие из них работали рабочими и колхозниками, некоторые инженерами и техниками. Более того, несколько из них к моменту ареста работали в правоохранительных органах: следователем районной прокуратуры [12], несколько пособников умудрились стать работниками МВД: милиционером, старшиной милиции, а Иван Куринный даже лейтенантом МВД и членом партии [13].

Следователь, работавший по делам нацистских преступлений, сталкивался с историческими фактами, свидетельствами, документами, которые не вписывались в официальную героико-патриотическую историю Великой Отечественной войны.

Следователи в ходе следствия, а судьи военных трибуналов на процессах знакомились с жестокой правдой тех лет: обстоятельства попадания в плен, пребывание в нём, национальные противоречия, сотрудничество с нацистами сотен тысяч советских граждан, жизнь в оккупации, подчеркнуто избирательный массовый характер уничтожения евреев в лагерях смерти – все эти сведения не подлежали никакой огласке в 50-80-е годы.

Кроме того, следователь, занимавшийся поиском и разоблачением участников массового уничтожения людей, испытывал особо тяжёлые психологические нагрузки, вплоть до стресса, ибо повседневно знакомился с чудовищными, ужасающими подробностями массовых убийств, садистских издевательств. При этом ему следовало оставаться беспристрастным и

соблюдать правовые нормы в ходе допросов и ничем не проявлять своего отношения к обвиняемому.

Особенностью дел по делам нацистских преступников в СССР является то, что, несмотря на недопустимость эмоциональных и нравственных оценок следователем действий, совершённых преступником, или событий, отражённых в допросе, следователи неоднократно дают подобные оценки. Следователи, не искажая факты и смысл сказанного, порой вписывают в речь допрашиваемых, чаще всего имеющих низкий уровень образования, не свойственные им разговорные штампы советской юридической, политической и идеологической лексики. Впрочем, и сами допрашиваемые, будучи продуктом советской системы, впитавшие штампы советской пропаганды, использовали ту же терминологию, стремясь подчеркнуть своё отрицательное отношение к собственному прошлому: «граждане еврейской национальности», «моя преступная деятельность», «к суровой ответственности» [14], «беззащитные мирные граждане», «предателей и изменников родины», «преступно-кровавыми делами по отношению к своей родине и советскому народу» [15].

Кроме кропотливой предварительной работы до встречи с арестованным, как это происходило в 50-80-е годы, следователь, с целью сбора доказательной базы, знакомился с огромным объёмом материалов следственных дел по предшествующим процессам, в которых присутствовали фигуранты новых дел, или дел, возбуждённых по вновь открывшимся обстоятельствам.

Следователям, особенно в делах, связанных с доказательством участия подследственных в уничтожении мирного населения, во время допросов свидетелей, подозреваемых, обвиняемых приходилось не раз сталкиваться с тем, что допрашиваемые представляли, особенно на первых этапах следствия, заведомо ложные показания, стремились запутать следствие, сознательно исказили факты, например, говорили об ином времени и месте службы, тем самым отрицая возможность участия в инкриминируемых им преступлениях.

Свидетельские показания тоже имеют свои особенности. Может возникнуть вопрос о достоверности сведений, сообщённых обвиняемыми и свидетелями. У них разное восприятие происшедшего. Если обвиняемый склонен скрывать правду с

целью избежать наказания, то со свидетелями возникают другие сложности.

Следователь должен был принимать во внимание то, что некоторые свидетели со стороны обвиняемого могли быть заинтересованы (по разным причинам) как в обвинительном, так и в оправдательном в исходе дела. Свидетели могут ошибаться или сознательно лгать, по собственной воле или под давлением, даже порой по предложению следствия [16].

Если же свидетель сам являлся объектом издевательств, потенциальной, лишь случайно выжившей, жертвой обвиняемых, или был свидетелем совершённых на его глазах преступлений, то в его показаниях присутствовал эмоциональный аспект восприятия. Поэтому необходимо учитывать психологическое состояние свидетеля-жертвы в момент совершения актов насилия над ним, или событий, свидетелем которых он был, когда находился в состоянии стресса – испытывал страх, ужас. В процессе допроса или дачи показаний такой свидетель, вспоминая происходившее, вновь испытывал стресс [17]. Поэтому, естественно, что его показания могут быть преувеличенными, содержать неточности. С другой стороны, наоборот, испытанное ранее нервное потрясение может вычеркнуть из памяти множество деталей, вплоть до частичного или абсолютного исчезновения памяти о происшедшей трагедии.

Необходимо учитывать и временной фактор. Чем больше времени прошло со дня описываемых событий, тем выше вероятность их неточного изложения, порой до полной несознательной фальсификации, основанной на слухах или прочитанной литературе (газетных статей, книг), вплоть до невозможности изложить суть происходившего. Конечно, всё это находится в прямой зависимости от особенностей памяти свидетеля.

Кроме того, особенность показаний свидетеля-жертвы в том, что в них может присутствовать желание мести, а значит вполне возможно сознательное искажение правды с целью усугубления вины обвиняемого. Поэтому, несмотря на то, что показания свидетеля являются порой важнейшим, основным источником информации о совершённом преступлении, нельзя опираться только на свидетельство жертвы. Отсюда и другой, мне кажется, главный вывод: историк, занимающийся изучени-

ем преступлений, совершённых нацистами, не имеет права смотреть на прошлое только глазами жертвы.

Исходя из вышесказанного, основу доказательной базы в ходе следствия составляют не только показания обвиняемого, жертвы, но и других участников следствия, например, свидетелей-очевидцев, которые не были ни жертвами, ни участниками преступлений. Это могли быть как местные жители, так и военнослужащие немецкой армии, случайно оказавшиеся во время и на месте совершения преступлений (погромы, издевательства, убийства), либо после совершения преступлений, видевшие их следы, результаты (место расправ, тела, останки убитых).

Свидетельские показания тоже имеют свои особенности. Свидетели могут ошибаться или сознательно лгать по собственной воле, или даже под давлением следствия. Некоторые свидетели, особенно соучастники преступлений, осторожничали, рассказывали не обо всём, испытывая законные опасения: как бы не превратиться из свидетеля в обвиняемого (что происходило неоднократно), поэтому дозировали свои показания. Ещё сложнее было с обвиняемыми, которые прибегали к всевозможным уловкам, стремясь скрыть правду и уйти от ответственности, переложить вину на других. Подследственные или обвиняемые порой полностью не признавали вины, отрицали правдивость доказательств, сообщали ложные сведения, отрицали факты участия в преступлениях.

Часто подследственные или обвиняемые признавали менее значительные преступления, либо часть их, чтобы уйти от заслуженной ответственности, и получить более мягкое наказание. Некоторые из обвиняемых в ходе следствия и во время судебного заседания рассказывали о своём героическом участии в боях до попадания в плен, заявляли о своей якобы антифашистской деятельности в лагерях, оказании помощи узникам, называли себя жертвами оговора и сведения личных счётов, и даже в последнем слове вовсе не признавали своей вины [18].

Однако ничто не могло спасти преступников, даже реальные заслуги: уход в партизаны после службы полицией или вахманами СС, пролитая на этот раз в бою с немцами своя, а не кровь невинных, заслуженные награды, среди которых даже ордена Красного Знамени – Н. Кузавков [19], и Красной Звезды

– А. Духно [20], заработанные ими на самом деле в боях, не считались искуплением вины и не спасали их от возмездия.

К сожалению, далеко не всех убийц постигла заслуженная кара. А некоторые из них, в основном те, кто оказались за пределами СССР, дожили до глубокой старости. В отличие от западных стран, только в Советском Союзе по-настоящему осуществлялись поиск и судебное наказание нацистских преступников, не взирая на их национальность и время, прошедшее со дня преступления.

После распада Советского Союза о следственных действиях в отношении нацистских пособников мне неизвестно.

Источники

1. http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/04.html. Отметим, что этот Указ был принят без права публикации.
2. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) – государственная комиссия СССР в годы Великой Отечественной войны. Была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года. 16 марта 1943 года была утверждено положение о Чрезвычайной государственной комиссии, где сообщалось, что ЧГК собирает документальные данные, проверяет их и по мере необходимости публикует материалы о нацистских преступлениях и материальном ущербе. В соответствии с положением от 16 марта 1943 г. в республиках и областях также были созданы местные комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, которые действовали в тесном сотрудничестве и под руководством ЧГК. К началу 1944 года функционировало 19 областных и республиканских комиссий.
3. Звягинцев, В.Е. Война на весах Фемиды: Война 1941-1945 гг. в материалах следственно-судебных дел / В.Е. Звягинцев. – М.: «ТЕРРА». Книжный клуб. – 2006. – С. 653-654.
4. Там же, С. 654.
5. Главное Управление контрразведки «СМЕРШ» – Смерть шпионам. Решение о создании принято секретным Постанов-

- лением СНК СССР от 19 апреля 1943 г. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1946 г. ГУКР СМЕРШ было передано в состав МГБ СССР и получило название 3-го Главного управления.
6. Жуков, Д.А., Ковтун, И.И. Русская полиция / Д.А. Жуков, И.И. Ковтун. – М.: Вече, 2009. – С. 34.
 7. Постановление ГКО об утверждении положения о ГУКР «Смерш» НКО СССР. Цит. по Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991 : Справочник. – М., 2003. – С. 623-626.
 8. Военно-исторический журнал. – 1993. – №11. – С. 96.
 9. Советская военная администрация в Германии, 1945-1949. Справочник / Отв. ред.: Я. Фойтцик, А.В. Доронин, Т.В. Царевская-Дякина; при участии: Х. Кюнцель, Д.Н. Нохотович. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 21.
 10. Ленчевский, Ю. СМЕРШ без грифа «Секретно» / Ю. Ленчевский. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2009. – С. 233.
 11. Там же. С. 243.
 12. Архив Яд Вашем. TR-18/66(IX). Л. 135.
 13. Архив Яд Вашем. TR-18/66(IX). Л. 135. TR-18/62(2). Л.26-28.
 14. Архив Яд Вашем. TR-18/62(XV). Л.11.
 15. Архив Яд Вашем. TR-18/68(IY). Л.149.
 16. Так бывший узник рижского гетто Р. в 1981 г. рассказывал автору о том, что в 1945-1948 гг. его несколько раз приглашали в МГБ для опознания местных немецких пособников. Документы об их службе во время немецкой оккупации Латвии в полиции и других карательных немецких подразделениях у следствия были, но свидетелей участия их в преступлениях почти не осталось. Ротбарту предлагали указать на них, как на участников расправ над евреями в Рижском гетто.
 17. Так на процессе Эйхмана, проходившем в Израиле в 1961 г., в ходе судебного заседания один из свидетелей во время дачи свидетельских показаний потерял сознание.
 18. Архив Яд Вашем. TR-18/66(17). Л. 248-250.
 19. Там же. TR-18/68(IY). Л.148. Кроме того Кузавков был награждён медалью «Партизану Отечественной войны», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне

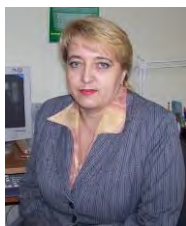
1941-1945 гг.» и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Был принят кандидатом в члены ВКП(б) и работал после войны директором маслозавода в Дунаевцах. Был арестован в июле 1947 г.

20. Там же. TR-18/68(IV). Л.337. А. Духно до ареста работал следователем Новоярчевской районной прокуратуры Львовской области. TR-18/66 (IX). Л.135.

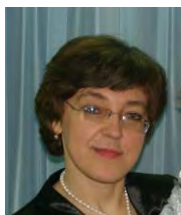
**Они погибли на Дубровской земле
(по материалам музея МБОУ «Дубровская СОШ №1
им. генерал-майора Никитина И.С.»)**

Жукова Татьяна Григорьевна,
учитель истории МБОУ «Дубровская
СОШ №1 им. генерал-майора Никитина
И.С.» (п. Дубровка, Брянская обл.)

Бибикова Наталья Васильевна,
главный специалист департамента
образования и науки Брянской области
(г. Брянск)

Бибикова Лилия Васильевна,
заместитель директора Брянского техникума
энергомашиностроения и радиоэлектрони-
ки (г. Брянск)

24 августа 1941 года. Фашистские войска уже оккупировали весь Дубровский район Орловской (ныне Брянской) области. В посёлке Дубровка и на железнодорожной станции много немецких солдат и офицеров, немало вражеской техники: бронемашины, автомобили, мотоциклы.

Из записи переговоров Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина и начальника Генерального штаба Б.М. Шапошников с командующим Брянским фронтом генерал-полковником А.И. Еременко об обстановке в полосе Брянского фронта на 24 августа 1941 года, хранящейся в фондах Брянского фронта в Государственном Архиве Министерства Обороны, мы

знаем, что в районе Дубровки и Рогнедино дислоцировалась 29-я моторизованная дивизия вермахта, а в районе Пеклино – 17-я танковая дивизия.

Такие сведения поступали в штаб фронта, а далее в Генштаб и Ставку от специально созданных отдельных разведотрядов, главная задача которых как раз и состояла в добывании разведанных, действуя в тылу противника.

В разведсводке в штаб 279-й стрелковой дивизии сообщается: «24.08.1941 г. Разведкой боем установлено наличие противника на ст. Дубровка, силы не установлены. Ночью охрана противника имеется в восточной и южной окраине Дубровки». Как знать, возможно, это была последняя радиограмма, переданная разведгруппой из 15 разведчиков под командованием лейтенанта К.В. Лури в штаб.

Отряд шёл из-за Десны, со стороны Девочкино, Казанова, Голубеи. Столкнувшись с немецким боевым охранением на окраине Дубровки, разведчики приняли здесь свой последний бой.

В архиве дубровского историка-исследователя Николая Яковлевича Гееца есть уникальная запись воспоминаний очевидца этого боя Александра Афанасьевича Кротова, увы, уже ушедшего из жизни: «Во время войны я жил с родителями на улице Красной (ныне Ленина). В конце августа, когда наши войска были за Десной, поздно вечером началась стрельба на окраине посёлка, недалеко от конца нашей улицы. Стрельба усилилась, когда от центра посёлка и железнодорожной станции к месту боя прибыла немецкая пехота. В посёлке находилось много техники, машин, мотоциклы, бронемашин. Из-за Десны по станции открыла огонь наша артиллерия. Загорелся пакгауз. Стрельба из автоматов и пулемётов была слышна на окраине около часа. А потом выстрелы всё реже стали слышны на поле (в районе нынешнего первого микрорайона) и стихли совсем».

А вот как этот бой описывает солдат вермахта Эберхард фон Ханкследен, служивший в 29-й моторизованной пехотной дивизии «Фальке», в своём военном дневнике «22 июня 1941 г. Брест. В 3.15 батарея начинает стрелять...» (серия «Дневники войны». Выпуск 1), изданном Минским международным образовательным центром им. Йоханнеса Рау в соавторстве с Дортмундским международным образовательным центром и Исторической мастерской ММОЦ им. Й. Рау в Минске в 2011 году: «24

августа 1941 года. Прошло некоторое время после наступления полночи. Большинство из нас спит, как и я. Потом мы просыпаемся. Грохочет, и наш дом каждый раз тихо сотрясается. Вдали слышны выстрелы, затем свистят гранаты, и после этого снова грохочет, дрожат стены и стыки».

Бой идёт на восточной окраине Дубровки, довольно далеко от месторасположения батареи автора дневника. Тем не менее, ему очень страшно, и он практически не может уснуть. Утром он узнаёт подробности ночного боя: «Сначала русские накрыли город или окраину Дубровки тяжёлым артиллерийским огнём. Уже накануне вечером около 20.00 примерно 200 русских были переправлены через Десну. Это были лучшие рядовые. Им поручили в Дубровке ворваться в город и захватить, возможно, находящийся там штаб. После артиллерийской подготовки русские напали на нашу пехотную охрану, которая отразила атаку тяжёлым пулемётным огнём. Некоторым русским удалось проникнуть в город и, чтобы вызвать панику, поджечь несколько домов. Большого добиться они не смогли. Они были вынуждены отступить...».

15 героев-разведчиков дали такой бой фашистам, что те приняли их за две сотни советских бойцов! наших погибших солдат и офицеров похоронили местные жители на месте боя. Через несколько лет после войны их останки перенесли в братскую могилу на Мемориал Славы в Дубровке.

Ханкследен и его сослуживцы не знали имена этих разведчиков-героев, нам же теперь они известны. В материалах 11 отдела Архива МО по учёту безвозвратных потерь (с этими данными теперь может познакомиться любой желающий на сайте <http://www.obd-memorial.ru>) читаем имена разведчиков 279-й стрелковой дивизии, пропавших без вести под Дубровкой 24 августа 1941 года: Лури Константин Владимирович, лейтенант, командир разведотряда, Матусов Олег Леонидович, лейтенант, командир взвода, Коршунов Александр Иванович, Ковлягин Павел Фролович, Ликанов Анатолий Васильевич, Лазарев Александр Иванович, Голубев Вениамин Константинович, Родин Фёдор Григорьевич, Рачеев Владимир Александрович, Варюхин Николай Сергеевич, Давыдов Фёдор Иванович, Алексеев Алексей Дмитриевич, Ляпин Виктор Георгиевич, сержант, командир

отделения, Новиков Владимир Михайлович, сержант, Макаров Павел Васильевич.

И вот неожиданно эта история более чем 60-летней давности получила продолжение, ещё раз подтверждающее мудрость о неразрывности связи времён и поколений. Около 14 часов пополудни в пятницу, 28 августа 2010 года, у Дубровской поселковой школы №1 остановилась машина с московскими номерами. В поисках могилы своего мужа, отца, деда и прадеда лейтенанта Константина Владимировича Лури, командира отдельного разведотряда 279-й стрелковой дивизии 50-й армии Брянского фронта, приехала из столицы семья Максимовых.

Вдова Константина Лури Клавдия Степановна, бывшая учительница русской словесности (преподавала в одной из московских школ до 82 лет!), которой на тот момент было почти 90 лет, живо и подробно рассказывала о своём муже.

Константин Владимирович Лури родился 3 июля 1919 года в Новосибирске в интеллигентной семье. Мать, Прасковья Константиновна (урождённая Орлова), была дочерью владельца крупной типографии. Она окончила институт благородных девиц, прекрасно музицировала, владела иностранными языками. А отец был известным и уважаемым в городе адвокатом. До революции он имел частную адвокатскую практику. К сожалению, своего отца мальчик не помнил: он умер от тифа, когда сыну исполнился всего год.

Женившись на вдове, ребёнка усыновил друг отца Власов Пётр Иванович, тоже адвокат, и дал ему свою фамилию. В 1937 году отчим был репрессирован. Небезосновательно боясь за будущее ребёнка, он посоветовал Косте сменить фамилию, вернув отцовскую – Лури, что тот и сделал.

Константин Лури, с отличием окончив школу, поступил в технический институт, где проучился два года. Но потом решил, что его призвание быть учителем, и стал работать в школе, продолжая учёбу заочно. Высокий, статный учитель с безупречно правильными чертами лица, мощной шевелюрой, обаятельной улыбкой и лукавыми глазами пользовался большим успехом у девушек. Но ему приглянулась молоденькая учительница Клавдия, красавица, хохотушка и выдумщица, заводила многих добрых школьных дел. Вскоре они сыграли свадьбу. Молодая

семья жила так дружно и счастливо, что вызывала зависть у многих, кто их знал. В 1941 году у них родилась дочь Лариса.

Образованного и трудолюбивого активиста-учителя заметили и пригласили на работу в горком комсомола, приняли кандидатом в члены ВКП(б). Его ждала карьера комсомольского, а потом партийного работника большого масштаба. Но 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. С самого начала было ясно, что избежать участия в этой войне СССР не удастся. И Константин Лури в 1940 году становится курсантом Новосибирского пехотного училища.

В июле 1941 года состоялся досрочный выпуск военного училища, молодые офицеры ушли на фронт. Клавдия Степановна получила от мужа с фронта лишь одно коротенькое письмо, скорее даже это была записка. До сих пор вдова дословно помнит её содержание: «Дорогие мои Клава и Ларочка! Стоим в Брянских лесах. Что такое вражеские пули, уже успел узнать. Но ничего, они своё получают. Клава, прошу тебя, береги дочку. Обо мне не волнуйтесь. Всё будет хорошо». И больше Клавдия Степановна о муже ничего не слышала.

Сама она позже тоже ушла на фронт. Служила в секретке III Украинского фронта. Вестей от мужа не было, но она верила, что после победы они обязательно встретятся.

«В 1945 году, – говорит Клавдия Степановна, – меня вызвали в военкомат в Новосибирске и сообщили о том, что мой муж, лейтенант Константин Владимирович Лури, командир отдельного разведотряда 279-й стрелковой дивизии, пропал без вести. И всё. Долго ждала, потом ещё раз вышла замуж. Жизнь продолжалась. Всё было в целом хорошо. Но боль потери не отпускала, неопределённость угнетала. Все эти годы мы искали следы Кости. Писали в различные архивы – всё безуспешно. И вот, наконец, случилось! Моя внучка Леночка нашла информацию о своём деде в Интернете на сайте <http://www.obd-memorial.ru>. И вот мы здесь. Собрались за три дня. Мне уже ждать нельзя – возраст. Четыре поколения семьи приехали сегодня на могилу к Косте: я, наша дочь Лариса, внучка Лена и правнук Максим».

Трудно было без слёз смотреть, как старая женщина, что-то шепча, высыпала на братскую могилу землю, привезённую с родины, и набирала в простой целлофановый пакетик

дубровскую землю, чтобы увезти её с собой. Вдова, дочь, внучка и правнук лейтенанта-героя положили цветы на все могилы мемориала. Где именно покоится Константин Лури, никто не знает. Да и память, цветы и слёзы в равной мере заслужили все павшие защитники Отечества.

А через пару лет Клавдия Степановна ещё раз приезжала на могилу мужа-героя в Дубровку, теперь уже с семьёй своего сына.

17 сентября 1943 года. Брянск и Бежица уже освобождены от фашистов. Бои идут на окраинах Дубровки, до полного освобождения которой остаётся меньше двух суток (Дубровка была освобождена воинами 324-й и 108-й стрелковых дивизий 50 армии Брянского фронта 19 сентября 1943 года.) В этот день у деревни Дубровка на подступах к райцентру с таким же названием, но иным ударением – ДУбровка – погиб смертью храбрых уроженец древнего Алтая Алексей Алексеевич Фоминых.

Алексей Алексеевич Фоминых родился в 1910 году. Его жена, Екатерина Фёдоровна, была его ровесницей. Работали супруги в колхозе деревни Озерно-Кузнецово Угловского района Алтайского края. В дружной и работающей семье Фоминых было пятеро детей: Михаил, 1929 г.р., Раиса, 1931 г.р., Таисия, 1935 г.р., Василий, 1938 г.р., Николай, 1941 г.р. В 1931-1933 гг. Алексей Фоминых проходил действительную воинскую службу. После возвращения из армии опять трудился в колхозе.

Началась Великая Отечественная война. На фронт А.А. Фоминых ушёл в июле 1941 года. Из деревни в тот день уходило на войну шесть человек. По воспоминаниям Раисы, сестры Алексея Фоминых, когда новобранцы уже далеко отошли от деревни, вдруг вспомнили, что забыли какие-то важные документы, и вернулись назад. Все как-то засуеверничали: примета плохая. Так и случилось: никто из них домой не вернулся...

Дети остались на руках матери. Самый младший Коля только появился на свет. Старшие дети работали, не покладая рук. Михаил днём трудился в поле, а после заката солнца ходил в ночное пасти скот. Раиса работала учётчицей, сдавала урожай. Остальные были совсем маленькие. Жили впроголодь: весь хлеб отправляли на нужды фронта, сами питались лишь овощами со своего огорода. Ждали мужа и отца с войны. Но не дождались. В июле 1943 года он был ранен в бою, а осенью этого года при-

шла похоронка. Красноармеец Фоминых Алексей Алексеевич, 1-й номер расчёта пулемёта 6-й стрелковой роты 539-го стрелкового полка 108-й стрелковой дивизии 50-й армии Брянского фронта, погиб при освобождении Дубровского района Орловской (ныне Брянской) области.

Вспомним, как складывалась ситуация на этом участке фронта в ходе Орловско-Брянской наступательной операции в сентябрьские дни 1943 года. 30 августа 1943 года командующим Брянским фронтом генерал-полковником М.М. Поповым было принято решение о перегруппировке соединений 50-й армии из района Жиздры в район Кирова для нанесения удара во фланг и тыл кировской группировки вражеских войск.

Ко 2 сентября 108-я стрелковая дивизия генерала Терёмова совершила 100-км марш, сосредоточившись в районе 12 км западнее Кирова. 7 сентября части 108-й, 369-й, 324-й стрелковых дивизий переходят в наступление, в прорыв был введён также 2-й кавалерийский корпус генерала В.В. Крюкова. К 11 сентября части кавалерийского корпуса смогли овладеть плацдармом на западном берегу реки Десна и перерезать важную железную дорогу Брянск-Рославль. Однако немецкое командование подтянуло резервы и приостановило наступление наших войск. Подразделения 2-го кавкорпуса фактически оказались в окружении.

11 сентября 108-я стрелковая дивизия получила задачу обеспечить соединение с частями корпуса. 539-й полк, где воевал А.А. Фоминых, наступал во втором эшелоне дивизии. Противник смог организовать только одну контратаку силами до батальона, успешно отражённую двумя батальонами 539-го стрелкового полка, выдвинутыми из второго эшелона.

13 сентября дивизия продолжила наступление и, оторвавшись от главных сил армии на 35 км, к исходу дня соединилась с частями 2-го кавалерийского корпуса, 407-м и 539-м полками, заняв оборону на восточном берегу реки Десна, в районе села Рековичи.

14 сентября противник, пользуясь задержкой наступления главных сил 50-й армии, атаковал наши части. В течение дня было отражено четыре атаки, однако к исходу дня противнику удалось овладеть деревней Вязовск.

С утра 15 сентября контратака, организованная самим командиром дивизии по овладению Вязовском, успеха не имела. После двухчасового боя, в ходе которого северная окраина Вязовска несколько раз переходила из рук в руки, пришлось отойти в исходное положение. Одновременно противник возобновил атаки на правом фланге дивизии, вклинившись в оборону 539-го полка. Прибывший во второй половине дня на плацдарм 444-й полк переломил ход боя: в 16 часов перешёл в атаку на Вязовск и к 18.00 овладел деревней, полностью разгромив противника. Вклинение в оборону 539-го полка было ликвидировано уже ночью, совместными действиями 444-го и 539-го полков.

С утра 16 сентября атак на плацдарм противник не предпринимал, к исходу дня главные силы армии подошли к задеснянскому плацдарму. В результате действий 2-го кавалерийского корпуса и 108-й стрелковой дивизии занять оборону по западному берегу реки Десна противник не смог.

В ночь на 19 сентября разведка донесла о начавшемся отходе противника от плацдарма, и дивизия перешла к преследованию, овладев районным центром Дубровка.

22 сентября части дивизии преодолели реку Ипать, а к 25 сентября подразделения дивизии достигли рубежа Малая Липовка, Узлоги – в 15 км восточнее Хотимска на территории Белоруссии.

На сайте Министерства обороны РФ «Подвиг народа» мы нашли наградной лист А.А. Фоминых, который за участие в Орловско-Брянской наступательной операции был удостоен ордена Отечественной войны II степени (посмертно).

Во время боёв в Кировском районе в сентябре 1943 года Фоминых Алексей Алексеевич «проявил исключительную мужественность и отвагу. При взятии деревни Зимницы при отражении контратак противника со своим пулемётом выдвинулся впереди боевых порядков и направил огонь на скопление противника, уничтожив до 15 немецких солдат и офицеров и расчёт немецкого пулемёта – 3-х немцев, взяв их пулемёт МГ-34. Вёл стойкий огонь до подхода наших танков, не дав возможности продвинуться противнику». В октябре 1943 года за свой подвиг красноармеец Фоминых был представлен к награждению орденом Отечественной войны II степени (посмертно).

Сестра героя Раиса вспоминает, что вскоре после похоронки им пришло письмо от какой-то женщины из деревни Дубровка, у которой погиб Алексей Фоминых. Она писала, что у неё сохранились кое-какие вещи Фоминых, которые она хотела бы передать родным. Но время было тяжёлое и, к сожалению, никто ей не ответил... Жена, Екатерина Фёдоровна, получив известие о гибели мужа, сильно заболела – рак. В августе 1945 года она умерла. Дети остались совсем одни, младшего отдали в детский дом. Помогла детям выжить сестра покойной матери Мария Фёдоровна.

Старший сын А.А. Фоминых Михаил пошёл служить в армию. Попал в Калининград. Там познакомился с Ниной Семёновной Ивановой. Она пережила жуткие годы оккупации в Островском районе Псковской области. После войны отправилась искать работу. Работала прислугой в Латвии, Литве, потом переехала в Калининград. Когда они поженились и получили комнату, то забрали к себе Василия и Николая. Потом уехали в Рубцовск. Вася и Коля после армии тоже приехали в Рубцовск. Работали все на Алтайском тракторном заводе. Раиса – в чугунолитейном цехе, а Михаил, Василий и Николай – в сталелитейном. Только Таисия уехала жить и работать в Вятские Поляны. Все Фомины работали на совесть, награждались медалями, грамотами. Тесно дружили, во всём помогали друг другу. Жили скромно в бытовом смысле, но с широкой, открытой для всех, богатой душой.

Поиском места захоронения красноармейца А.А. Фоминых семья занималась давно, но безрезультатно. С появлением Интернета открылись уникальные возможности для поиска. Внучка бойца Ирина Михайловна Ржевская нашла на сайте Министерства обороны РФ «ОБД-Мемориал» фамилию деда.

Ржевская через соцсети обратилась к дубровчанам за помощью в поиске могилы деда. Первым откликнулся Владимир Жигай: «У старожилов мне удалось выяснить, что в районе Давыдчи-Дубровка при освобождении погибло около 40 наших бойцов – с церкви прицельно бил немецкий снайпер. Хоронили их в деревне Дубровка. После войны останки перенесли на кладбище в село Давыдчи...». А потом Владимир Жигай прислал Ирине Михайловне фотографии памятника павшим вои-

нам, что стоит на окраине села Давыдчи под Дубровкой, где золотом выбито имя Фоминых А.А.

Воистину «Есть память, которой не будет забвения, и слава, которой не будет конца!»

Примечания:

Статья написана по материалам музея МБОУ «Дубровской СОШ №1 им. генерал-майора Никитина И.С.»

Судьба солдата-сибиряка В.И. Емельяненко, освобождавшего город Брянск

Лонский Валентин Александрович,
ученик МКОУ «Желанновской СОШ»
(с. Желанное, Одесский р-н, Омская обл.)

Руководитель
Лонский Александр Иванович,
учитель информатики МКОУ «Желанновская СОШ»
(с. Желанное, Одесский р-н, Омская обл.)

Я хочу рассказать о судьбе Солдата, об одном из многих миллионов, павших на полях сражений в Великой Отечественной войне. Емельяненко Владимир Иванович – мой дед. Он погиб в 29 лет. Много это или мало? Он был старше меня нынешнего на 12 лет...

Владимир Иванович Емельяненко родился 15 декабря 1916 года в семье первопоселенцев села Желанное Омской области Емельяненко Ивана Ивановича и Анны Кузьминичны. Он был первым ребёнком и остался первым навсегда. Кроме Володи в семье родились Раиса, Екатерина, Елена, Пётр и Антонина – моя бабушка. Володя окончил 9 классов Екатеринославской школы Шербакульского района и до призыва в армию работал шофёром в МТС. В армию был призван в 1936 году и направлен служить в Сибирский военный округ.

Через некоторое время как грамотный и дисциплинированный воин Владимир направляется на учёбу в военно-политическое училище на курсы младших политруков. Вот что

он писал об этом: «Продолжаю учиться на политрука. Требования к учёбе предъявляют очень большие, ибо и к нам предъявят большие требования при испытаниях. Вам, конечно, небезызвестно, чем всё это вызвано. Вам известно, что в армию идут теперь люди весьма грамотные, а для того чтобы с ними работать, надо быть самому хорошо грамотным, широко развитым и в политическом, и в военном отношении. Вот над чем я и работаю. Конец учёбы в марте. По окончании назначаюсь на должность».

В 1940 году Владимир успешно заканчивает училище. Служить его направляют замполитом полка в 133-ю стрелковую дивизию, которая была сформирована в 1939 году в городе Новосибирске. В предвидении войны воины-сибиряки усиленно занимались, одно за другим проходили учения в условиях, приближенных к боевым.

Весть о начале войны застала личный состав дивизии на торжественном построении по случаю открытия летнего лагеря. 25 июня 1941 года 133-я дивизия в составе 24-й армии отбыла на фронт. А 7 июля уже выгружалась в районе города Вязьмы Смоленской области.

В это время развернулось Смоленское оборонительное сражение, в ходе которого немецкие войска впервые за Вторую мировую войну вынуждены были не только приостановить наступление, но и отступать, оставляя города и населённые пункты. 133-я стрелковая дивизия заняла оборону по восточному берегу Днепра в районе деревень Горянцово-Орефино-Попово и Дьяково. Фашисты не раз пытались прорвать нашу оборону, но все их усилия разбивались о стойкость и мужество наших войск.

В конце августа по приказу командования дивизия сдала свой участок обороны другим соединениям и была переброшена в район города Андринополь Калининской (Тверской) области, где вошла в состав 22-й армии. На этом участке дивизия с боями продвинулась на 10-12 километров, освободила около 20 населённых пунктов. Потеря города Калинина (Тверь) осложнила обстановку войск Западного и Северо-Западного фронтов, были приняты срочные меры к укреплению северного участка обороны Москвы. Утром 20 октября части дивизии завязали бои в предместье Калинина. Тяжёлые бои развернулись на улицах города, и только 16 декабря город был полностью освобождён от захват-

чиков, но уже без участия 133-й дивизии, переброшенной на другой участок фронта.

Во второй половине ноября обстановка на Западном фронте снова осложнилась, и 133-я стрелковая дивизия была переброшена в состав 16-й армии в район города Дмитрова, западнее канала Москва-Волга. Здесь она вела ожесточённые оборонительные бои.

5-6 декабря 1941 года началось контрнаступление советских войск под Москвой. 133-я стрелковая дивизия в составе 1-й Ударной армии преследовала отступающего противника и за несколько дней освободила 15 сёл и деревень. 13-15 декабря дивизия по железной дороге передислоцировалась на левое крыло Западного фронта и вошла в состав 49-й армии. 16 декабря во взаимодействии с 26-й стрелковой и 23-й танковой бригадами она форсировала реку Ока, севернее города Таруса Калужской области, и к концу дня освободила населённые пункты Волковский и Кузьмищево.

Вот, что писал об этом Владимир Иванович:

«Дорогие родители. С пламенным приветом к Вам папаша и мамаша любящий Вас сын Владимир. А так же дорогие сёстры. Не знаю как вы, но у меня получается так, чем я старше становлюсь, тем больше притягиваюсь к вам, тем больше я Вас люблю и уважаю всех, и очевидно таков уж характер, часто вспоминаю, думаю о Вас и в будущем (если оно будет) я останусь таким же. Положение на фронте Вы знаете из газет. Враг силён, коварен и подл, борьба только начинается. Борьба будет жестокой, ибо вопрос встаёт так: жить нам или всем погибнуть, быть советскому народу свободным или попасть под иго немецких варваров. В этот момент для меня выбора нет, только вперёд, только победа, смерть я презираю. И если потребуется, отдаю жизнь за дело Родины. Но мою жизнь даром они у меня не отнимут. Дорогие родители, заверяю Вас, за меня Вам не придётся краснеть. Вам же советую: кому положено учиться, работайте, счастливо и дружно живите и ожидайте меня со скорой победой. Ваш сын и брат Владимир. Адрес: действующая армия, п/п 482 511 ГАП п/батарея политрук Емельяненко».

Начались бои по освобождению от захватчиков Калужской области. 26 декабря к исходу дня, преодолевая упорное сопротивление врага, 133-я стрелковая дивизия овладела дерев-

ней Чаусово и, перерезав железную дорогу Малоярославец-Калуга, направилась к городу Кондрово, который 19 января 1942 года был освобождён войсками 49-й армии при активном участии в этих боях 133-й стрелковой дивизии.

3 февраля сибиряки вместе с другими соединениями армии получили задачу: освободить город Юхнов – узел шоссейных дорог, по которым снабжались боеприпасами и вооружением гитлеровские войска. Уделяя обороне Юхнова большое внимание, фашисты обнесли город тремя оборонительными линиями с противотанковыми рвами, дотами и дзотами, заминировав подступы к ним. Ломая упорное сопротивление противника, 5 марта 1942 года 133-я стрелковая дивизия при содействии других соединений освободила город. Противник, выбитый из Юхнова, отошёл на западные берега рек Угра и Ресса, пополнил свои части и вновь стал оказывать сильное сопротивление, остановив наступающие части советских войск на рубеже этих рек.

За высокое военное мастерство, отвагу и мужество, проявленные личным составом в боях с захватчиками, приказом Верховного Главнокомандующего от 17 марта 1942 года 133-я стрелковая дивизия была преобразована в 18-ю гвардейскую стрелковую.

За успешные боевые действия в борьбе против немецко-фашистских захватчиков Указом Президиума Верховного Совета от 3 мая 1942 года дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

«...Мне вчера пришлось разговаривать с одним совсем молодым нашим бойцом. Идём мы по самой передовой (вернее, ползём), нас обстреляли из пулемёта. Потом стали рваться мины – одна, вторая почти рядом... Смотрю, мой боец на лицо побелел. – Ты, говорю, что, ранен? – Да, нет, – отвечает, но что-то сильно страшно! – Ну, – говорю, иди тогда домой, я дальше сам. И пополз я. Дополз до нужного места, оборачиваюсь, а мой Николай вовсе и не отстаёт. – Ты чего, – спрашиваю, не ушёл? – А я, – говорит, вспомнил о вчерашнем письме брата. Пишет, что в освобождённой нашей деревне, куда он попал, всё сожгли, отца повесили, мать сгорела с двумя сёстрами в доме, где их заперли немцы, сестру угнали. И вот я подумал, что это там было страшно, а здесь что, подумаешь, пули! Хотите, сейчас поле-

зу и заброшаю блиндаж немцев гранатами? Конечно, я не разрешил.

Смелость и героизм порождаются преданностью наших бойцов служить РОДИНЕ, НАРОДУ, а ещё больше – непримиримой злобой к варварам рода человеческого. И эта злоба отольётся ещё оккупантам.

О себе почти нечего писать. Жив и здоров, получил новое звание: «гвардии старший политрук». Желаю вам здоровья, а за меня не беспокойтесь. Ваш сын и брат Владимир. 20 августа 1942 г.».

По приказу командующего 49-й армии 18-я гвардейская Краснознамённая стрелковая дивизия заняла рубеж обороны по линии Горанец-Суковка-Ново-Суковка, где простояла до 9 февраля 1943 года. В феврале 18-я гвардейская стрелковая дивизия передала свой участок обороны другим соединениям и, совершив 120-километровый переход, вышла в район города Сухиничи, где вошла в состав 16-й армии, преобразованной 16 апреля 1943 года в 11-ю гвардейскую армию. В рядах этой армии осталась и 18-я гвардейская стрелковая дивизия сибиряков.

12 июля 1943 года войска Брянского фронта и усиленная 11-я гвардейская армия перешли в наступление в общем направлении на Орёл. С 11 июля по 12 августа 1943 года дивизия с боями прошла 160-километровый путь, освободив 53 населённых пункта, прорвала сильно укреплённую полосу обороны противника, перерезала шоссе Волхов-Карачев. В районе станции Хотынец сибиряки перерезали железнодорожную магистраль Орёл-Брянск. Противник потерял свыше 5 тысяч человек убитыми.

За доблесть и мужество, проявленные в боях, около 700 солдат и офицеров были награждены боевыми орденами и медалями. 17 августа 1943 года 18-я гвардейская вошла в дымящийся от пожаров город Карачев. Части дивизии участвовали в освобождении Брянска, освободили посёлок Навля и форсировали реку Десна.

В конце сентября 1943 года 18-я гвардейская стрелковая дивизия была перебросена по железной дороге в район города Великие Луки Псковской области. Здесь дивизия вошла в состав 100-го стрелкового корпуса 3-й Ударной армии 2-го Прибалтийского фронта. Сибиряки получили задачу: не допустить подхода резервов противника в район юго-западнее города Пустошка

Псковской области. Бои здесь продолжались до 25 декабря. В первых числах января 1944 года, вернувшись в состав 11-й гвардейской армии, дивизия вела тяжёлые бои с противником в районе озера Лосвидо северо-западнее города Витебска. Части продвинулись на 3-4 километра, но встретив упорное сопротивление врага, вынуждены были занять оборону.

Утром 23 июня 1944 года могучая артиллерийская канонада возвестила о начале одного из величайших сражений Великой Отечественной войны - Белорусской операции. В брешь, пробитую в немецкой обороне под Оршей (Витебская обл.), вдоль Минского шоссе среди других соединений наступала 18-я гвардейская. Части дивизии участвовали в окружении и разгроме большой группировки немцев в Минском котле. За три с лишним недели сибиряки прошли почти 400 километров трудного фронтового пути.

13 июля 1944 года воины дивизии освободили город Варена (Ораны). 14 июля 58-й гвардейский стрелковый полк вышел на берег реки Неман и получил задание в следующую ночь форсировать реку и захватить плацдарм. На подручных средствах (брёвна, доски, набитые соломой вещмешки) под шквальным огнём противника горстка воинов переправилась через реку и захватила небольшой участок западного берега. Днём гитлеровцы неоднократно пытались сбросить гвардейцев в реку, но все их атаки были отбиты. С восточного берега воинов поддерживала артиллерия дивизии. В следующие сутки полки дивизии форсировали реку Неман. 2 августа сибиряки 18-й стрелковой дивизии освободили город Калвария.

16 октября начались бои по прорыву долговременной обороны гитлеровцев на границе с Восточной Пруссией. 17 октября был освобождён последний литовский город – Виштитис (Виштынец), и вечером 18 октября полки 18-й гвардейской стрелковой дивизии вышли на границу Восточной Пруссии – колыбели германского милитаризма. За первые семь дней дивизия прорвала четыре оборонительных рубежа и вклинилась на территорию Восточной Пруссии до 30 километров. Фашисты отчаянно сопротивлялись, непрерывно контратакуя. Дивизия с боем захватила город Голдап. В течение ноября-декабря 18-я гвардейская стояла в обороне на захваченных рубежах.

Утром 13 января 1945 года 11-я гвардейская армия и 18-я стрелковая дивизия получили приказ начать наступление на город Инстербург (Черняховск). После многодневных кровопролитных

боёв 22 января город был взят. За проявленное мужество и воинское мастерство 18-я гвардейская стрелковая дивизия удостоена почетного наименования Инстербургской.

Советские войска с боями продвигались по Восточной Пруссии. Впереди лежал её главный город – Кёнигсберг (ныне Калининград). Врагу удалось остановить наступление 18-й гвардейской дивизии на рубеже поселка Далеим (Рошино). Несколько дней гвардейцы отражали сильные контратаки гитлеровцев, но не отступили и завоёванных позиций не сдали. 13 февраля 1945 года 18-я гвардейская стрелковая дивизия прорвалась к берегу залива Фришис-Хафф (Калининградский залив). Войска 11-й гвардейской армии отрезали с юга окруженный город Кёнигсберг.

Развернулись бои по уничтожению вражеских войск, окружённых юго-западнее Кёнигсберга, которые закончились только 29 марта. 18-я гвардейская дивизия вместе с другими соединениями 11-й гвардейской армии развернулась на штурм города с юга. После тяжёлых кровопролитных боев 9 апреля 1945 года остатки вражеского гарнизона капитулировали, и город-крепость Кёнигсберг пал.

И в этот же день, ведя своих бойцов в атаку на центральных улицах Кёнигсберга, гвардии майор Владимир Иванович Емельяненко был смертельно ранен. Он не дожил до Победы 16 дней, дивизия после героического взятия последнего города Пиллау, прекратила боевые действия. Похоронили Владимира Ивановича на центральной площади, рядом с памятником немецкому поэту В. Шиллеру.

После войны боевые награды гвардии майора Емельяненко и фотографию места захоронения привёз нашей прабабушке боевой товарищ Владимира Ивановича. В 70-х годах следопыты нашей школы установили, что прах моего дедушки был перенесён на мемориал «1200 гвардейцам». В конце 80-х годов в Калининград, по просьбе прабабушки, ездил мой папа.

И вот однажды, 12 марта 2007 года, в наш дом постучалась ВОЙНА... Тихо так, но настойчиво... С экрана телевизора... «В Калининграде в центре города у памятника поэту Шиллеру поисковыми отрядами в результате раскопок найдены останки советских солдат. Ранее считалось, что останки советских воинов были перенесены».

На следующий день отцу удалось связаться с корреспондентом «КП – Калининград» Игорем Ореховым, который в свою очередь помог связаться с поисковиками города Калининграда. И началась

долгая работа по возвращению Владимира Ивановича Емельяненко домой.

Всё затруднялось тем, что когда хоронили Владимира Ивановича в апреле 1945 года, допустили ошибку: вместо «Емельяненко» на обелиске написали «гв. м-ор Емельянов В.И.». Пришла весть, что прах Владимира Ивановича и его боевых друзей вроде бы перенесли на мемориал на улице Энгельса, а не «1200 гвардейцев», как считали мы. На самом деле никто ничего не переносил, просто снесли обелиск и разбили клумбу. А на мемориале «1200 гвардейцам» после реконструкции фамилия Емельяненко стала Емельянченко.

Поисковикам не разрешили продолжать раскопки у памятника Шиллеру, необходимо было вскрывать асфальтовое покрытие, а на его восстановление не было денег. И только после того, как жители Калининграда начали сбор средств на продолжение раскопок, власти разрешили продолжить работы, и 8 мая поисковики закончили подъём останков воинов.

По рекомендации Калининградской Ассоциации поисковых отрядов «Память», мы сделали запрос в Центральный архив Министерства обороны РФ, и в начале мая пришёл ответ: «Гвардии майор Емельяненко Владимир Иванович похоронен на площади у Оперного театра».

Для того, чтобы не допустить ещё одной ошибки, благодаря помощи депутата Государственной думы Смолина Олега Николаевича, был сделан повторный запрос в архив на гвардии майора Емельянова В.И. В июле пришёл ответ: «Гв. м-р Емельянов В.И. в списках офицерского состава и безвозвратных потерь не значится», т.е. подтвердилось, что найдены останки Владимира Ивановича.

Было решено прах Владимира Ивановича перевезти в родное село и перезахоронить со всеми воинскими почестями. В этом по поручению Губернатора Омской области Полежаева Леонида Константиновича нам стали помогать работники Комитета безопасности правительства.

28 сентября 2007 года отец вылетел в г. Калининград, и 29 сентября на плацу Военно-морского института гроб с останками Владимира Ивановича Емельяненко был торжественно передан отцу.

А 5 октября состоялось торжественное перезахоронение гвардии майора В.И. Емельяненко. На церемонию прощания пришли почти все жители нашего села, люди из других сёл района, приехали из города Омска. Были и школьники, и ветераны, те, кто вместе с

Владимиром Ивановичем прошли трудными фронтовыми дорогами. Было много цветов и слёз.

Это был первый случай перезахоронения не только в нашем селе, но и в области. И каждый, у кого в семье кто-то погиб на фронте, вспомнил о нём.

Я постарался рассказать о судьбе одного из Солдат Великой Отечественной, одного из многих миллионов, сложивших голову на поле брани. Я описал боевой путь дивизии, в которой мой дедушка Владимир Иванович Емельяненко служил с первого дня её создания до своей гибели. Путь дивизии – это путь Владимира Ивановича, это его жизнь. Другой у него не было.

Конечно, ещё много «белых пятен» в судьбе Владимира Ивановича, многое утеряно, забыто, из музея похитили его награды. Но, наверное, самое главное, когда наступил момент проверки нас, мы не отвернулись, не сделали вид, что это нас не касается, и проделали огромную работу по возвращению Владимира Ивановича домой. Как Победителя, как он того желал.

И удалось это сделать благодаря бескорыстной помощи многих и многих людей. Возвращение Владимира Ивановича Емельяненко послужило толчком для создания в нашей школе поискового отряда «Звезда», для создания Книги Памяти погибших участников Великой Отечественной войны, жителей сёл, входящих в наш сельский совет. В музее села мы подготовили экспозицию о боевом пути Владимира Ивановича Емельяненко, о поисковой работе. Отец привёз много экспонатов из Калининграда, переданных поисковиками.

Мы подружались с калининградскими поисковыми отрядами «Память» и «Совесь». В 2011 году по приглашению калининградцев наш поисковый отряд «Звезда» принял участие в Вахте Памяти, которая проходила в тех местах, где сражался Владимир Иванович и его боевые товарищи.

... 29 лет – это много или мало? Для одних – мало, а гвардии майор В.И. Емельяненко, мой дед, в свои 29 успел многое. Он успел стать Победителем.

Примечания

Статья написана по материалам семейного архива Емельяненко-Лонских и архива поискового отряда школы «Звезда».

Без вести не пропавший. Солдат и партизан Алексей Чумаков

Парфенова Лидия Ивановна,
ветеран педагогического труда
(с. Ельники, Ельниковский р-н, Республика Мордовия)

В нашем мордовском селе Ельники свято чтут память земляков, сложивших головы на полях сражений в годы Великой Отечественной войны. Среди них и Алексей Иванович Чумаков, погибший при защите Брянской земли.

Родители Чумакова, Иван Филиппович и Анастасия Фёдоровна, были крестьянами-единоличниками, потом вступили в колхоз. Иван Филиппович был председателем ревизионной комиссии, Анастасия Фёдоровна возглавляла звено полеводов. Это были грамотные по тем временам люди: они закончили четыре класса церковно-приходской школы. Работали усердно и честно, заботились о детях. Кроме Алексея, родившегося 13 марта 1919 года, в семье было ещё трое детей: Степан, 1921 года рождения, Полина, 1924 года рождения, и Анна, 1928 года рождения.

В 1928 году Алексей поступает в первый класс. Ельниковская школа в то время была семилеткой, но в 1936 году открываются двери новой школы и она становится средней. Выпускники 1938 года были первыми, получившими путёвку в жизнь – аттестаты. Их было 12: 10 юношей и 2 девушки.

Алексей отличался хорошими способностями, учился в школе старательно и прилежно, был одним из лучших учеников. Оценки за его ответы учителя ставили самые высокие. Он был разносторонне развитым юношей. Интересовался происходящими в мире событиями, увлекался литературой, тайно ото всех сочинял стихи, но особое предпочтение отдавал математике. В этой науке среди сверстников ему не было равных.

Сельскому парню приходилось много работать, особенно в летнюю пору. Время летело своим чередом. Незаметно наступили дни экзаменов. Алексей Чумаков сдал их на «отлично». В его аттестате было только две «4» – по рисованию и военному делу. Это давало ему право поступать в высшее учебное заведение без экзаменов. Заканчивая в 1938 году Ельниковскую

среднюю школу, Алексей Чумаков знал твёрдо – он станет горным инженером.

Однако в Москву, по семейным обстоятельствам, поехать не пришлось. В том же 1938 году Алексей женился на Полине Фёдоровне Лукашиной. Знакомство произошло на курсах по ликвидации неграмотности. Полина посещала эти курсы, а Алексей преподавал там. Из-за нехватки кадров ученики старших классов вели эти курсы.

В 1938 году в молодой семье Чумаковых родилась дочь Зина. Мечта об учёбе затянулась. Поразмыслив, в 1939 году Алексей поступает в Мордовский педагогический институт на факультет языка и литературы заочно. Институт в то время находился в Темникове. Ельниковское РОНО, учитывая способности Чумакова, принимает его учителем в Ельниковскую среднюю школу, а 15 апреля переводит в Новодевиченскую неполную среднюю школу учителем математики.

Никто не знал, что в тайне Алексей всё же послал заявление в Московский горный институт. И однажды, придя домой, увидел на столе конверт с извещением от 31 июля 1939 года о зачислении его кандидатом на правах отличника. На семейном совете было решено, что ему надо ехать в столицу учиться. Только уехать опять не пришлось. Новорождённая вторая дочка Валя принесла в семью новые хлопоты, радости и волнения.

А 21 ноября 1939 года пришла в дом Чумаковых повестка в армию. Алексей уезжал с тяжёлым чувством. Никто из близких не знал тогда, что они видят Алексея Чумакова в последний раз.

Чумаков вместе с Никитой Князевым и Алексеем Крючковым из соседней деревни Александровка попадает на службу в город Чаусы Могилёвской области Белоруссии (п/я 100, литер 32).

Писал домой часто. Чувствовалось, что он тоскует по дому, родным, жене, детям. Вот одно из писем, датированное 31 декабря 1939 года: «Добрый день, моя лучшая подруга жизни, любимая жена Полина. Шлю вам свой огромный привет, и желаю хороших успехов и счастья в вашей семейной жизни с родителями и детьми. Шлю свой привет и желаю здоровья своим детям: Зине и Вале. Недавно послал вам два стихотворения, называются они «Чумаковой П.Ф.» и «Зине». Привыкаю к

службе. Занятия кажутся мне лёгкими, хотя длятся по 8-9 часов. Недавно получил винтовку. Поздравляю всех с Новым годом!».

Через год службы Алексея Чумакова вместе с Никитой Князевым направляют в Казань на курсы по подготовке младшего командного состава, о чём свидетельствует фотография от 23 ноября 1940 года, хранящаяся в семейном архиве.

Началась Великая Отечественная война. Нам не удалось узнать, как и где Алексей Иванович Чумаков получил боевое крещение. Возможно, по окончании курсов он был отправлен по старому месту службы в Белоруссию.

Мы знаем только, что, как и многие в те времена воины-окруженцы, он попал в Брянские леса, и с 4 мая 1942 года был командиром взвода Первой Клетнянской партизанской бригады Ф.С. Данченкова, которая базировалась в Бочарах. Здесь почему-то он был известен как Чумаков Николай.

Домой от него пришло несколько писем без обратного адреса из партизанского отряда. В одном из них Чумаков просил сообщить родным о гибели его друга Никиты Алексеевича Князева. Но вскоре связь прервалась. Безрезультатными оказались попытки узнать что-либо от бойцов, вернувшихся домой по ранению, никто не видел и не встречал Алексея, а он продолжал молчать.

В октябре 1947 года в семью Чумаковых пришло известие о том, что Алексей Иванович пропал без вести в ноябре 1943 года.

Вдова Алексея Ивановича, Полина Фёдоровна Чумакова, умерла 6 февраля 1993 года. Всю жизнь она помнила и ждала своего Алёшу. Оставшись вдовой с двумя маленькими детьми на руках, она прошла трудный путь, работала от зари до темна. Сама малограмотная, выучила детей, дав им среднее специальное образование. Зина окончила Краснослободское медучилище и работала медсестрой в Ельниковской больнице, Валя – Казанский учётно-кредитный техникум и трудилась в отделении Госбанка экономистом.

Став взрослыми, они решили отыскать место захоронения своего отца, начали писать запросы в Военный комиссариат Мордовской АССР, в Институт марксизма-ленинизма, партийный архив Смоленского области.

Из ответов на эти запросы родные и узнали, что Чумаков Алексей (Николай) Иванович с 4 мая 1942 года числился командиром взвода партизанского отряда 1-й Клетнянской бригады. Погиб 4 мая 1943 года на шоссе Рославль-Брянск, в районе станции Красная-Гананыкино. Похоронен на Бочаровском кладбище Дубровского района Брянской области. Командир бригады Данченков Фёдор Семёнович, комиссар бригады Гайдуков Илья Кузьмич.

Когда стало известно о месте захоронения Алексея Ивановича, в июне 1977 года дочери поехали в Бочары. Здесь, в тридцати с лишним верстах от посёлка Дубровка, находился в период войны партизанский отряд легендарного комбрига Ф.С. Данченкова. Дочери Алексея Ивановича приехали в эти места, чтобы поклониться праху отца, возложить цветы, а ещё привезли на братскую могилу горсть родной земли. Об этой поездке писали в газетах «Сельская жизнь» (Москва) и «Знамя труда» (Дубровка).

После того, как удалось установить место захоронения Алексея, его сестра Полина Ивановна с племянницей Ниной тоже побывали в Бочарах и обратились в газету «Брянский рабочий» с просьбой разыскать людей, знавших брата. И вот в июне 1977 года она получила письмо из Лутни Клетнянского района Брянской области от Кондратенко Гавриила Никитьевича. Вот что он написал: «Я был в 1-й Клетнянской партизанской бригаде, а ещё раньше он назывался отряд имени Чапаева. Командиром партизанской бригады был Данченков Фёдор Семёнович. Наш отряд находился на границе Клетнянского и Дубровского районов Брянской области, в Бочаровском лесу. Наш отряд имени Чапаева был боевой. За время своего существования взорвали 43 моста, уничтожено десятки железнодорожных путей, пущено под откос 86 немецких эшелонов с живой силой и техникой, уничтожены сотни немецких автомашин, разбито много немецких гарнизонов. Много побили врагов, но и мы несли потери.

Чумаков Алексей Иванович был вместе со мной в первом батальоне, он был командиром взвода. К сожалению, ни командира роты, ни командира батальона нет в живых.

За 30 километров от нашей стоянки на шоссе на дороге Брянск-Рославль, по которой враг перебрасывал технику к

фронту, нам нужно было взорвать мост на овраге и помешать движению сил врага...».

Совсем недавно орловский журналист Александр Алоян, который давно и плодотворно занимается изучением истории Первой Клетнянской партизанской бригады, прислал нам описание боя на Тананыкинском мосту, ставшего последним в жизни нашего земляка.

«Деревянный мост между деревней Пеклино и станцией Красная в народе называли «тананыкинский». Он имел около сорока свай. Через него проходило автомобильное шоссе Смоленск-Брянск. Шоссе являлось одной из главных транспортных артерий немцев. По нему перебрасывали к фронту войска и грузы. Взорвать мост означало полностью прекратить движение по шоссе минимум на неделю. Немцы и полицейские его хорошо охраняли. У моста – по обе стороны глубокого оврага – располагались четыре дзота (представляли особую опасность), бункеры и траншеи полного профиля с ходами сообщения. В радиусе 3-10 километров от моста дислоцировались крупные вражеские гарнизоны. Охрана моста поддерживала с ними постоянную связь.

Командование бригадой провело тщательную разведку. В операции был задействован 1-й батальон под командованием Яшина (в полном составе), взвод разведки и взвод подрывников Чмыхова. В состав 1-го батальона входил взвод Андроника Гогоряна. Для захвата моста были сформированы ударные группы. Операцией лично руководил комбриг Ф.С. Данченков. Её участники вышли из лагеря вечером 4 мая.

Предстояло пройти нелёгкий путь – 30 километров по лесной и пересечённой местности. Реки и ручейки преодолевались по колено в воде. Весенняя слякоть засасывала обувь. К рассвету 5 мая партизаны скрытно прибыли в Белизненский лес и остановились в густой чаще на привал. Чтобы обеспечить до темноты скрытность пребывания, Данченков категорически запретил без его личного распоряжения отлучаться из расположения и разводить костры. Бойцы просидели весь день в полной тишине.

На деревьях у опушки леса сидели с биноклями наблюдатели. Они контролировали движение вражеских автомашин по шоссе и периодически докладывали Данченкову обстановку

в районе моста. Когда стемнело, комбриг построил отряд и отдал приказ на штурм и уничтожение моста. На шоссе – слева и справа от него – были организованы засады, каждая численностью до взвода. Бойцам поставили задачу не допустить подхода подкрепления со стороны Пеклино и станции Красной. Штурмовые подкрепления вышли из леса и двинулись к мосту. Время атаки было назначено на 24.00. Но при выходе партизан 1-й роты под командованием лейтенанта Воронина на рубеж атаки противник обнаружил их и открыл огонь. Темноту прошили трассирующие пули. Местность осветили осветительные ракеты. Партизаны залегли и открыли ответный огонь. По амбразурам четырёх дзотов огонь вёлся из противотанковых ружей и пулемётов «дегтярёв», стрелявших бронезажигательными пулями. По сигналу комбрига партизаны с криком «ура!» бросились к мосту. Во вражеские укрепления полетели гранаты. Но враг сопротивлялся упорно. Огнём из дзотов он старался отрезать партизан от моста. Бой затягивался. Несколько смельчаков подползли вплотную к дзотам и забросали их гранатами. Мост был взят. После окончания минирования командир подрывников Анатолий Чмыхов, держа в руках электрическую машинку, повернул ручку. Но взрыва не последовало. В это время справа на шоссе возник шум боя. Вражеское подкрепление, прибыв из Пеклино, нарвалось на засаду. Наступил критический момент. Но подрывники успели устранить повреждение в электрозапалах сети. Грянул взрыв. В ночное небо взметнулись сваи, доски, брёвна. Но взрыв обрушил только середину моста. Пришлось заново минировать правый и левый пролёты. Всё это делалось под огнём. Мост в итоге рухнул. Движение немецкой техники по шоссе остановилось на 12 дней».

Из письма Гавриила Никитьевича Кондратенко: «Отряд начал отход. Когда стали отходить, оставшиеся в живых охранники укрепились в дзоте и открыли огонь из пулемёта. Чумаков схватил ручной пулемёт и, подбежав ближе к дзоту, стал стрелять по нему стоя. В это время подъехали немецкие танки, они открыли ураганный огонь и сразу же срезали Алексея. Командир отряда приказал одному из партизан, вынести тело Алексея. Но тот вскоре вернулся раненый. Командир приказал вынести мне. Я пополз по кювету, а в трёх метрах от Алексея открытая местность, пули жужжат, никак нельзя было подползти, и я вер-

нулся. Противник подтянул значительные силы, и нам дальше оставаться было нельзя. Тело Алексея осталось на территории, занятой врагом».

В ходе операции погибло семь бойцов. Среди них были командир взвода Николай Чумаков, отважный партизан Павел Захаров. Ещё десять получили ранения, Андроник Гогорян – смертельное. Раненных бросились выносить из обстреливаемой зоны разведчицы Ольга Дорошенко и Зинаида Антипенкова. Погибших позже похоронили на партизанском кладбище у деревни Бочары в братской могиле.

За храбрость и личную отвагу Алексей Иванович Чумаков был награждён медалью «Партизану Отечественной войны» II степени. К сожалению, он не получил её, не дожидая светлых дней Победы. Медаль была вручена дочери Валентине Алексеевне 7 июля 1977 года. Бережно, как самую драгоценную реликвию, хранят Чумаковы эту медаль.

Алексей Иванович Чумаков мечтал учиться, получить высшее образование и стать инженером, но война не позволила осуществиться его мечте. Её воплотил в жизнь внук Чумакова, Белоусов Алексей Павлович. Окончив Мордовский государственный университет в 1997 году и получив профессию – инженер электронной техники, он работает в городе Сарове Нижегородской области во Всероссийском научно-исследовательском институте экспериментальной физики.

Комбриг 1-й Клетнянской партизанской бригады полковник Фёдор Семёнович Данченков писал: «29 сентября 1943 года мы покидали наши Бочары. Нигде я не испытывал ничего подобного. Такое чувство бывает у взрослого человека, когда он навсегда расстаётся со своим домом, в котором родился, рос, воспитывался в кругу дружной семьи. Два года назад по этим самым тропинкам, по дороге, по которой теперь стекались на широкую поляну партизанские батальоны, и полки, мы прошли небольшой горсточкой, почти безоружные. Сейчас нас три тысячи – закалённых, испытанных бойцов. На вооружении бригады 600 пулемётов и автоматов, орудия, миномёты, около двух тысяч винтовок. У братской могилы уже строилась бригада. В последний раз. Не по команде – по зову сердца.

Передо мной стояли боевые друзья, товарищи. Мы прощались с теми, дорожке которых у нас не было. Прощались с

братьями, отдавшими жизнь за нас, за нашу Родину. Преклонилось боевое знамя бригады, застыли в скорбном молчании бойцы. Я видел слёзы на глазах у тех, кто ни разу не дрогнул перед смертельной опасностью. Вот тогда у братской могилы, мы поклялись навсегда остаться верными памяти павших, партизанскому братству.

Грянул салют из всех видов оружия. Мы уходили не на отдых. Партизаны 1-й Клетнянской бригады вливались в дивизии и полки 50-й армии. Впереди были трудные бои, но мы помнили о клятве помнить о тех, кто навеки остался в земле под зелёными сводами Брянского леса».

Помнить о павших героях должны и мы, потомки, во имя которых они и отдали свои жизни в борьбе с фашизмом. В 1982 году была объявлена Всесоюзная операция «Летопись Великой Отечественной». Учащиеся нашей школы собрали тогда материал о Чумакове Алексее Ивановиче, провели пионерский сбор, на который пригласили сестру Алексея Ивановича – Полину Ивановну, оформили альбом, который хранится в Ельниковском историко-краеведческом музее. Имя героя-партизана Алексея Чумакова, как и имена других земляков, павших в годы Великой Отечественной войны, знает у нас каждый сельанин.

В честь 95-летия героя-земляка Алексея Ивановича Чумакова в селе был проведён торжественный мемориальный вечер, который подготовил наш краеведческий клуб «Чтобы помнили», действующий с 2000 года.

Мы хотим, чтобы и у вас, на Брянщине, помнили подвиг мордовского героя войны Алексея (Николая) Ивановича Чумакова, погибшего в боях за освобождения Брянской земли и навсегда оставшегося в ней.

Примечания

Статья написана по материалам музея Ельнинской школы и краеведческого клуба «Чтобы помнили».

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕЗОЛЮЦИЯ
научно-практической конференции «Брянщина в годы
Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
Люди. События. Факты»

В нынешнем, 2013 году, Брянщина отмечает знаменательную дату – 70 лет со дня освобождения от немецко-фашистских захватчиков.

Мы, дети и внуки советских солдат – победителей, помним о подвиге наших предков и хотим передать эту память подрастающему поколению. Именно на нас сейчас лежит ответственность за память об Отечественной войне и Великой Победе нашего народа против фашизма, за то, что именно будет знать подрастающее поколение о героических вехах истории нашей страны и нашей малой родины.

Именно поэтому шесть лет назад было принято решение о проведение конференции, посвящённой изучению истории военных событий на территории Брянщины.

Научно-практическая конференция «Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Люди. События. Факты» постепенно становится важным звеном краеведческой исследовательской работы, нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения Брянщины. Во-первых, в научный оборот вводятся новые исторические документы, ставшие доступными нашим исследователям, презентуются новые научные труды по истории военной Брянщины. Ещё один факт – участие в конференции школьников, студентов – победителей конкурсов исследовательских работ, посвящённых героическим страницам истории нашего края. Совместное участие разных возрастных категорий – от школьников до маститых учёных – хорошая практическая школа для подрастающих поколений. Так прививается интерес к науке, формируется чувство патриотизма.

Считаем, что по-прежнему для Брянщины, особую актуальность имеют вопросы изучения боевых действий войск Брянского и Центрального фронтов на территории края в годы Великой Отечественной войны, развития партизанского движения на

оккупированной территории области и его вклада в победу, сущности нацистского оккупационного режима.

Особое внимание следует уделить проблеме изучения источников по истории сожжённых деревень Брянщины, уточнения списков уничтоженных нацистами мирных граждан и увековечения их памяти.

Необходимо углубить изучение истории военной повседневности в целях более точной реконструкции исторического портрета человека военного времени, привлекая фронтовые письма и дневники, фотоматериалы, материалы устной истории.

Особое внимание следует уделять патриотическому и нравственному воспитанию молодёжи, укреплению неразрывной связи поколений, постоянной заботе о ветеранах войны.

Великий подвиг советского народа, отстоявшего свободу Родины в той страшной войне, будет жить в веках.

Вечный огонь горит у памятника борцам за свободу родного края на площади Партизан в Брянске.

Вечный огонь горит у Стены Памяти Мемориального комплекса «Партизанская поляна».

Вечный огонь горит в наших сердцах!

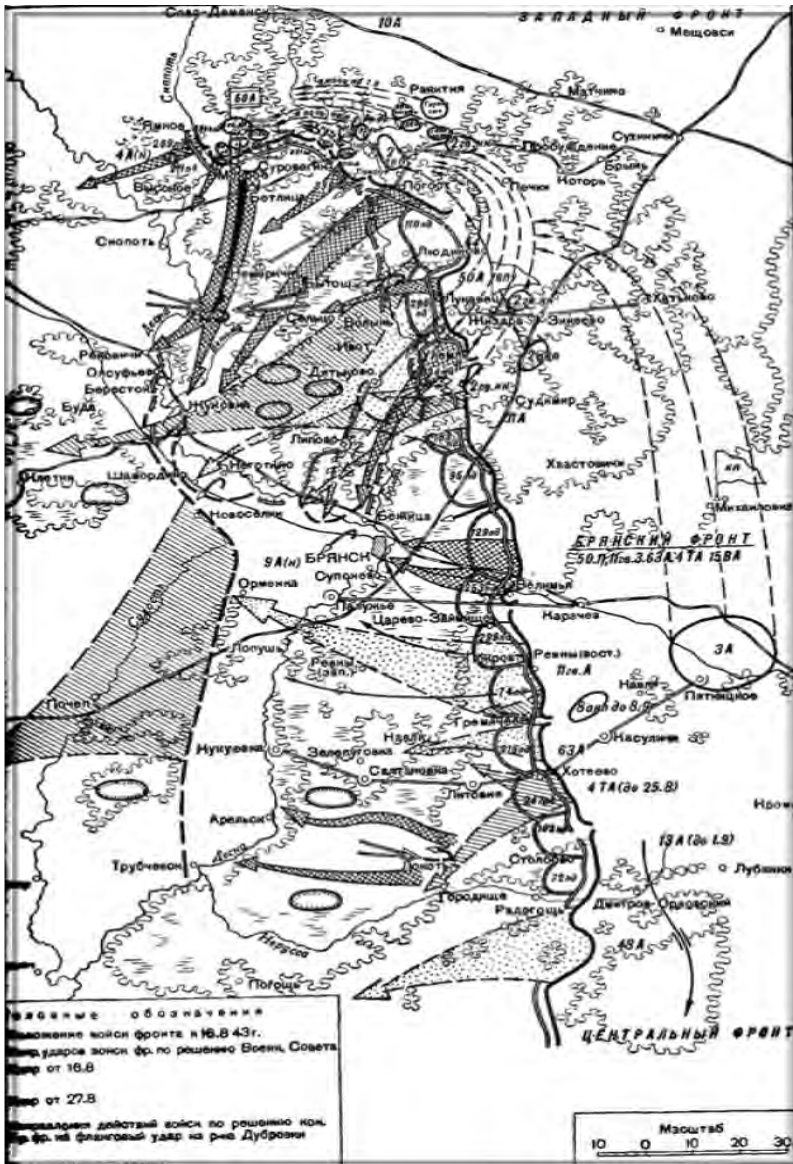

Рис. 1. Задача Брянского фронта и направления главных ударов (по решению командующего фронтом от 16 и 27 августа 1943 г.)

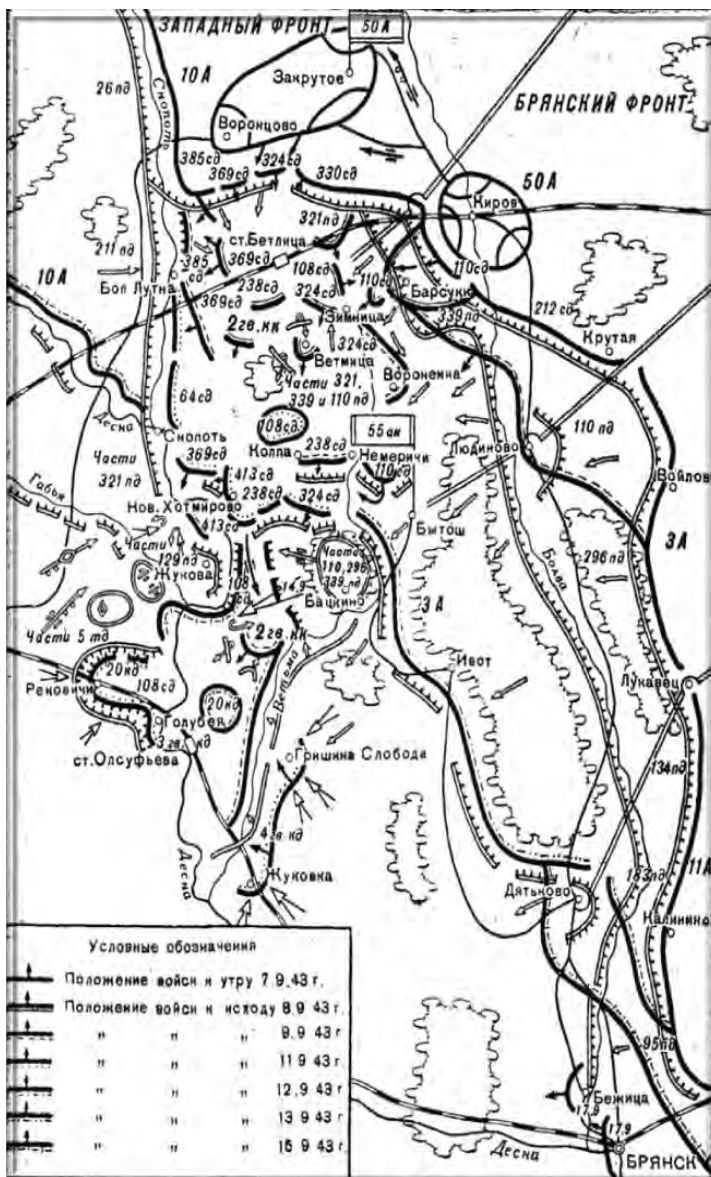

Рис. 2. Ход боевых действий 50-й армии в период 7-15 сентября 1943 г.

**ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
БОЛДИН И.В.,
КОМАНДУЮЩИЙ
50-Й АРМИЕЙ БРЯНСКОГО
ФРОНТА
В 1943 ГОДУ**

**ГЕНЕРАЛ АРМИИ
ПОПОВ М.М.,
КОМАНДУЮЩИЙ
БРЯНСКИМ ФРОНТОМ
В 1943 ГОДУ**

**ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
ФИРСАНОВ К.Ф.,
НАЧАЛЬНИК
УПРАВЛЕНИЯ НКВД
ПО ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ВОЕНКОР
КОКОТОВ Л.Г.**

**ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА
ТРОФИМОВ И.А.**

**ГРАМОТА ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТРОФИМОВА И.А.**

**ЛЕБЕДЕВ П.Ф.,
СОБИРАТЕЛЬ
ФРОНТОВОГО
И ПАРТИЗАН-
СКОГО
ФОЛЬКЛОРА**

**ГВАРДИИ МАЙОР
ЕМЕЛЬЯНЕНКО В.И.
ОСВОБОЖДЛ
БРЯНЦИНУ
В СЕНТЯБРЕ 1943 ГОДА**

**ЧУМАКОВ А.И.,
КОМАНДИР ВЗВОДА
ПЕРВОЙ КЛЕТНЯН-
СКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ
БРИГАДЫ**

**РЯДОВОЙ
ФОМИНЫХ А.А.
ПОГИБ
ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ
ДУБРОВКИ
17 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА**

**ЛЕЙТЕНАНТ
ЛУРИ К.В.
ПОГИБ В БОЮ
НА ОКРАИНЕ
ДУБРОВКИ
24 АВГУСТА 1941
ГОДА**

**ВДОВА К.В. ЛУРИ КЛАВДИЯ СТЕПАНОВНА И ДОЧЬ ЛАРИСА
НА МОГИЛЕ ГЕРОЯ-РАЗВЕДЧИКА В ДУБРОВКЕ
28 АВГУСТА 2010 ГОДА**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ	3
ВЫСТУПЛЕНИЯ	5
Изонов В.В. Фланговый удар Брянского фронта в 1943 г. К 70-летию освобождения г. Брянска	5
Манжосов А.Н., Золотухин А.Ю. Брянский узел Московско-Киевской железной дороги в начальный период Великой Отечественной войны	18
Гавренков А.А. Брянский фронт третьего формирования (28.03-10.10 1943 г.) в Орловской стратегической наступательной операции «Кутузов» (12 июля – 18 августа 1943 г.)	22
Коровин В.В. Материально-техническое снабжение партизанских формирований Центрального Черноземья в 1942-1943 гг.	33
Кокотов Б.Л. Ленинградские заметки военкора Л.Г. Кокотова, моего отца	41
Ефремова Т. «Смерть на войне обычна и сурова...» (История жизни и смерти рядового солдата Великой Отечественной войны Ивана Андреевича Трофимова)	60
Кукатов А.В. Личный фонд К.Ф. Фирсанова в Государственном Архиве Самарской области	70
Мехедов В.Д. По горячим следам боёв. Рукописные издания партизан	82
Жукова А.Т. Жизнь прожить – не поле перейти. Страницы биографии старого учителя	88
Янковский Л.А. Такое не забывается. Воспоминания освободителя Освенцима	95
Андрюшина М.С. Лебедев Павел Фёдорович – хранитель фронтовых и партизанских песен.....	100

Екимцев А.В., Филина Н.Н. Информационно-поисковый центр «Витязь» как экспериментальная площадка для патриотического воспитания молодёжи	108
Алоян А.К. История создания советскими военнопленными-армянами подпольной организации «Патриоты Советской Родины» и её деятельность на территории оккупированных районов Брянщины	112
Тёрушкин Л.А. Письма и дневники евреев СССР о жизни в эвакуации	119
Шнеер А. Об особенностях расследования в СССР преступлений, совершённых нацистскими пособниками в годы Второй мировой войны	125
Жукова Т.Г., Бибикова Н.В., Бибикова Л.В. Они погибли на Дубровской земле (по материалам музея МБОУ Дубровская №1 СОШ им. генерал-майора Никитина И.С.)	137
Лонский В.А. Судьба солдата-сибиряка В.И. Емельяненко, освобождавшего город Брянск	146
Парфенова Л.И. Без вести не пропавший. Солдат и партизан Алексей Чумаков	155
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Резолюция НПК «Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Люди. События. Факты»	164
Иллюстрации	166